К 200-летию
Института востоковедения РАН

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Альфина Сибгатуллина

НЕПРЕКЛОННАЯ ХАЛИДЕ

Жизнь и творчество турецкой писательницы Халиде Эдип Адывар

Москва
«Пробел-2000»
2018

УДК 811.512.161.09+929Адывар
ББК 83.3(5Туц)
С34

Рецензенты:
д.ф.н. С.Н. Утургаури (ИВ РАН)
д.ф.н. В.А. Бигуаа (ИМЛИ РАН)

Сибгатуллина, Альфина Тагировна
С34 Непреклонная Халиде : Жизнь и творчество турецкой писательницы Халиде Эдип Адывар / А. Т. Сибгатуллина ; Институт Востоковедения РАН. – Москва : Пробел-2000, 2018. – 184 с.

ISBN 978-5-98604-689-1

В книге исследуются жизнь и творчество одной из ярких писательниц в истории турецкой литературы Халиде Эдип Адывар (1882–1964). Выпускница американского колледжа, соратница Ататюрка в национально-освободительной войне, активный борец за права женщин, Халиде Эдип прожила богатую на политические и драматические события жизнь и оставила после себя два десятка романов, сборники рассказов и огромное количество публицистических статей. Романы «Хандан», «Синекли баккал», «Огненная рубашка», «Испытание турка огнем» составляют классику турецкой национальной литературы и сегодня пользуются популярностью у читателей.

Книга адресована тюркологам и всем, кто интересуется турецкой литературой.

ISBN 978-5-98604-689-1
© Сибгатуллина А.Т., 2018
© Институт востоковедения РАН

Введение

Халиде Эдип Адывар (1882–1964) – писатель и публицист с богатым наследием, непосредственная участница и летописец-хронолог национально-освободительной войны в Турции, депутат парламента, блестящий интеллектуал и интернационалист. Во многом она была первой из первых: первая турчанка – выпускница американского колледжа, первая женщина-оратор, первая женщина-профессор, первая женщина-офицер, устремившаяся с одного фронта на другой, первая романистка республиканского периода, возможно, первая турчанка, испытавшая боль изгнания. Своими литературными произведениями, научно-публицистическими сочинениями Халиде Эдип, чья жизнь охватила один из самых важных этапов истории страны, перехода от империи к национальному государству, доказала роль женщин в создании Турецкой Республики.

За всю свою жизнь Халиде Эдип написала множество статей об истории Турции, политике, турецкой литературе, архитектуре, педагогике, а также о культуре, экономике, быте тех стран, где проживала. Поднятые в периодической печати и выступлениях темы нашли свое продолжение в ее романах. Ее участие в идеологических дебатах и литературные произведения сыграли решающую роль в определении параметров восприятия, обсуждения и применения основных вопросов национализма, «женского вопроса» и модернизма.

Несмотря на то что многие подробности жизни Халиде Эдип Адывар нашли отражение в автобиографических произведениях и мемуарах, а также в основательных монографиях и диссертациях, все же полноценный образ этой уникальной женщины так и не создан, не дана окончательная и объективная оценка ее роли в истории страны и турецкой литературы. Даже в литературоведческих трудах превалирует политико-исторический взгляд на судьбу Халиде, а в прессе продолжают звучать обвинения ее то в «американизме», то в «национализме», то в «западничестве», то в «масонстве» и тому подобном. Существующая историография на турецком и английском языках изображает Халиде Эдип Адывар как сложную фигуру, заслуживающую осмысления и исторического понимания. Очень смелая для своего времени личность, ближайший соратник Ататюрка,

женский лидер национально-освободительного движения, Халиде Эдип Адывар обладала независимым характером, имела собственное мнение о демократии, марксизме, социализме, кемализме и не боялась его высказывать. Она была «интеллигентом, который в любое время не смущался думать своей головой и был готов расплатиться за это»[1].

В турецкой публике существуют два противоположных облика этой женщины: «первый – образцовая турчанка, лидер в движении освобождения турецких женщин. Другой облик – женщина с демоническим характером, которая изменила революции Ататюрка и претендовала на власть»[2]. Существует также тенденция признания лишь литературных заслуг Адывар, игнорирующая ее роль в официальной турецкой истории, хотя Халиде находилась в эпицентре событий, происходивших в общественно-политической жизни Турции, и ее судьба неразрывно связана с перипетиями сложной политической обстановки первой половины XX в. Смело разрушив существовавшие стереотипы патриархального общества, Халиде Эдип вышла на передовые позиции общественно-политической и культурной жизни Турции, доказав своим примером высочайший умственный, физический и моральный потенциал женщины.

Сегодня полемика вокруг взглядов и наследия этой многогранной, противоречивой, возможно, тем и интересной личности не утихает, что, собственно, поддерживает интерес к ней, а биографы для книг о ней используют эффектные названия: «Трудная женщина трудных лет»[3], «Непокорная дочь Республики», «Женщина, не вмещавшаяся в собственную биографию»[4] и т. д. Вот и мы, желая выделить такие ее качества, как упорство и смелость в отстаивании собственных принципов, неутомимую политическую и творческую активность, решили назвать книгу о ней «Непреклонная Халиде».

К сожалению, в России творчество Халиде Эдип почти обделено вниманием переводчиков[5] и исследователей. Наш скромный труд, призванный в какой-то степени восполнить данный пробел, состоит из двух частей: в первой представлен жизненный путь, а во второй – наследие писательницы. В первой части делается попытка понять Халиде Эдип как «совершенно новую личность»[6], как новую женщину Турции, новый тип писателя, облеченного высокой культурой и ответственностью за судьбы нации и родины.

Халиде Эдип Адывар является самой плодовитой турецкой писательницей XX в., оставившей после себя более двадцати романов и сборники рассказов. Во второй части книги приводятся содержание и анализ этих произведений. Объектами творчества писательницы становились жители Стамбула, которые жили бок о бок с ней в атмосфере суеты и шума бывшей столицы империи. В романах раскрывается ее женский мир, читатель знакомится с калейдоскопом характеров и судеб героинь разного возраста, достатка и социального происхождения, которые пытаются найти свой жизненный путь, балансируя между довлеющей традицией и новыми веяниями культуры. В произведениях Халиде отчетливо ощущается дух времени, на их страницах разворачиваются истории о новых женщинах Турции. Достаточно сказать, что на творчестве Халиде Эдип Адывар выросло не одно поколение турецких читателей.

Часть 1. НОВАЯ ЖЕНЩИНА НОВОЙ ТУРЦИИ

Девочка из «дома с глицинией»

Дочь высокопоставленного чиновника (первого секретаря султанской канцелярии), Халиде родилась[7] и выросла в многонациональном и многоконфессиональном государстве, в котором наряду с турками проживали арабы, курды, армяне, греки, евреи, славяне, черкесы. Родители[8], кормилица, няни, домашняя прислуга, друзья маленькой девочки также были представителями разных национальностей, поэтому ей с детства была привычна языковая и культурная полифония.

Отец Мехмет Эдип-бей, родом из Солоник, мечтал о сыне, которого хотел назвать Халидом, поэтому после рождения дочери долгое время звал ее так и не разрешал ей носить длинные волосы. У матери, Бедрифем-ханум, это был второй брак, дочь Махмуре от первого брака с курдом по имени Али Шамиль-бей, позже также пришла в дом к Халиде. Больная чахоткой мать умерла во время родов, когда Халиде было всего три-четыре года.

Дом, где прошло детство Халиде, большой деревянный особняк старинного типа, называемый «конак», находился в стамбульском районе Бешикташ. Обвешенный светло-лиловыми душистыми гроздьями глицинии, дом с прекрасным видом на море настолько врезался в память будущей писательницы, что впоследствии его образ сопровождал ее как ностальгия о детстве, а турецкий вариант автобиографического сочинения получил название «Дом с глицинией» (*Mor Salkımlı Ev*). В этом доме Халиде жила с бабушкой и дедушкой по материнской линии: Накийе-ханум, которую она звала Хаминне, и Али-эфенди. Их быт определялся мусульманским календарем, в доме строго соблюдались исламские порядки. В доме бабушки, приверженницы суфийской мевлевийской культуры, Халиде впитала в себя народные и мусульманские обычаи. Ее завораживали звуки азана, чтение Корана и мавлидов[9], религиозные праздники, народные песни, яркая и полная красок жизнь квартала, сформировавшие «восточное», османское, направление в ее творчестве.

В многолюдном и шумном «доме с глицинией» имелась богатая библиотека, Халиде полюбила книги, сначала ей их читали дедушка Али-

эфенди и Хаминне, нередко и сама сочинявшая любовные истории, а когда девочка освоила азбуку и стала читать сама, библиотека сделалась ее излюбленным местом для уединения.

Существовал еще другой мир: дом отца, истинного османского интеллигента, ратовавшего за вестернизацию. Эдип-бей, которому особенно нравились основанные на строгой дисциплине английские принципы воспитания, пытался во всем, начиная с игрушек и одежды до поведения и привычек, выработать у дочери европейские манеры. Специально для Халиде он держал английскую гувернантку.

Таких поборников модернизации, как Эдип-бей, в османском обществе в то время уже было немало. Процесс вестернизации, предполагающий внедрение лучших достижений европейской мысли, был длительным и нелегким и воздействовал преимущественно на элиту. Попытки устранить отставание Турции от европейских держав начались еще при султане Селиме III, на рубеже XVIII–XIX вв. в виде реформ «Низами джадид» («Новый порядок»): появились европейские специалисты, занимавшиеся совершенствованием государственного аппарата и реорганизацией армии, знатные османы увлекались французским, английским языками и европейской модой, переводилась западная литература. Затем последовали реформы Танзимата (1839), которые ознаменовались притоком иностранного капитала, развитием промышленности на базе европейской техники. Принятие в 1876 г. Конституции, где провозглашались принципы личной свободы и равенства всех подданных империи, а также свободы печати, означало, что европеизация становилась официальной политикой страны. С введением обязательного начального обучения открылись начальные (*сыйбйан, иптидаи, рушдийе*) и средние школы (*идадийе*), лицеи (*султанийе*), юридические (*мектеб-и хукук*), медицинские (*мектеб-и тыббийе*) и др. профессиональные учебные заведения. В 1858 г. появились первые школы для девочек, в 1870 г. – женские учительские школы. В том же году был основан Стамбульский университет. В крупных городах существовали увеселительные заведения, устраивались светские праздники и балы, мужчины и женщины стали открыто гулять в парках и садах, ездить в экипажах или кататься на лодках, западный стиль проникал в архитектуру и искусство.

Заимствование турками образа жизни западной цивилизации называлось *аляфранга* (*alafranga* – европейский, западный, на европейский лад)

и противопоставлялось традиционному образу жизни осман *алятурка* (*alaturca* – турецкий, османский). Детство Халиде прошло между двумя такими домами, представлявшими два разных мира: домом отца-аляфранга близ султанского Йылдыз-кёшка и домом бабушки-алятурка.

Данное отцом воспитание и образование заложили основу «западного» направления в творчестве Халиде. Сначала Эдип-бей отвел дочь в детский садик для отпрысков дипломатов и немусульманских служащих при султанском дворе. Там Халиде усилиями воспитательницы – мадам Элени – начала учить стихи и довольно быстро освоила основы греческого языка. Но из-за болезни девочка не могла долго продолжать занятия и вернулась в дом бабушки, где последовали частные уроки, благодаря которым – вместе с сестрой Махмуре – она научилась читать Коран, после чего в ход пошли такие книги, как «Путешествие в Африку» из семейной библиотеки.

Появились в жизни девочки и молодые мачехи, как ни парадоксально, сторонник европеизации Эдип-бей стал многоженцем, и у него родились еще четверо детей. С новыми женами отца Халиде сумела найти общий язык, но, видя их душевные страдания, поклялась не выходить замуж и навсегда возненавидела полигамию.

В семь лет Халиде завершила программу начальной школы, Эдип-бей, увеличив в документах ее возраст на два года, отдал дочь в американский миссионерский колледж в Ускюдаре. Султан Абдулхамид II остался очень недоволен этим его шагом.

На территории Османской империи христианские миссионеры появились еще в 1830-х. Несмотря на запрет религиозной пропаганды среди мусульманского населения и на нелегкие условия пребывания в стране, иностранцы к началу XX в. уже имели там огромное количество образовательных учреждений: в 1904 г. по всей империи насчитывались 500 французских (59 414 учеников), 178 английских (12 800 учеников) и 675 американских школ (34 317 учеников)[10]. Особенно выделялись американские школы и колледжи, открытые миссионерским обществом American Board of Commissioners for Foreign Missions. Эти заведения были призваны пропагандировать протестантскую религию среди немусульманского населения. Заметных успехов на этом поприще достиг Роберт-колледж, основанный в Стамбуле С. Хэмлином (1811–1900) на благотворительные деньги Р.

Роберта (1802–1878). В колледже наряду с английским, немецким и французским преподавались такие языки, как болгарский, армянский, греческий и ряд других. Бóльшую часть выпускников 1863–1903 гг. составляли болгары. Для того чтобы представить качество образования в Роберт-колледже, достаточно сказать, что в его стенах прошли подготовку пять премьер-министров и несколько министров будущей независимой Болгарии[11]. Так что вряд ли можно отрицать роль подобных заведений и в развале Османской империи.

Американские миссионеры инициировали появление многих новшеств в общественной жизни империи, внося в ежедневный османский быт технологические новшества, например, считается, что именно они привезли в империю: керосинку (1865), фотоаппарат (1856), швейную машинку, переносной орган (органетто, 1854). Благодаря американцам турки узнали о существовании хлопкоочистительной машины, мотоцикла, велосипеда, школьной лаборатории, паркета, бинокля и многого другого[12].

В 1870 г. молодые американки Лаура Фарнхэм и Леила Персонс убедили общество American Board открыть в Стамбуле школу для девочек. В 1871 г. школа начала существовать в одном из домов в районе Гедикпаша, одновременно был выкуплен участок для строительства собственного здания в районе Ускюдар. Этот район выбран был не случайно: именно здесь в основном проживала армянская община столицы, и первые два года языком обучения был армянский. Когда же собрались ученицы 13 национальностей, колледж перешел на английский язык. В 1876 г. школа переселилась в новое здание в Ускюдаре. Просуществовав как средняя школа (рушдийе), в 1890 г. заведение получило статус колледжа (American College for Girls at Constantinople). Национальный состав учащихся в 1892 г., к примеру, был таким: армяне – 51, болгары – 29, греки – 22, англичане – 14, американцы – 10, евреи – 6, турки – 4, французы – 1 человек[13].

Хотя в первое время мусульманкам было запрещено посещать эту школу, родители из высшего османского общества, мечтавшие обучать своих дочерей иностранным языкам, прибегали к разным хитростям. Девушка по имени Гюлистан Исмет стала первой мусульманкой, закончившей американскую среднюю школу. При вручении аттестата она не выходила, как остальные, на трибуну, а вместе с матерью сидела в закрытой мусульманской одежде – *пече*.

Эдип-бей, решивший отдать дочь в этот колледж, специально для ее удобства переехал в Ускюдар, вслед за Халиде остальные его дочери (кроме падчерицы Махмуре) также прошли здесь обучение[14].

Колледж работал по системе пансионата, но, поскольку тогда Халиде была младше всех учениц, ее отпускали после занятий домой. Хотя в связи с запретом султана к концу первого года обучения Халиде пришлось уйти из колледжа, учительница английского языка и живописи – мисс Додд – приходила к ней домой, да и сама Халиде продолжала тайком посещать уроки в любимом колледже.

К тому же отец организовал для Халиде невероятно интенсивные занятия дома: Шюкрю-эфенди преподавал ей ислам, у лучших учителей города она брала уроки по европейской музыке, турецкой литературе, математике, арабскому, персидскому и французскому. Интерес к иностранным языкам привел юную девушку к увлечению художественными переводами; и для начала она взялась за *«Мать»*[15] американского детского писателя Дж. Эбботта (Jacob Abbott, 1803–1879).

Среди наставников Халиде наиболее ярким и эмоциональным оказался молодой поэт и философ, полиглот и политик Рыза Тевфик (Бёлюкбашы, 1869–1949)[16]. Именно с ним Халиде открыла для себя мир турецкого языка и поэзии, научилась не зависеть от доктрин и стереотипов и свободно излагать свои мысли. Под влиянием лекций Рызы Тевфика о народной и суфийской литературе Халиде написала свое первое стихотворение в прозе «Руки» (*Eller*), которое позже было включено в сборник «*Разрушенные храмы*» (1911).

В 1899 г. отец снова записал Халиде в американский колледж, и ее приняли на второй курс. Приобретшая дома основательные знания по исламу и усвоившая национальные культурные традиции, Халиде Эдип, с одной стороны, продолжала совершать намаз и читать молитвы, с другой – в колледже изучала Евангелие, христианскую и буддийскую литературу, близко общаясь с болгарскими, армянскими, греческими сверстниками. Благодаря этому у нее сформировалось мировоззрение, представляющее собой уникальный синтез восточной и западной культур. С детства освоившись в этих зачастую противопоставляемых мирах, Халиде укрепила свой национальный дух и, в отличие от многих современных ей представителей аляфранга, не принялась отрицать османской самобытности, слепо следуя

европейской моде, но отобрав из этих культур самое ценное и гуманное, сумела укоренить это в своем характере, поступках и творчестве.

В колледже царила атмосфера интернационализма, религиозной и культурной толерантности, воспитывались идеи равенства мужчин и женщин. Учащиеся обучались рукоделию, на свежем воздухе занимались спортом, организовывали пешие прогулки, концерты, спектакли, конференции. В 1899 г. в колледже обучались 170 девочек, из них 70 были пансионерками[17]. Живя в пансионе, близко общаясь и играя со сверстниками, Халиде немного отдалилась от домашней суеты и проблем взрослых родственников. Она выделялась среди учениц серьезным отношением к учебе, активным участием в разных мероприятиях. Самой близкой ее подружкой стала болгарская девочка Пеша, с которой Халиде мечтала уехать учиться в Париж. Школьные преподаватели и воспитатели безупречно одевались, были внимательны к каждой девочке, всячески помогали им преодолевать психологические трудности и душевные сомнения. Халиде подружилась со многими из своих наставников и поддерживала с ними связь после завершения учебы.

Звездой колледжа была Мэри Миллс Патрик (1850–1940), которая по линии общества American Board в двадцать лет приехала в Османскую империю, сначала работала в Эрзеруме, где выучила армянский язык, затем в 1875 г. перебралась в Стамбул. В Ускюдарском колледже она была самой молодой преподавательницей. Открытая, способная находить контакты с местным населением, Мэри Миллс проявляла интерес к научно-исследовательской деятельности и не раз смущала османскую публику своим посещением государственных библиотек, куда до нее не входила ни одна женщина[18]. В эти же годы Мэри Миллс стала слушательницей университетов в Лейпциге, Берлине, Берне, посещая лекции известных ученых-психологов. Она также принимала участие в первых трех международных конгрессах по философии, прошедших в Мюнхене, Париже и Болонье[19]. Проработав ровно пятьдесят лет в колледже, тридцать пять из них – в качестве его руководителя, Мэри Миллс Патрик в 1924 г. уехала в Америку, где продолжила свою научную деятельность и писала трактаты, адресованные женщинам. Во второй половине 1920-х Халиде Эдип во время посещения Америки нашла возможность навестить в Бостоне своего педагога и пообщаться с ней; в статье,

напечатанной в газете «Акшам» (1950), Халиде назвала ее «великим знаменосцем женского образования»[20].

Халиде окончила колледж в 1901 г., став одной из первых его выпускниц-мусульманок. Вслед за ней в колледж потянулись другие турчанки, которые позже сыграли определенную роль в общественной жизни Турецкой Республики: Зейнеп Неджеп Угурлу, Нильгюн Джеррахоглу (писатель, журналистка), Лейла Умар (журналистка), Нур Айтекин Сертер (профессор, проректор Стамбульского университета), Нейма Атай Маданоглу (доктор наук), Назлы Халит, Хатидже Зекир, Сафие Али (первая турецкая женщина-врач) и др. На базе Ускюдарского колледжа в 1920 г. открылся первый медицинский факультет для девушек. Надо признать, что благодаря таким иностранным учебным заведениям сформировалась турецкая интеллектуальная элита, которая в позднеосманский и республиканский периоды достигла определенных высот в сфере экономики, политики, культуры. Например, из 24 турчанок – выпускниц американского колледжа в Стамбуле в 1922 г. 16 стали учительницами. Даже после объявления Турецкой Республики американские учебные заведения продолжали готовить учительниц и других специалистов, сыграв значимую роль в процессе включения женщин в трудовую жизнь страны[21]. Халиде Эдип позже в своих публицистических выступлениях высоко оценивала организацию учебного процесса в законченном ею колледже и не соглашалась с мнением отдельных тюркистов о сугубо миссионерской деятельности его педагогического коллектива[22].

Юношество Халиде завершилось неожиданным для ее окружения замужеством и уходом из бабушкиного дома. Начался один из важных поворотных этапов в ее жизни.

В гуще событий общественной жизни

Сразу после колледжа Халиде вышла замуж за своего учителя математики Зеки Салих-бея (1864–1921). Намного старше ее, Зеки Салих-бей в то время был уже известным ученым, руководил обсерваторией и преподавал в двух престижных учебных заведениях столицы (позже став дирек-

тором Галатасарайского лицея и ректором Стамбульского университета). Познакомились они в конце 1900 г.: когда у Халиде в колледже возникли трудности с математикой, ее отец обратился к Зеки-бею с просьбой дать частные уроки дочери. Поклонник французского философа Огюста Конта (1798–1857), Зеки Салих-бей сначала относился к девушке скептически, однако, заметив ее упрямство и усердие в освоении знаний, привил ей навыки конкретно и рационально мыслить, аналитически относиться ко всем социально-историческим явлениям. Начитавшаяся народных дастанов и французских любовных романов, Халиде была поражена его умом, непоколебимыми убеждениями, простым и открытым, основанным на научных знаниях отношением к окружающему миру и независимостью от материальных интересов. В сознании девушки происходил переход от мистического, основанного на чувствах мировоззрения прежнего учителя Рызы Тевфика к полной его противоположности – позитивизму, критически сухому и рационалистическому мировосприятию. После окончания частных уроков Зеки Салих-бей в течение года переписывался со своей бывшей ученицей. Халиде с волнением читала его длинные послания и, когда получила от него предложение руки и сердца, не раздумывая дала согласие.

В первые годы совместной жизни Халиде сидела дома, старалась во всем угодить любимому мужу и вела типичный для турчанок закрытый образ жизни. В 1903 и 1905 гг. у четы родились два сына: Али Айетуллах и Хасан Зеки Хикметуллах. Малик, сын Зеки-бея от первого брака, также часто приходил и любил оставаться у них. Халиде помогала мужу в написании таких научных трудов, как «Большой математический словарь» (*Kamus-ı Riyaziyat*), переводила на турецкий язык биографические сведения об известных математиках, в свободное время посвящала себя «двум друзьям»: писательству и игре на фортепьяно. В эти годы она занималась переводами европейской классики: историй о Шерлоке Холмсе, романов Э. Золя, «Гамлета» Шекспира.

Операция, перенесенная Халиде в 1906 г., на полгода приковала ее к постели, благо, Хаминне и остальные родственники помогли ухаживать за маленькими детьми. Восстановившись, она продолжила усердно помогать мужу, и вскоре в одном из солидных научных журналов вышла их общая статья о жизни и деятельности Огюста Конта, подписанная Халиде и Зеки Салихом.

Собственно сочиненные рассказы получались мрачными и грустными: в них постепенно вкрадывались печаль, боль и обида от непонимания в семье и усложнившихся отношений с мужем из-за его похождений на стороне.

Это было время, когда Османскую империю сотрясала череда революций и войн, приведших к ее окончательному краху. Младотурки, патриотически настроенные молодые офицеры, в начале XX в. формировали оппозиционное султану тайное общество военных и гражданских лиц «Единение и прогресс» (İttihat ve Terakki) в надежде возродить с помощью конституционной реформы былую славу стремительно терявшего свои территории государства. В 1908 г. подняв восстание против самодержавной власти султана Абдулхамида II, младотурки принудили его восстановить действие Конституции 1876 г.

После младотурецкой революции Халиде смело включилась в общественную жизнь и стала писать статьи в газете «Танин». По ее мнению, пришло время просвещения женщин и включения их в социальную среду. Показывая успехи американцев в области женского образования, Халиде призывала открывать в Османской империи английские и американские школы для девочек. Разумеется, она прекрасно представляла себе, что турчанки не сразу станут такими, как западные женщины, но прежде всего она хотела видеть в них образованных матерей и жен и утверждала, что хиджаб[23] не может препятствовать обучению мусульманок. Хотя Халиде и считала, что *«Рука, качающая колыбель, будет править миром»*[24], она прекрасно понимала, что турецкая женщина еще не готова к подобной миссии. Вестернизация, которая происходила в Османской империи с конца XIX в., по мнению Халиде, имела лишь внешние, формальные признаки, и до тех пор, пока не произойдут основательные изменения в сфере просвещения, особенно в области обучения женщин – воспитателей новых поколений, не может быть и речи о тотальном прогрессе общества.

Опубликовав на английском языке статью *«Будущее турецких женщин»* в журнале *Nation*, Халиде обратила на себя внимание педагога-реформатора Изабель Фрай (1869–1958), дальнейшая переписка и дружба с которой позволили ей наладить связи с известными английскими феминистками. Вскоре мадам Фрай навестила Халиде в Стамбуле. После встречи с ней в апреле 1913 г. Халиде организовала Общество возвышения

женщин (*Teali-i Nisvan Cemiyeti*), где работали курсы английского языка, рукоделия, педагогики и куда приглашались различные знаменитости для чтения лекций. Такая деятельность определенно вызывала раздражение у фанатичной части османского населения.

С приходом младотурок к власти Османская империя вступила в «период беспрецедентной турбулентности»[25]: отсутствие четкой программы действий партии, половинчатость реформ, политическая нестабильность на международной арене, экономический кризис внутри страны усугубили положение трудящихся масс, начались забастовки. Враги партии «Единение и прогресс» в ночь с 12 на 13 апреля 1909 г. подняли контрреволюционный мятеж, подготовленный крайне реакционными силами и духовенством и вошедший в турецкую историю как «события 31 марта» (по старому календарю). Лояльные султану солдаты подняли бунт против своих офицеров и объединились с фанатичной софтой. Бунтовщики требовали назначения нового кабинета, отправки в ссылку лидеров партии «Единение и прогресс», восстановления исламского права (шариата). Когда началась расправа с младотурками, неожиданно Халиде узнала, что ее имя тоже попало в «черный список», угроза жизни со стороны реакционеров была настолько серьезной, что она с детьми едва успела укрыться в американском колледже.

Кабинет министров подал в отставку, султан, якобы уступая требованиям народа, вновь взял правление страной под единоличный контроль. Даже спустя несколько дней, проведенных Халиде в колледже, ей угрожала опасность, поэтому семья и друзья приняли решение вывезти Халиде и детей из Стамбула. Зеки-бей посадил их на пароход, отходящий в Александрию. В Египте их ждала другая беда: один из сыновей заболел, и Халиде не отходила от него, пока на помощь не подоспел ее муж. В империи страсти накалились до предела: армия под командованием Махмуда Шевкет-паши жестоко подавила бунт, султан Абдулхамид был свергнут, на трон возвели управляемого Мехмеда Решада, на местах происходили межэтнические столкновения.

Как раз в это время Халиде получила приглашение от Изабель Фрай, Зеки Салих-бей уговорил ее съездить в Лондон, пообещав лично ухаживать за детьми. Пробыв в Каире две недели в ожидании парохода из Индии в Англию, в мае 1909 г. Халиде впервые отправилась в Европу.

Поездка в Египет и оттуда в Англию расширила ее познания о Востоке и Западе. В Лондоне Халиде общалась с суфражистками, принимала участие в дискуссиях английских интеллигентов о женском равноправии. Поэтому после возвращения в 1909 г. Халиде с еще большей активностью включилась в борьбу за права женщин, публикуя политические статьи и литературные очерки, а также романы *«Мать Раика»* (*Raik'in Annesi*, 1908–1909) и *«Ужасная греза»* (*Heyula*, 1909), прославившие ее как Халиде Салих.

Как и многие другие османские интеллигенты, Халиде в это время занималась поиском новой семейной модели, которая должна была основываться на принципах добровольности, собственного выбора, возрастного и культурного равенства супругов. Она поддерживала общественную критику сватовства, многоженства, ранних браков как элементов отсталости. Однако подходы женщин к вопросу новой семьи имели одну особенность, отличающую их от мужского понимания. Если мужчины, говоря о семье, в целом имели в виду «общественный прогресс», связанный с просвещенными матерями и новым поколением детей, воспитанных такими женщинами, то женщины добавляли к этому то, что мужчина-супруг должен относиться к своей жене с любовью, обращаясь с ней уважительно и достойно. Женщины желали видеть в семье взаимность чувств, единство взглядов и интересов супругов и даже мечтали о неких беседах «двух модернизированных людей» в виде научных или политических дискуссий. Представительницы женского пола шли дальше стереотипных суждений, популярных в османском обществе – особенно в мужской среде, – таких, как «для освобождения женщин нужны реформы, благодаря которым они смогут измениться». Женщины говорили о том, что «для освобождения женщины сначала нужно изменить сознание мужчин, чтобы они отказались от подавления женщин и не препятствовали их развитию». Разумеется, этой идее сложно было прижиться в патриархальном обществе, поэтому на первых порах писательницы критиковали «провинциальных», «непросвещенных», «деревенских» мужчин, державших своих жен в четырех стенах, бравших малолетних девочек вторыми женами, отдававших замуж своих дочерей в результате сватовства. Немногим из боровшихся за свои права турецким женщинам удавалось направлять острые стрелы критики в мужчин-аристократов – одной из них стала писательница Халиде Эдип.

В романе *«Мать Раика»* речь идет о положении женщины в обществе в качестве матери, жены и друга. Этому новому женскому образу отводится синтезирующая роль в находящемся между Востоком и Западом обществе; а также им утверждается идеал человека, сочетающего теплоту, искренность и нежность восточного мироощущения с рациональностью западного менталитета. Основу романа составляют нравственные и культурные ценности в воспитании детей, организации семьи и формировании самосознания женщины. Халиде подвергает критике нравственное состояние общества, равнодушного к открытым проявлениям супружеской неверности и терпимого к своеобразной моде, распространенной среди мужчин, на любовниц-иностранок[26]. Друзья героя романа Рауфа вместо осуждения его и порицания недостойного для женатого мужчины поведения обсуждают красоту его любовницы – молодой польки – и даже немного завидуют ему. Душевные страдания, выпавшие на долю Рафики – жены Рауфа, – качественно меняют ее мировидение и самосознание. Она и героиня романа «*Хейула*» Сельма формируют своеобразное ядро образа «новой женщины» в творчестве Халиде, которое даст ростки и плоды в последующих романах.

Женский идеал Халиде эволюционировал из одного романа в другой, а жизнь вносила в него свои коррективы. Как раз в это время писательница пережила семейную драму: желание мужа привести в дом вторую жену (оставив Халиде первой) потрясло боровшуюся против многоженства Халиде, и скоро их брак по ее инициативе распался. Завершенный в 1910 г. роман *«Севийе Талип»* (*Seviyye Talip*) вышел уже за подписью Халиде Эдип. В основу сюжета романа легла история женщины, бросившей ради возлюбленного своего мужа. В связи с поднятыми общественными проблемами роман многих задел за живое и вызвал оживленные дискуссии в прессе.

Как многие другие современники-интеллектуалы, Халиде Эдип волнуется по поводу вхождения в сферу новой культуры мусульманской женщины и предлагает разные варианты решения этой проблемы. В романе *«Севийе Талип»*, обратившись к образу Фахира, она исследует возможные пути вступления женщин в новый мир. Разрываясь между местной (Маджиде), европеизированной (Севийе) женщиной и западной – иностранкой (Эвелин), Фахир теряется и впадает в болезненное расстройство. Испыты-

вая неудовлетворенность архаичными традициями родной культуры и понимая необходимость их изменения, герой, повстречав совершенно европеизированную соотечественницу, страдает из-за ее недоступности, что и заводит его в тупик. В то же время иностранка – представительница европейской культуры – подтверждает его сомнения по поводу возможности для него полного включения в мир западный. В поиске культурных ориентиров наиболее жизнеспособной оказывается Маджиде, которая в начале романа является серьезной защитницей прошлого, но, желая соответствовать требованиям времени, проходит ряд испытаний и воспитывает в себе современную женщину, прогрессивно думающую мать и жену. Ключевой идеей романа становится мысль о том, что новая культура создается не только при помощи внешнего влияния, но зиждится и на собственном, присущем ей основании.

Халиде, после развода оставшаяся с маленькими детьми на руках, несмотря на продолжительную болезнь, любопытство посторонних и всякого рода сплетни, нашла в себе силы собраться с духом. Возможно, если бы в ее жизни с Зеки-беем не произошло такой драмы, сильной личности по имени Халиде Эдип Адывар не пришлось бы появиться. Развод, каким бы горьким и психологически тяжелым ни был для нее, дал ей свободу и независимость. К тому же, оставшись одна, Халиде не замкнулась в себе, не ограничилась лишь женским обществом, а как женский лидер сторонников реформ, как писатель и публицист заслужила серьезное место в обществе мужчин[27]. Ее статьи о балканских беженцах, тяжелом положении армян в Адане, о проблемах просвещения женщин находили горячий отклик у многих читателей. Халиде увлеклась педагогической деятельностью: преподавала в женской учительской школе, лицее для девочек, работала инспектором в вакуфных[28] школах, писала работы, в которых делилась своими соображениями по улучшению обучения светским дисциплинам и патриотическому воспитанию детей. В домашних делах ей помогала бабушка, сыновья учились в американской школе.

В начале 1912 г. в газете «Танин» начинается публикация любовного романа «*Хандан*», вызвавшего огромный интерес и оживленные пересуды о его авторе. В образе рыжеволосой Хандан близкие Халиде сразу узнали ее саму, а прототипом унижавшего ее своими изменами, ведомого плотскими желаниями Хюсню-паши, без всякого сомнения, был Зеки Салих-

бей. Сложная и противоречивая натура Хандан во всей чувственности раскрывалась в ее письмах, в которых Халиде посмела изложить накипевшее в собственной душе. После романа «*Севийе Талип*», прозвучавшего последней мольбой молодой Халиде к любимому, «*Хандан*» выглядел уже откровенной местью Зеки-бею[29].

Халиде Эдип в романе «*Хандан*» сумела проникнуть в самые потаенные уголки женской души и создать образ женщины со всеми ее слабостями, противоречиями и нерешительностью. Полученного образования и воспитания не хватило Хандан для достижения счастья. В создании ее образа ощущается влияние героинь Флобера (мадам Бовари) и Льва Толстого (Анны Карениной). Писательница исследует историю духовно-интеллектуальных исканий предельно сложной и противоречивой личности, диалектику ее конфликтного сознания. С необыкновенной силой запечатлен автором разрыв в личности возвышенно-идеального и инстинктивно-материального, духовного и природного начал.

Якуп Кадри (Караосманоглу) был глубоко тронут романом «*Хандан*» и написал на него рецензию, назвав эту книгу «автобиографическим романом», чем серьезно обидел Халиде Эдип. Они тогда еще не были знакомы, и молодой писатель, не зная историю неудачного замужества Халиде, чуть не попал в точку. Однако Хандан все же не представляется такой сильной и модернизированной личностью, поскольку ей не удалось понять искренне полюбившего ее Назыма.

Роман *«Последнее произведение» (Son Eseri)*, вышедший в 1912 г., подвел итоги размышлений Халиде о повторном замужестве: женщина, выходящая второй раз замуж, по мнению писательницы, будет иметь ряд моральных и физических изъянов перед своим новым мужем. Патриархальный мужчина, который не желает, чтобы даже у лошади до него был хозяин, никак не станет терпеть наличие первого мужа своей жены. Видимо, поэтому героиня романа Медиха, вышедшая второй раз замуж за известного писателя, изображена в романе очень несчастной.

Политической и экономической нестабильностью Турции не преминули воспользоваться ее европейские соседи: османская провинция Болгария объявила о своей независимости, автономные османские провинции Босния и Герцеговина были присоединены к Австро-Венгерской империи

Габсбургов, Крит объявил о своем объединении с Грецией. После поражения в Балканских войнах 1912–1913 гг. империя потеряла почти все свои европейские провинции, толпы мусульманских беженцев в надежде на спасение от этнических чисток покидали Балканы, заселяя Стамбул и Анатолию. Отныне Османская империя представляла собой некий конгломерат, куда входили арабские провинции и территория Анатолии. С этого момента младотурки решительно начали обеспечивать доминирующие позиции для турецкой нации.

Триполитанская война, войны на Балканах 1912–1913 гг.[30], потоки беженцев и раненых, эпидемии холеры, разруха способствовали тесному общению Халиде с простым народом, она поверила в силу турецкого национального духа и предпринимала наивные попытки организовать международное протестное движение против истребления мусульманского населения на Балканах. Халиде писала об этом в европейские газеты, однако столкнулась с хладнокровным и циничным отношением Запада к страданиям тюрок-мусульман. Эти впечатления Халиде сохранила на всю жизнь и впоследствии неоднократно делилась ими как в художественных и публицистических сочинениях, так и во время публичных выступлений за границей.

Во время Балканских войн Халиде вместе со своей подругой Накийе-ханум в Обществе возвышения женщин вела энергичную деятельность, участвуя в организации помощи раненым воинам, подавая личный пример трудолюбия и самоотверженности в служении больным. В доме Михри-ханум они создали частную больницу на 30 коек, где на добровольных началах работали один фармацевт и один хирург. Как потом вспоминала Халиде Эдип, именно с этого момента началась история деятельности турецких женщин в качестве сиделок, санитарок и медсестер. Она и ее подруги с утра до вечера морально и физически помогали раненым солдатам, писали их родным и сами постоянно получали письма от разных людей. В период войн на Балканах Халиде сотрудничала также с Обществом национальной обороны (*Milli Müdafaa Cemiyeti*), женское отделение которого приглашало ее для выступления на многолюдных собраниях в актовом зале университета. После пламенных речей, произнесенных Халиде, многие турчанки вносили пожертвования в поддержку османской армии.

В эти годы Халиде дружила с членами партии «Единение и прогресс» Хусейном Джахитом (1875–1957) и Мехмедом Джавид-беем (1875–1926), познакомилась с такими писателями и политическими деятелями, как Зийа Гёкальп (1876–1924), Йусуф Акчура (1876–1935), Ахмет Агаоглу (1868–1939), Хамдуллах Субхи (1885–1966) и др., под влиянием которых увлеклась идеологией тюркизма и туранизма. Для предотвращения окончательного распада империи в условиях несостоятельности османизма и панисламизма они обратились к идее единства тюркского мира. Основной направленностью пантюркистских притязаний младотурок были тюркские подданные Российской империи. Благодаря дружбе с Й. Акчурой Халиде Эдип тогда познакомилась с российскими мусульманами: Фатихом Карими (1870–1937), прибывшим в Стамбул для освещения событий на Балканах, и девушками – слушательницами Бестужевских курсов в Петербурге, добровольно работавшими сестрами милосердия в стамбульском госпитале[31].

Общение с членами общества «Тюрк Оджагы» (Тюркский очаг) привело к смене османистских взглядов Халиде на националистические идеалы. Османизм как идеология единого имперского дома для всех народов, ставший политической доктриной партии «Единение и прогресс», терпел крах, и Халиде, как многие другие интеллектуалы, постепенно отходила от него. Среди части турецкой интеллигенции бытовала популярная в то время идея государства Туран, которое могло бы объединить все тюркские народы от Балкан до Китая.

Роман-утопия *«Новый Туран»* (*Yeni Turan,* 1912) Халиде Эдип стал художественным воплощением идей пантюркизма и пантуранизма. Писательница жестко критиковала авторитарность партии «Единение и прогресс», предлагала радикальные меры в отношении участия женщин в жизни страны. Заглядывая на 20 лет вперед, Халиде Эдип видела, что женщины все еще не смогли обрести политических прав. Назвав главную героиню мужским именем Кайа (в переводе – скала), Халиде показала ее в активном действии как заочного руководителя и оппозиционной, и правящей партии. Женщины Нового Турана – «чистые и трудолюбивые товарищи для мужчин, матери, воспитательницы детей…». Верная своим идеалам, самоотверженная Кайа представлена как женский идеал национал-патриотического движения.

В романе отражается политическая обстановка того времени в виде трех главных направлений, существующих в турецком обществе: османизма, тюркизма и исламизма. Являясь политическим сочинением, *«Новый Туран»* в подходе к женскому вопросу выдвигает радикальное для начала XX в. решение: женщины должны обладать избирательными правами, служить душой и умом благу отчизны.

В 1913 г. Тюркский Оджак поставил это произведение на сцене, где выступала и автор: Халиде читала свои стихи, играла на фортепиано – так постепенно турецкая женщина стала выходить на сцену.

Новые идеалы, озвученные в строках Зийи Гёкальпа: «Для турок родиной является не Турция, не Туркестан, Родина – великая и вечная страна Туран (*"Vatan ne Türkiye'dir Türklere, ne Türkistan / Vatan büyük ve müebbed ülkedir:Turan"*) – нашли отражение и в таких произведениях турецкой литературы, как «Завтрашнее государство Туран» (*Yarınki Turan Devleti,* 1914) Омера Сейфетдина, «По направлению к Турану. Проснись, эй, турок!» (*Turana Doğru*, *Ey Türk Uyan*, 1918) Мехмета Эмина Йурдакула, «Книга Турана. Нравственные и культурные отношения» (*Turan'a Kitab*, *Ahlaki ve Medeni Münasebetler*) Фуада Кёпрюлю.

Свои размышления о просвещении турецких женщин и критику на плачевное состояние школ для девочек Халиде представляла на страницах журнала «Тюрк йурду» (Тюркский мир), сплотившего вокруг себя практически всех видных представителей тюркской интеллигенции того времени.

В результате государственного переворота в самом начале 1913 г. комитет «Единение и прогресс» сосредоточил в своих руках всю полноту власти и приступил к политике «туркификации», выражавшейся не только в передаче турецкой нации доминирующих позиций в сферах экономики, образования, трудоустройства и т.д., но и в процессе «очищения» Анатолии от немусульманских народов, в особенности от греков и армян. Делалось это для усиления турецко-мусульманской составляющей в Анатолии за счет переселенцев, прибывших в империю после Балканских войн. Для этого правительство использовало такие меры, как обмен населением (преимущественно греков), насильственная депортация и принудительное заселение (армян). Начался массовый исход христиан из Анатолии.

Тяжелые для страны 1912–1913 гг. были нелегкими и лично для Халиде: кроме всех политических событий, потрясших Турцию, она пережила смерть любимой Хаминне и сама неоднократно болела и перенесла операцию.

Подписание договора с Германией 2 августа 1914 г. и вступление Османской Турции в мировую войну Халиде Эдип восприняла как большую ошибку лидеров «Единения и прогресса». 1915 год начался с огромных потерь на фронтах: в январе Энвер-паша (1881–1922) в Сарыкамыше, в феврале Джемаль-паша (1872–1922) в Египте потерпели крупнейшие поражения. Лишь убедительная мартовская победа в морской битве при Чанаккале (Дарданелльская операция), не позволившая Британии, Франции и их союзникам добиться захвата Босфора и Дарданелл, дала возможность народу воспрять духом.

В мае 1915 г. был принят закон, придающий депортации немусульманских народов официальный характер и направленный в первую очередь против армян. Действия властей повлекли за собой огромное количество жертв. Выступая перед большой аудиторией в Тюркском Оджаке, Халиде Эдип осудила политику правительства «Единение и прогресс», вызвавшую армянский кризис, своего мнения по этому вопросу она не боялась высказывать и в лицо лидерам комитета. Было немало мужчин-интеллигентов, в том числе среди членов Тюркского Оджака, недовольных проявлением на государственном уровне жестокости и насилия в отношении нетурецких граждан империи. Основное же население страны, находящееся в тяжелых условиях войны, мало ведало об этих событиях, поскольку в прессе о них не сообщалось.

Находились и те, которые призывали наказать Халиде за подобные смелые выступления, но один из лидеров «Единения и прогресса» – Талаат-паша (1874–1921), – принимая во внимание искренность Халиде и преданность ее турецкому народу, ничего не стал предпринимать. А другой представитель младотурецкого триумвирата – Джемаль-паша, – в то время командовавший 4-й турецкой армией в Сирии, даже обратился к ней за помощью в разрешении отдельных проблем депортированных в арабские вилайеты людей. Халиде без промедления отозвалась на его приглашение и в 1916–1918 гг. добровольно находилась в Ливане и Сирии. Выселенные из Анатолии и испытавшие огромные мытарства люди находились в ужас-

ных условиях, Джемаль-паша был вынужден заниматься их проблемами и оказывать им помощь[32]. В одном только январе 1916 г. он поселил в сирийских провинциях около 60 000 депортированных армян[33].

Став генерал-губернатором Сирии, Джемаль-паша мечтал об открытии либеральных турецких учебных заведений, призванных стать альтернативными французским учреждениям[34]. Халиде он поручил представить план работы по организации турецких школ в Бейруте, Дамаске и Ливане, откуда французы вынуждены были уйти. Разрабатывая этот проект, Халиде Эдип ставила цель «дать достойное образование сирийским девочкам, внедрить среди них турецкую культуру, пропагандировать среди сирийских женщин общие гуманистические ценности и важные идеи»[35]. В течение двух недель Халиде изучала французские школы и протестантские монастыри в Бейруте, затем составила отчет, в котором указала, что: 1) необходимо открыть в Бейруте школу для учителей, обеспечивающую педагогическими кадрами как сам этот город, так и в целом Ливан, а также Дамаск; пока же в каждом городе нужно создавать по одной шестилетней школе; 2) в этих школах нужно готовить учащихся к поступлению в учительскую школу; 3) арабский, турецкий и французский языки должны изучаться в таких школах как учебные дисциплины. В эту поездку Халиде имела возможность посетить Иерусалим. В Бейруте Джемаль-паша показал ей сиротский дом «Аин Тура» (*Aintoura*), бывший до войны иезуитской школой. Рядом находилась и церковь, которую Джемаль-паша хотел переоборудовать в спальные комнаты для сирот. Активное вмешательство в эти намерения Халиде позволило сохранить не только церковь, но и привычную жизнь находившихся там монахинь.

Вернувшись на время в Стамбул в сентябре 1916 г., Халиде Эдип решила вплотную заняться просветительской работой среди арабских детей. Она собрала педагогический коллектив из своих бывших учеников (почти 50 из них были женщины). Оставив сыновей на попечение замужней сестры Махмуре, забрав с собой двух младших сводных сестер, в конце ноября того же года Халиде отправилась в Бейрут. Там турки открыли женский лицей и учительскую школу, а в Ливане и Дамаске – по одной начальной школе-интернату. Состояние в сиротском доме было удручающим: из 800 детей-сирот 500 были больны, везде царили грязь и беспорядок; дети голодали, мерзли, страдали от вшей. Временно взяв на себя полномочия

директора, Халиде Эдип приложила огромные усилия для приведения в порядок этого учреждения, и на следующий год количество воспитанников в детском доме увеличилось до 2100 человек. Сюда были приняты и армянские сироты, которым не находилось места в приютах, Халиде следила за тем, чтобы эти дети не были записаны под мусульманскими или тюркскими именами.

Хотя среди отдельных исследователей имеется тенденция обвинять Халиде Эдип в участии в ассимиляционной политике комитета «Единение и прогресс», но были очевидцы, и существуют документы, подтверждающие обратное. Известно ее письмо министру Мехмеду Джавид-бею, исполненное соболезнования по отношению к армянским сиротам[36]. Также в воспоминаниях очевидцев сообщается, что к Халиде и Джемаль-паше многие армяне относились как к своим спасителям[37]. Свои переживания того времени Халиде подробно описала в «*Доме с глицинией*».

В эти годы Халиде Эдип попробовала свое перо в новом жанре: ею было создано либретто к опере *«Пастухи Кенана»* (*Kenan Çobanları*, композитор Веди Сабра), сюжет которого основан на истории Иосифа и его братьев. Воспитанники сиротского дома «Аин Тура» 13 раз сыграли этот спектакль на арабском языке в Бейруте, а до того опера была показана учащимися лицея на сцене Тюркского Оджака в Стамбуле. Постановка оставила у турецкой публики противоречивое впечатление, ибо Халиде Эдип, игнорируя коранический сюжет о пророке Йусуфе, напрямую обратилась к библейской истории – в чем мусульманские деятели и некоторые турецкие интеллектуалы узрели пропаганду еврейской культуры[38]. В истории турецкой культуры *«Пастухи Кенана»* остались как первое либретто, написанное женщиной, и первое сочинение мусульманского автора, основанное на учении Торы без обращения к исламским источникам[39]. Спектакль, сыгранный в Тюркском Оджаке ученицами Накийе-ханум, в истории турецкого театра также считается первым представлением с участием мусульманских девочек. Либретто критиковали и за его «феминизм», поскольку там братья Иосифа гордились не своим отцом, а матерью – хотя, возможно, в этом обстоятельстве таился намек на еврейскую традицию рода, в то время как Халиде выступала против полигамии.

Находясь в Сирии, Халиде Эдип устроила свою личную жизнь, заочно заключив брак с доктором Абдулхаком Аднаном (1883–1955). Отпрыск

знатной семьи, он был до мозга костей интеллигентом, после окончания медицинского лицея в Стамбуле получившим образование в университетах Цюриха и Берлина. Аднан-бей стал одним из учредителей общества Красного Полумесяца, принял участие в турецко-итальянской войне в Триполи, являлся личным доктором Талаат-паши. С Халиде они подружились во время болезней Хаминне и ее собственной. Аднан-бей был влюблен в Халиде давно, но она приняла его предложение, находясь уже вдали от него, к тому же серьезно заболев. Боясь, что Халиде передумает, Аднан-бей не стал дожидаться ее приезда в Стамбул и в апреле 1917 г. оформил брак по доверенности, отправленной Халиде на имя ее отца Эдип-бея, который в то время служил в Бурсе. В отличие от первого мужа Халиде, Аднан-бей был ее сверстником, единомышленником, другом, уважающим и высоко оценивающим ее личность. В июне молодожены встретились в Бейруте, на школьные каникулы поехали в Стамбул, а в сентябре Халиде снова вернулась на работу в Сирию.

Военные действия на фронтах Первой мировой войны развивались не в пользу Османской империи. Арабы не желали оставаться во власти осман и жаждали независимости – все усилия Джемаль-паши, армии и педагогического коллектива Халиде пошли насмарку. В марте 1918 г. Халиде Эдип со своей командой свернула просветительскую деятельность в арабских областях и вернулась в Стамбул. Крах империи неминуемо приближался.

Сразу по приезду домой Халиде сдала в редакцию «Буйук маджмуа» («Большой журнал») свою новую рукопись под названием *«Обещанное решение»* (*Mev'ut Hüküm*). Этот роман был смелым в том отношении, что главной его темой стала актуальная проблема того времени – эпидемия сифилиса[40], или, как его называли тогда, «чумы начала XX века». Мужчины, заводя беспорядочные связи на стороне, заражали своих жен, умиравших совсем молодыми. Рождались инфицированные сифилисом дети, в юном возрасте испытывающие поражение нервной системы или мозга, что приводило к ужасным последствиям. В те годы, когда Халиде писала свой роман, японки создали у себя в стране общество «Новая женщина», которое стало требовать от жениха справку о здоровье и утверждало право женщины расторгнуть брак в случае наличия у мужа венерической болезни. В Турции же правом на развод долго обладали только мужчины, а тре-

бование справки о здоровье при заключении брака начало осуществляться лишь с 1930-х гг.[41].

Примечательно, что новый роман Халиде Эдип посвятила памяти своего любимого писателя Эмиля Золя (1840–1902), описывавшего зараженных сифилисом, да и сам он умер от этой болезни, как и другой французский фаворит Халиде – Ги де Мопассан (1850–1893).

Роман был актуален еще и тем, что стал первым произведением на злободневную тему заражения общества венерическими болезнями, написанным женщиной. Связав свою судьбу с врачом, Халиде будет активно вводить в свои романы образы медиков и поднимать проблемы выявления причин разных заболеваний. В то время, когда роман начал печататься в журнале, пришло известие, что бывший муж Халиде Зеки Салих серьезно заболел и помещен в больницу для душевнобольных[42]…

В Стамбуле Халиде в звании профессора снова занялась преподаванием, на этот раз в университете, на кафедре западной литературы. Сыновей она устроила в Роберт-колледж.

Капрал Халиде

30 октября 1918 г. на борту английского крейсера «Агамемнон», стоявшего на якоре в заливе Мудрос перед островом Лемнос, было подписано перемирие между Антантой и Османской империей. Потерпевшая полное поражение империя согласилась на капитуляцию флота, демобилизацию армии, открытие проливов Босфор и Дарданеллы, контроль союзниками над радио, телеграфом, железными дорогами, признала их право вмешиваться в конфликты в любом месте страны. Сразу после подписания Мудросского соглашения начался раздел Турции между державами-победительницами, и уже 13 ноября корабли Антанты прибыли в Стамбул. Англичане быстро обеспечили себе фактически полное преобладание в турецкой столице и в проливах. Вне их прямого контроля оставалась только Анатолия, которой они рассчитывали управлять через послушное султанское правительство Дамада Ферид-паши, которое в угоду оккупантам произвело массовые аресты, возобновило работу военных трибуналов, от-

странило многих высших чиновников и командиров армейских корпусов, не желавших слепо повиноваться оккупантам и выступавших за независимость страны. Султанское правительство открыто предало национальные интересы страны и потеряло уважение и поддержку народа.

В период оккупации европейской части страны войсками Антанты Халиде Эдип с ужасом наблюдала презрительное отношение иностранцев к мусульманскому населению и случаи предательства со стороны представителей национальных меньшинств, проживавших в империи. Занимаясь проблемами сирот в Стамбуле, Халиде выразила свое возмущение тем, что из-за отсутствия документов иностранная комиссия записывала турецких сирот армянами и отправляла их в армянские приюты[43]. В 1914 г. в Стамбуле и нескольких провинциях страны открылись сиротские дома «Даруль Эйтам» для детей, потерявших родителей во время войны. Однако их финансовое обеспечение со стороны партии «Единение и прогресс» было плачевным, в результате чего в годы войны большое количество детей-сирот умерло из-за голода и болезней. После окончания войны оккупационные войска поселялись в зданиях школ и приютов Стамбула, а многочисленные сироты снова оказались на улице. Часть из них была помещена во дворцы, часть отправлена за пределы Стамбула в здания закрытых школ. Жалкое состояние сиротского приюта «Даруль Эйтам» описывается в рассказе Халиде Эдип «*Старший брат Мухлиса*» *(Muhlis'in Ağabeysi*). На глазах у мальчика армяне убивают его родителей, да и сам Мухлис чудом остается в живых, а позже попадает в сиротский приют[44]. Писательница критикует население Стамбула, не проявляющее никакого интереса к детям-сиротам, вынужденным ходить босиком и есть траву, и приводит примеры из жизни других стран, где люди забирают сирот в свои семьи и усыновляют.

На эти тяжкие для страны годы приходится пик гражданской активности Халиде, ставшей одним из лидеров-организаторов национально-освободительной борьбы: работа в Тюркском Оджаке, участие в подпольной организации «Каракол» (Karakol)[45], содействие тайной переправке оружия в Анатолию – и одновременно продолжение публицистической деятельности в газетах и журналах. Идеалистка Халиде Эдип даже в самые мрачные периоды борьбы, когда исчезала всякая надежда на спасение отчизны, не теряла веры в будущее, стойкости и оптимизма.

Между державами-победительницами происходил фактический раздел империи на зоны влияния и установление жесткого финансового контроля. Италия и Греция, обе относительно поздно вступившие в войну с Османской империей (соответственно – в августе 1915 г. и в июне 1917 г.), жаждали получить лакомые куски османской территории. В апреле 1919 г. итальянцы высадили десант в средиземноморском порту Анталия, а 15 мая греческие войска заняли порт Измир. Все это ставило под сомнение право турецкого народа на сохранение своей государственности.

Видя угрожающее состояние страны, некоторые интеллектуалы Стамбула выступили с идеей об американском мандате на Османскую империю, предлагая отдать определенные регионы под экономическую и административную опеку США с надеждой на то, что в дальнейшем можно будет добиться их независимости[46]. Халиде была среди тех, кто поддержал эту инициативу. Сторонники мандата верили, что найденное ими решение позволит избежать колонизации империи англичанами и французами. Вместе с Рефиком Халитом (1888–1965), Йунусом Нади (1879–1945), Ахметом Эмином (1888–1972) Халиде была среди учредителей в ноябре 1918 г. «Общества принципов Вильсона»[47], возникшего после знаменитого выступления американского президента Вудро Вильсона перед Конгрессом США 8 января 1918 г. (За эту речь ему была присвоена Нобелевская премия мира 1919 г.) Меморандум из 14 пунктов, предлагавших план обустройства после Первой мировой войны, на первый взгляд, выглядел образцом миролюбия, терпимости, открытости, здравомыслия и справедливости, но в итоге послужил для основания американской гегемонии во всем мире. Наиболее привлекательными из этих 14 тезисов для Халиде и турецкой интеллигенции были два, которые должны были помешать, по их мнению, во-первых, появлению армянского государства на востоке Турции и, во-вторых, распространению греков на Среднем Востоке.

С изложением соображений по поводу американского покровительства Турции 10 августа 1919 г. Халиде отправила письмо[48] Мустафе Кемалю, о чем будет упомянуто впоследствии в знаменитой «Речи» Ататюрка.

Тема американского мандата остро стояла на повестке дня во время исторических конгрессов в Эрзеруме и Сивасе в 1919 г., и Мустафе Кемалю пришлось противостоять двадцати пяти своим сторонникам, выступившим с одобрением такого поворота событий. Среди них были в том

числе такие авторитетные депутаты, как Исмаил Фазыл (1856–1921), Бекир Сами (1967–1933), Кара Васыф (1880–1931), заявлявшие, что турки нуждаются в помощи извне, что их финансовое положение не позволит сохранить подлинной независимости и что американский мандат является наименьшим из зол[49]. Даже ближайшие соратники Мустафы Кемаль-паши – Исмет-бей (в будущем Инёню), Рефет-паша, Рауф-бей – одобряли подобное решение. Одной из причин, побудивших этих людей ратовать за американский мандат, была чрезвычайно активная в то время деятельность «Общества друзей Англии», членами которого состояли османский султан-халиф Вахдеттин, Дамат Ферит-паша, министр внутренних дел Али Кемаль-бей и другие важные лица, испугавшиеся пробуждения национального самосознания в стране. Это Общество пыталось добиться покровительства Англии и облегчить иностранное вмешательство в управление страной.

«Общество принципов Вильсона» просуществовало всего два месяца. Вскоре Халиде и ее единомышленники поняли, что вооруженная борьба против интервентов и султана – единственный способ спасения страны от гибели.

В действительности американские миссионерские организации, в большом количестве присутствовавшие на территории Османской империи, были заняты подготовкой почвы для строительства в центре Анатолии независимого армянского государства. Вскоре, в 1919 г., в Стамбул во главе с генералом Харбордом прибыла комиссия с говорящим за себя названием: «Американская военная миссия Армении» (American Military Mission of Armenia). Комиссия должна была изучить ситуацию и сообщить итоги президенту Вильсону. Состоялись встречи генерала Харборда с Мустафой Кемалем, Кязымом Карабекиром и др. На одну из них, устроенную в Роберт-колледже, наряду с другими общественными деятелями была приглашена и Халиде Эдип. В ответ на настойчивые упоминания генерала о геноциде армян Халиде на английском языке сказала приблизительно следующее: «Большинство переписей населения в Османской империи были прозведены иностранными специалистами, и их результаты всем известны. Нетурецкие национальности империи не призывались в армию, и, пока турки воевали, они существовали в привычных, мирных обстоятельствах, сохраняя прежнюю рождаемость и заселяя все новые территории.

Последующие переписи обязательно будут свидетельствовать об этом. Вспомните слова вашего президента Эндрю Джексона, сказанные в период противостояния Севера и Юга: “Если в стране одни будут служить в армии, а другие нет, то последние окажутся не гражданами, а привилегированной кастой”. Вот и в нашей стране народы, которых вы считаете подвергнутыми истреблению, обладали подобным преимуществом. Если бы ваши утверждения были правдой, то вы не смогли бы встретиться сейчас с этими народами в пределах Турции!»[50] Словно в подтверждение этих слов, глава православных христан Турции, патриах Эфтим Эрнерол, прислал из Анкары генералу Харборду телеграмму следующего содержания: «В этой стране даже изменники родины находятся в большей безопасности и благополучии, чем негры в вашей стране»[51]. Тем самым патриарх напомнил генералу о государственном геноциде и депортации коренных народов Америки.

Сторонники американского мандата на Турцию были не изменниками, а наивными идеалистами, ищущими пути спасения родины за ее пределами. Так случилось, однако, что в истории республики вся вина за эту ошибку возложена на Халиде Эдип. По словам И. Чалышлар, «официальное проклятие» по сей день лежит на Халиде и не дает покоя эмоциональным защитникам кемализма и турецкого национализма[52]. По-видимому, сыграл здесь не последнюю роль и тот факт, что, в отличие от других членов «Общества принципов Вильсона», только Халиде в совершенстве владела английским и тесно общалась с американскими дипломатами, миссионерами и журналистами, открыто выражая симпатию американской демократии.

После оккупации Измира, ставшей непосредственным поводом для возникновения вооруженного турецкого национального движения во главе с Мустафой Кемалем, в Стамбуле начались митинги протестов. Как прекрасный оратор, Халиде выступила в районе Фатих на одном из них, организованном Союзом современных женщин (*Asri Kadınlar Birliği*), с призывом к турчанкам активно противостоять врагу, встать на защиту родины и стремиться к сохранению тюркской идентичности, что произвело на публику огромное впечатление. Затем последовали митинги в районах Ускюдар, Кадыкёй, Хайдарпаша, Султанахмет, главной героиней, национальной «Жанной д’Арк»[53] которых сделалась Халиде, удостоившаяся звания «Матери народа».

Автор книги «Ататюрк» в серии «Жизнь замечательных людей» А. Жевахов, восстановивший период борьбы Мустафы Кемаля за освобождение страны, опираясь на мемуары, в том числе на записи Халиде Эдип, описывает один из таких исторических митингов следующим образом: «В пятницу, 23 мая, массовый митинг протеста происходит на главной площади турецкой части Стамбула, окруженной мечетью Султана Ахмета и Святой Софией, в нескольких сотнях метров от дворца Топкапы, Блистательной Порты и военного министерства, свидетелей былой мощи и процветания империи. Наряду с военным министром, мэром Стамбула и начальником полиции, 40 тысяч, по мнению союзников, 200 тысяч, по сведениям турок, собрались на митинг. Никаких происшествий, но атмосфера была крайне напряженной. “Нет убийцам мусульман!”, “Не принесем в жертву два миллиона турок двумстам тысячам христиан”, “Мы требуем правосудия!”, “Турки свободны!” – скандировала толпа. Один за другим на трибуну поднимались известные люди. Гневно обличает оккупантов знаменитый поэт Мехмет Эмин, прославившийся стихотворением “Я – турок!”. Но наибольший успех снискала женщина, Халиде Эдип, тридцати пяти лет, журналистка, педагог, основатель первого женского клуба в Турецком центре, медсестра во время войны, друг Талаата и Джемаля. Ее мужество и искренность широко известны. Вся в черном, в черной вуали, Халиде Эдип бросает взволнованный призыв: “Мы не забудем наше достоинство, наши права и наши обычаи – наше самое ценное наследие в течение семи веков! Поклянемся на пороге этих минаретов, что оплакивают семь веков истории! Мы не предадим нашего знамени и чести наших предков!” Толпа потрясена, а ее ученицы, одетые по требованию профессора в традиционные одежды, казалось, все походили на Халиде Эдип. Одна из них вспоминала: “Ее выступление было потрясающим. А вокруг были одни минареты, и на каждом из них – черные полотнища, трепещущие на ветру. А голоса муэдзинов перекликались по всему Стамбулу”»[54].

В 1919 г. вышел рассказ-аллегория Халиде *«Волк на горе»*. Как известно, волк – носитель многих положительных качеств и издревле считается тотемом у тюркоязычных народов. Серый волк/волчица (бозкурт) является символом турецкого патриотизма, символизирует основателя рода, предводителя тюркских народов, а также ассоциируется со святой прародительницей, матерью племени.

В рассказе *«Волк на горе»* однажды в лесу собираются все животные, начинается всеобщая драка, вызванная гневом и обидой друг на друга. Вокруг стоит страшный вой, лай, визг, в воздух взлетают пух и перья, невредимым не остается ни одно гнездо, ни одна нора – все рушится до основания. Спустя некоторое время животные собираются у водоема – все ранены и истрепаны – эта картина напоминает мировую ситуацию в послевоенный период. И тут слон, встав между животными, говорит им о вреде войн, лжи, хитрости, предательства. Турецкий исследователь Х. Йылдыз, обращая внимание на эту аллегорию, справедливо считает, что «Большой слон», призывающий зверей к миру и останавливающий побоище, символизирует Соединенные Штаты Америки и их президента Вильсона, как раз в решающий для Турции момент выступившего с призывом к прекращению огня и обеспечившего тем самым начало переговоров по перемирию[55]. После речи слона лес на время затихает, но вот из-за кустов снова доносится собачий лай – в этой аллегории здесь таится намек на Англию, подстрекающую европейские державы к нападению на Турцию. Тогда животные сообща решают принести в жертву волчью стаю, и накидываются на волков, чтобы навсегда уничтожить этих хищников. Их логова сровняются с землей, волчата уводятся, волчиц разрывают на куски. Оставшиеся в живых волки, затаив месть, уходят в горы, и их вой наводит ужас на окрестности. Точно так же турки, чтобы сохранить свой род и защитить отчизну от агрессии иностранных государств, создали Кува-и миллийе (национальные силы, силы национального сопротивления, народного ополчения) и ведут отчаянную борьбу за возвращение оккупированных территорий.

Турецкий народ свое противостояние иностранным интервентам начал с партизанских отрядов, похожих на волков, спускающихся с гор. Лес и звери, живущие в нем, являются аллегориями на мир и населяющие его народы – так Халиде Эдип призывает нацию встать на защиту независимости родины.

В период с июля по сентябрь 1919 г. Мустафа Кемаль и его сторонники созвали два национальных съезда – Эрзурумский и Сивасский конгрессы, на которых был выработан программный документ, получивший известность как Национальный обет. Турецкие националисты считали, что, однажды отказавшись от своих территорий и суверенитета, османское

государство никогда уже их не вернет. Мустафа Кемаль и его сторонники призывали отказаться от выполнения драконовских условий, диктуемых извне, и противостоять любому разделу Анатолии[56]. 27 декабря 1919 г. паша прибыл в Анкару, связанную со Стамбулом железной дорогой и в то же время находившуюся вне досягаемости для армий Антанты. Именно по этой причине Мустафа Кемаль выбрал этот город для своей штаб-квартиры и будущей столицы страны.

16 марта 1920 г. англичане оккупировали Стамбул, султанское правительство, сотрудничавшее с победившими державами, обвинило Мустафу Кемаля и ряд других националистических лидеров в государственной измене, и в мае 1920 г. военный трибунал заочно приговорил Мустафу Кемаля к смертной казни. В первых списках лиц, о казни которых вышел приказ, оказались Халиде с мужем Аднан-беем. Оставив детей американским знакомым с целью отправки их в США, 19 марта они на лошадях тайно покинули Стамбул и направились в Анкару, где 2 апреля на вокзале их встретил Мустафа Кемаль. Трудный и полный опасностей путь из Стамбула в Анкару описан Халиде в мемуарах *Turkish Ordeal* и «*Испытание турка огнем*». В дороге беглецы встретились с опытным журналистом и писателем Йунусом Нади и говорили о необходимости информационного агентства, предназначенного для пропаганды идей сопротивления и борьбы за независимость. На следующий день по прибытии в Анкару ими было принято решение о создании газеты «Хакимият-е Миллийе» («Национальный суверенитет») под руководством Йунуса Нади-бея и открытии агентства «Анатолия»[57] (*Anadolu Ajansı*), одним из учредителей которого стала Халиде.

В двадцатых числах апреля Мустафа Кемаль был избран главой правительства и Национального собрания, заседавшего в Анкаре и принявшего ряд законов, а также декларацию, обращенную к народу империи.

Халиде Эдип – единственный человек в окружении Мустафы Кемаля, в совершенстве владевший английским языком, – выполняла в его штабе различные обязанности: собирала, сортировала новости, телеграфировала их, организовывала распространение информации в местах, где не было телеграфа, следила за западной прессой разных политических направлений, связывалась с европейскими журналистами и договаривалась об интервью Кемаль-паши, была переводчицей на этих встречах, писала в газете «Хакимият-е Миллийе», занималась секретарской работой. В до-

кументах иностранных служб того времени Халиде Эдип упоминалась как «единственная женщина, занявшая высокую должность в анкарском правительстве и отвечавшая в Генеральном штабе за деятельность Бюро военной разведки»[58]. По поручению Мустафы Кемаля Халиде поддерживала связь с оставшимися в султанской столице американцами, от его имени вела переписку с Верховным комиссаром США в Константинополе – адмиралом Марком Л. Бристолом (1868–1939)[59]. Сыновья, по которым она тосковала, услиями американских друзей благополучно выехали из Стамбула и начали учебу в Университете Иллинойса, в Чикаго.

Халиде полюбила Анкару, занималась верховой ездой, училась стрелять, в снятом с Аднан-беем доме по вечерам собирала друзей и единомышленников. Она начала фиксировать происходящие события и свое отношение к ним и к окружавшим ее людям. В тесном общении с Мустафой Кемалем Халиде узнала особенности его властного характера. Возможно, именно в этот период случились первые расхождения во взглядах и мелкие разногласия между ними.

10 августа 1920 г. был заключен Севрский мирный договор, по которому де-факто Измир и бóльшая часть Фракии отдавались Греции, а также предусматривалось создание под эгидой Лиги Наций независимого Курдистана, учреждалась независимая Армения и создавались зоны влияния для Франции на юго-востоке, а для Италии – на юго-западе Анатолии. Так был вынесен смертный приговор когда-то великой Османской империи. Подписание этого документа породило непримиримый раскол между правительством султана и турецким национальным движением. С этого момента кемалисты приняли решение добиваться отмены Севрского договора и свержения подписавшего его правительства.

С целью подавления подъема национально-освободительных сил и окончательного решения турецкого вопроса правительства стран Антанты начали реализовывать план раздела Османской империи. Главная задача была возложена на греческую армию, которая, высадившись на побережье Малой Азии, начала продвижение в пределы своей зоны оккупации, очерченной Севрским договором. На востоке страны активизировались армяне и курды, начавшие войну за независимую Армению и суверенный Курдистан. Страну вновь охватили сепаратистские настроения, угрожавшие полным развалом.

Война с греческими войсками, захватившими Измир и другие прибрежные районы, длилась полтора года. В январе и в августе – сентябре 1921 г. греки предприняли попытку захватить столицу Кемаля – Анкару. Но турецкие войска остановили греческое наступление у местечка Инёню и на реке Сакарье. За эти победы Кемаль получил от Великого национального собрания титул Гази – Победитель.

Летом 1921 г. Халиде Эдип стала руководителем анкарского отделения общества Красного Полумесяца и работала сестрой милосердия в госпитале Эскишехира, где вместе с армией пережила горечь поражения в битве с греческими войсками. Опыт работы в госпитале и общение с ранеными заложили основу романа *«Огненная рубашка»*.

Вернувшись в Анкару, Халиде увидела, как население в ожидании наступления греков бежит из города. Все были мрачными и подавленными – только не Халиде. В один из вечеров, когда Й. Акчура, Я. Кадри, Х. Субхи и другие сидели у нее в гостях, она объявила о своем желании записаться добровольцем в армию и, сколько бы ни пытались друзья ее отговорить, осталась непреклонной в своем решении. На просьбу-телеграмму от Халиде Мустафа Кемаль ответил 18 августа: она получила место в штабе западного фронта под руководством Исмет-паши. 23 августа началась битва при Сакарье, и Халиде вместе с Гази стала свидетелем героической борьбы турецких воинов. Она – в звании ефрейтора – приняла непосредственное участие в сражении и, как впоследствии писали свидетели, смелая всадница, выбирая самые опасные участки, поддерживала моральный дух воинов. Газеты пестрили ее фотографиями, реакционеры же не ленились выдумывать о ней всякого рода сплетни. Сама Халиде в каждую свободную минуту старалась описать происходящее. Ее эмоциональные рассказы-очерки «*Дуатепе*» и «*Кырмызы Тепе*» о сопках, за освобождение которых турки жертвовали жизнями, по мнению И. Энгинюн, стали «незабываемыми образцами» этого жанра в турецкой литературе[60].

Сразу после победы при Сакарье Халиде вместе с Я. Кадри и Й. Акчурой было поручено изучить положение населения, пережившего греческую оккупацию. Халиде Эдип возглавила комиссию *Tetkik-i Mezalim,* расследовавшую военные преступления интервентов, и вместе со своими коллегами обошла анатолийские села, общаясь с их населением. Отступавшие греческие войска, убивая и грабя, вымещали свою злобу на мир-

ных жителях. Более миллиона турок лишились крова, многие дома были разрушены греческими солдатами. Когда, не выдержав эмоциональной и физической нагрузки, мужчины – члены комиссии уехали, Халиде одна продолжила посещать деревню за деревней, выслушивать и фиксировать жалобы женщин и стариков. Для информирования мировой общественности о кощунствах греческих солдат в Анатолии Халиде использовала свои связи с американскими друзьями: участники Комитета помощи на Ближнем Востоке (Near East Relief) Энни Аллен и Флоренс Биллингс находились в Анатолии и вскоре были включены в состав комиссии *Tetkik-i Mezalim* в качестве представителей анкарского правительства. В результате был составлен и опубликован совместный отчет «*Зверста в Анатолии*» (*Atrocities in Anatolia*) [61].

Когда Халиде Эдип на время вернулась с фронта в Анкару, она завершила «*Огненную рубашку*» – первый в истории турецкой литературы роман о национально-освободительной войне. В предисловии к роману Халиде говорила, что тот «*был написан за два месяца в состоянии невероятного воодушевления*». Созданная сразу после боевых действий, с пылу с жару переданная читателю «*Огненная рубашка*» получила огромную популярность. Благодаря документальности и рациональному анализу событий роман носит черты исторического источника[62]. В 1923 г. под названием *Shirt o f Flame* роман вышел в Нью-Йорке, вводное слово к нему написала Флоренс Биллингс.

В «Открытом письме Якуп Кадри-бею», помещенном в предисловии к «*Огненной рубашке*», Халиде Эдиб призналась, что название романа она позаимствовала у Якупа Кадри, который по приезде в Анатолию сказал, что хочет написать роман с таким названием. Получилось так, что Халиде опередила его и закончила свой роман первой, поэтому прекрасная задумка досталась ей, ибо «*герои Пейами, Ихсан, Айше с детским упрямством требовали назвать свою историю “Огненной рубашкой”*». Она благодарила своего друга и просила у него прощения за вынужденный «плагиат».

Хотя в первой части романа описываются оккупированный Стамбул и персонажи, еще находившиеся там до ухода в Анатолию для участия в борьбе, все же, в отличие от предыдущих сюжетов, где в эпицентре событий оказывалось светское общество столицы, «*Огненную рубашку*» можно назвать анатолийским романом.

Отношения между персонажами развиваются на фоне исторических событий: оккупации Измира (15 мая 1915), бомбардировки войсками Антанты и последующей оккупации Стамбула (16 марта 1919 г.), митинга на площади Султанахмет (6 июня 1919), подавления восстания в Конье (1920), битвы при Инёню (1921), Сакарье и Карабаге. Так художественный вымысел сочетается с реальностью истории. Параллельно описываемые потоки межличностных отношений и эпизодов войны пересекаются в третьей сфере – в пребывании тридцатишестилетнего Пейами в госпитале. После ампутации ног он прикован к постели и ничего не может делать, кроме как держать в руке карандаш и бумагу. Написав воспоминания, он чувствует облегчение от того, что излил душу, освободил ее от эмоций, и готов к операции на голову, то есть к смерти. Его повествование подкрепляется полученными им письмами.

Главная героиня романа Айше воплощает в себе идеал турецкой женщины новой Турции, которая, избавившись от собственных желаний, бросается в битву за освобождение родины. Мужчины вокруг нее похожи на мотыльков, кружащихся вокруг огня. Айше сумела надеть на этих мужчин «огненную рубашку», имеющую две стороны: личностную и национальную. Своим героизмом на фронте она воодушевляет воинов на отвагу, а в госпитале, оказывая помощь раненым солдатам, становится им словно бы родной сестрой или матерью. Ее доминирующая над мужскими персонажами личность заставляет ее соратников скрывать чувственное отношение к ней как к молодой и красивой женщине. Жгучее пламя любви перенаправляет их сознание на борьбу за независимость. Ихсан, добиваясь взаимности Айше, погибает по дороге в Измир. Неравнодушная к нему, она, узнав о его смерти, выбегает из палатки и умирает от осколка бомбы, взорвавшейся неподалеку. Так женщина, воюя на фронте вместе с мужчинами, предстает перед читателем в ролях воина, соратника, медсестры и возлюбленной.

Со смертью героев романа национально-освободительная война турецкого народа не заканчивается. Халиде Эдип возвращается на фронт и фиксирует новые драматические эпизоды, которые найдут отражение прежде всего в ее коротких рассказах и в романе «*Убейте блудницу!*».

18 августа 1922 г. турецкая армия начала генеральное наступление и отбросила греков к побережью Эгейского моря. 5 сентября пала Бур-

са. Главный удар Кемаль-паша наносил в западном направлении, вдоль железной дороги на многострадальный Измир. Халиде в составе войска вошла в освобожденный Измир, получила звание старшины и была награждена медалью «За независимость». Затем вместе с Я. Кадри, Фалихом Рыфкы (Атай) и Мехметом Асымом (Ус) она продолжила работу по составлению отчета о притеснениях, чинимых греческой армией гражданскому населению.

В рассказах «История Эфе» (*Efe'nin Hikâyesi*), «Зейнеп моя, Зейнеп» (*Zeynebim Zeynebim*), «Свидетельство Эмине» (*Emine'nin Şehadeti*), «Бабушка Фадима и дедушка Керем» (*Fadime Nine ile Kerem Dede*), «Жена Азиза» (*Aziz'in Karısı*) и «Химмет-дитя» (*Himmet Çocuk*), вошедших в сборник «*Волк на горе»,* описываются реальные факты зверств греческих интервентов.

Писательница, которой довелось быть не только очевидцем национально-освободительной войны, но и ее летописцем, в этих рассказах выработала для себя особые принципы: фокус внимания сосредоточить не на официальной стороне войны, а на «тыльной, домашней»; изображать не батальные сцены и воинские подвиги, а психологически значимые мелочи, включая «малый пейзаж», «отдельные сценки из жизни села», «ощущения вдов» и т.д.

В рассказе «*Химмет-дитя*» корреспондентов, собиравших материал о тяготах населения, из села Иней до Ушака[63] сопровождает мальчик по имени Химмет. Халиде начинает расспрашивать его: «Он с большой гордостью сказал, что ему тринадцать лет. В семь лет остался без отца и матери с престарелой бабушкой и юной сестрой. У них была пара быков. Мальчик этими быками пахал поле двух женщин, оставшихся без мужей, работая испольщиком, кормил бабушку и сестру, даже отдал сестру замуж. Однако в окрестности появилась болезнь животных, и оба его быка померли. Работал без быков, нанимался поденщиком, пахал поля вдовствующих женщин, после трехлетней работы смог купить двух здоровенных буйволов. Три месяца тому назад на этой проклятой речке греки поймали Химмета, хотели его зарезать, два солдата стали спорить между собой: один предлагал забрать буйволов и телегу и отпустить мальчика, другой хотел убить его. Наконец тот, который хотел отпустить, сказал:

– Если в телеге найдем яйца, отпускаем, если нет – зарежем…

Химмет-дитя дрожащим голосом тихо сказал:

– Хорошо, что бабушка сварила два яйца, чтобы я съел их по дороге, тетя…»[64].

По дороге в Ушак повествовательница задумывается над историей мальчика, которая «как гвоздь вонзилась в ее грудь и кровоточила», и приходит к выводу, что в осиротевших селах Анатолии, оставшихся без мужчин, встретить таких детей-героев, как Химмет, можно каждый день, они стали «своеобразным лучом света в истории жизни страны». Благодаря таким юношам, анатолийский народ стоял, как многолетний чинар – каждый клочок земли был им родиной. Пока есть такие личности, как Химмет, народ сможет противостоять любому врагу.

В рассказе «*Под нашим знаменем*» *(Bayrağımızın Altında)* описывается женщина, пожелавшая умереть под турецким знаменем. Хатидже-нине, переселившаяся с Балкан на территорию Турции, «пять раз бежала из Скопьи от вражеского флага к нашему знамени». У нее пять раз сгорел дом. Добравшись до родины, она не боится смерти, ибо знает, что, даже если умрет, будет похоронена на земле, над которой развевается турецкое знамя.

Героиня рассказа «*Жена Азиза*» представлена в типичной ситуации, описанной и в других произведениях сборника: муж убит, дом разрушен, дети голодны и несчастны. Повествовательнице сложно утешить ее на фоне пепелища сгоревшего села. Халиде Эдип, в этих рассказах обращаясь к турецкой женщине, словно говорит ей: «Ты, именно ты победила греков, ты нанесла удар притеснителям!»

Когда 16 декабря 1922 г. Халиде возвратилась в Стамбул, население города встретило ее как героя, как символ национальной борьбы, а газеты писали о ней как о ближайшем соратнике Ататюрка. Это была справедливая война турецкого народа за независимость, и в этом заключался залог ее успешного окончания. Халиде Эдип вошла в военную историю Турции как первая женщина-офицер[65].

События и пережитое в годы освободительной войны нашли отражение в мемуарах *«Испытание турка огнем»* (*Türk'ün Ateşle İmtihanı*), в романах «*Огненная рубашка*» (*Ateşten Gömlek*), «*Убейте блудницу!*» (*Vurun Kahpeye*), «*Боль сердечная*» (*Kalp Ağrısı*), «*Сын Зейно*» (*Zeyno'nun Oğlu*), сборниках рассказов «*Волк на горе*» (*Dağa Çıkan Kurt*), *«Из Измира в Бур-*

cy» (İzmir'den Bursa'ya). То, что Халиде подробно и эмоционально зафиксировала в своих статьях, мемуарах, романах и рассказах, – все, что она видела своими глазами на фронте, – представляет оригинальную летопись войны за освобождение Турции от интервентов. Героями этих сочинений стали простой народ и Ататюрк во главе бесстрашной армии. Поэтому вполне справедливо рассматривать *«Испытание турка огнем»* как «единственный исторический источник о национально-освободительной войне, написанный турецкой женщиной»[66], который демонстрирует «альтернативный» подход к истории республики. А роман *«Огненная рубашка»* в турецкой литературе воспринимается как эпопея битвы при Сакарье. Главная героиня романа медсестра Айше, потерявшая на войне мужа и сына, предстает идеалом женщины-патриотки.

После окончания войны за независимость Халиде Эдип, надеявшаяся сохранить заслуженный ею на фронте авторитет, ожидала от нового режима расширения политических и социальных прав женщин. Она хотела внести свой вклад в налаживание дипломатических отношений Турции с Америкой, и многие пророчили ей место посла Республики в США[67]. В глазах общественности Халиде обрела славу писателя национально-освободительной войны, романы ее переводились на французский и немецкий языки. По ее роману «*Огненная рубашка*» сняли фильм, вызвавший огромный ажиотаж. Однако в окружении Мустафы Кемаля словно позабыли о ней. Возможно, кое-кому не нравилось, что главными героями фильма стали не Гази и Исмет-паша, а простые турчанки Айше и Кезбан, роли которых великолепно сыграли – выбранные по настоянию Халиде – турецкие актрисы Бедиа Муваххит и Нейире Нейир.

Морально и физически подуставшая Халиде в июне 1923 г. поехала в Мюнхен, чтобы встретиться с сыновьями, которых не видела с марта 1920 г. Возмужавшие юноши, обучаясь в Америке, тем не менее оставались истинными турками, мечтавшими по окончании учебы вернуться на родину.

Пока Халиде находилась с детьми в Германии, турецкое правительство подписало с победившими державами в швейцарской Лозанне новый мирный договор, признававший полную независимость Турции. Унизительные капитуляции были отменены. В октябре 1923 г. была провозглашена Турецкая Республика, и первым президентом ее стал Гази Мустафа Кемаль-паша.

Достойная членства в парламенте, Халиде Эдип тем не менее осталась на обочине политической жизни. Старания провести закон об избирательном праве женщин оказались тщетными, деятельность Халиде и ее инициативы в специальной группе по данному вопросу остались безрезультатными. Воевавшая на фронте не только оружием, но и смелым и активным пером, женщина в мирной жизни осталась не у дел. Необходимость в ее деятельности отпала. Как писал позже в своих мемуарах известный прозаик Якуп Кадри Караосманоглу, «вмешался дьявол по имени политика»[68], разошлись пути бывших друзей и соратников. Забылись дни, проведенные вместе на фронте, статьи и очерки Халиде, вызывавшие сильные эмоции и поднимавшие воинский дух, зато ее «грех» – поддержка проекта об американском мандате на Турцию – никак не изглаживался из памяти.

Халиде припомнился ответ Мустафы Кемаля на ее предложение немного передохнуть после освобождения Измира: «Отдохнуть? – тогда воскликнул он. – После греков мы будем браниться между собой и грызть друг друга!» Это время настало. Немало единомышленников паши и его товарищей по оружию были неприятно удивлены единоличными назначениями Гази внутри парламента. Политическая атмосфера в Анкаре накалялась.

Идеологизация национального самосознания и однопартийное правление в стране привели к вытеснению Халиде с политической арены Турции. Но она, после объявления Турецкой Республики продолжавшая писать в таких газетах и журналах, как «Акшам», «Даргях», «Икдам», «Вакит», «Хакимият-и миллийе», не боялась критиковать представителей новой власти, сплотившихся в Чанкая вокруг Мустафы Кемаля. Укорявшим ее деятельностью в «Обществе принципов Вильсона» Халиде смело ответила, что, если бы идея американского мандата на Турцию в то время была губительна для страны, Мустафа Кемаль-паша наверняка сообщил бы ей об этом[69].

Утешением для Халиде стало литературное творчество. В период объявления Республики Халиде работала над романом «*Убейте блудницу!*», выражавшим общую боль всех участниц национально-освободительной войны. Героиня романа, красавица и идеалистка Алийе, пытается выстоять в суровых условиях войны и в мужском окружении: двое местных богачей мечтают заполучить ее, а два командира – турок Тосун и грече-

ский офицер – желают жениться на ней. Алийе выбирает патриота Тосуна, в ночь их воссоединения и любви дом окружают враги. Реакция любимого в опасный момент поражает девушку: ради идеи и поставленной цели он готов пожертвовать ею. Однако Алийе спасает его ценою своей жизни, когда Тосун возвращается с отрядом в село, он видит, как фанатичная толпа линчует его возлюбленную как «блудницу». Слабая телом девушка величием своей любви и смелостью возвышается над всеми, в том числе и турецкими мужчинами. Вот и сама Халиде, находившаяся в ожидании новых заданий и назначений, готовая трудиться и дальше ради общего дела, ощутила себя в некотором роде жертвой морального линчевания, молчаливо одобренного новым лидером страны.

Постепенно отходя от революционно-боевой тематики, Халиде пыталась вернуться к прежней мягкой и лирической тональности своих сочинений. Автор вышедшего в 1924 г. романа *«Боль сердечная» (Kalp ağrısı)* уже выглядел вполне уютной, домашней женщиной, а не бойцом в армейской униформе. Главными героями Халиде выбрала курдов, чем выражала глубокую признательность своей бесценной и верной помошнице – старшей сестре Махмуре, ухаживавшей за Халиде и ее детьми. Лейтмотивом романа стало выражение «боль сердца», вынесенное в заглавие. Речь идет о душевном состоянии, порожденном любовью и противоречиями между идеальными устремлениями человека и конкретной жизненной ситуацией, конфликтом желания с долгом перед близкими.

Доктор Аднан, бывший в близком окружении Мустафы Кемаля и в 1920–1921 гг. в анкарском правительстве занимавший пост министра здравоохранения и сопредседателя Национального собрания, после окончания войны стал представителем анкарского правительства в Стамбуле. Он участвовал во многих модернизационных преобразованиях в стране и поддержал демократические инициативы лидера Турции.

С согласия Мустафы Кемаля 17 ноября 1924 г. официально была учреждена Прогрессивная Республиканская партия (*Terakkiperver Cumhuriyet Fırkası*) – первая оппозиционная партия в истории новой Турции. После Кязыма Карабекира (1882–1948) Аднан-бей был в ней вторым лицом, а в ее руководство вошли и другие яркие участники национальной борьбы, известные соратники Гази. В разработке партийной программы Халиде Эдип сыграла значительную роль: изучив английские и американские пар-

тийные программы, она привела их важнейшие принципы в соотвествие с турецкой реальностью и ментальными особенностями своего народа. Халиде, как героиня ее романа «*Новый Туран*», стала тайным вдохновителем и теоретиком оппозиционной партии. Ее влияние особенно заметно было в тех пунктах программы ПРП, которые касались культуры и образования. При составлении экономической части программы Халиде, возможно, обратилась к своему старому другу Джавид-бею, бывшему министру финансов. Прекрасно понимая, что партию скоро запретят, она хотела оставить хороший пример для последующих политических движений.

Оппозиционная партия стала быстро набирать сторонников, стамбульская периодическая печать оказывала ей особенную поддержку. Бурные диспуты и дискуссии между членами двух партий по вопросам модернизации страны публиковались в прессе. Имя Халиде неизбежно фигурировало как в одобрительных, так и в язвительных, гневных статьях и заметках. Западные газеты писали о ней как о феминистке и герое борьбы за независимость – и особенно американцы гордились выпускницей своего учебного заведения. Сама Халиде, несмотря ни на что, продолжала писать смелые тексты с критикой деятельности НРП. Именно в этот период произошел основной разлад между ней и лидером страны, который понимал, что одна эта женщина – со своим напористым характером, пытливым умом, неординарными взглядами, острым и крепким слогом, быстрым и жгучим пером – создаст ему больше проблем, чем все мужчины в его окружении.

Поводом для закрытия ПРП послужило восстание курдского накшибандийского шейха Саида, начавшееся в феврале 1925 г. как реакция на секуляризационную политику кемалистов. Восстание за короткий срок охватило одиннадцать провинций Восточной Анатолии и лишь в конце апреля было подавлено, причем с исключительной жестокостью, организаторы были повешены. Анкара панически стала искать виновников среди религиозных реакционеров, противников светской республики и сторонников халифата, защитников султаната и иностранных агентов. Начал работать Трибунал независимости (İstiklal Mahkemesi), и формировался режим террора власти. Членов ПРП обвиняли в недостаточной четкости позиции в отношении к восстанию курдов, упрекали в обращении к религии в ходе политических дискуссий и в организации реакционного движения, связан-

ного с бывшим халифом. Парламент принял официальное решение о запрете оппозиционной партии.

В марте 1925 г. Аднан-бей и Халиде Эдип покинули страну. Добровольное изгнание четы одни исследователи связывают с их личной обидой на Ататюрка, другие – с политическими разногласиями с ним. Что изгнание было добровольным решением семьи, подтверждает единственный внук Халиде-ханум – Омер Сайар, аргументируя это фактом их приезда в Турцию при Ататюрке и сообщая, что турецкие газеты освещали их пребывание на родине[70]. И в автобиографии друга и соратника семейства Якупа Кадри, ставшего «дипломатом по принуждению» и также вынужденного при Ататюрке покинуть Турцию, выезд из страны Халиде и Аднан-бея упоминается как добровольный.

Еще до отъезда Халиде Эдип сумела вырваться вперед на литературном поприще, где трудились такие талантливые мужчины, как Сулейман Назиф, Зийа Гёкальп, Яхъя Кемаль, Якуп Кадри, Фуад Кёпрюлю, Тевфик Фикрет, Омер Сейфеддин, Абдулхак Хамид, Рефик Халид, Акагюндюз, Мехмет Акиф Эрсой. Всем этим выдающимся личностям, как и Халиде Эдип, приходилось делать своеобразный выбор в те трудные годы формирования Турецкой Республики: оставаться на родине или эмигрировать. Возможно, Халиде допускала и ошибки, и проступки, но ей принадлежит слава, очевидная для всех: среди многочисленных мужчин-писателей именно ей, женщине, суждено было создать роман о национально-освободительной войне, подобно тому как Мехмет Акиф (1873–1936) написал «Истиклял Маршы» – единственный и неповторимый гимн Турции[71].

14 лет Халиде Эдип провела за рубежом (4 года в Англии, 10 лет во Франции), где продолжила творческую и публичную деятельность, выступая с докладами в Кембридже, Оксфорде, Сорбонне, Калифорнийском и Делийском университетах. Гордясь званиями «мать турецкого народа» и «капрал Халиде», пламенный патриот своей страны, она везде активно пропагандировала турецкую культуру и историю. Ее выступления содержали призывы к Западу понять историческую и политическую картину новой Турции и пересмотреть устаревшие представления о ней. Хотя Халиде Эдип и не стала послом Турции в США, она, без сомнения, оказалась «культурным посланником турецкой революции» в тех странах, где жила или выступала с докладами.

Вдали от родины

Весной 1925 г. семья Халиде некоторое время жила в одном из пансионатов Вены, а сыновья продолжали обучение в Америке. Официальной причиной отъезда называлась болезнь Халиде, страдавшей от недомоганий в желчном пузыре и толстой кишке. Лечивший ее в Вене врач посоветовал обратиться к доктору в Карлсбаде, и вскоре они переехали туда. Болея, Халиде даже в постели продолжала писать, на этот раз мемуары на английском языке, а Аднан-бей замкнулся в себе, в течение двух месяцев он не мог прийти в себя после пережитого напряжения и политических потрясений. Лишь слова жены «не живешь, а существуешь» и предложение заняться, например, философией подтолкнули его к научной деятельности – так он приступил к созданию труда под названием «Знание и религия на протяжении истории», посвященного Халиде.

Сама же она, оправившись от болезни, внимательно следила за происходящими в Турции событиями: по стране прошла волна арестов, многие видные участники войны за независимость находились под подозрением, революционные суды приговаривали их к ссылкам и тюрьмам. Надежда на скорое возвращение постепенно таяла. Запрет на ношение фески, закрытие религиозных учреждений вызвали недовольство и волну беспорядков, которые были подавлены. После раскрытия в Измире в июне 1926 г. заговора и плана подготовки покушения на жизнь Ататюрка в стране было объявлено чрезвычайное положение и развернулась гигантская политическая кампания. Были арестованы Кязым Карабекир, Али Фуат-паша, Рефет-паша. Репрессии непосредственно коснулись и Аднан-бея: повестка о явке в турецкий суд была получена им в Лондоне, где Халиде проходила лечение. Такое же извещение получил и близкий соратник Рауф-бей (Орбай) (1881–1964), вынужденный уехать из страны и лечившийся в Вене. Суд, состоявшийся 27 августа 1926 г., приговорил к казни друзей Халиде – Джавид-бея, Хильми-бея – и еще двух деятелей; имя Аднан-бея значилось в списке оправданных 37 человек. Рауф-бей заочно получил десять лет тюрьмы.

Семья перебралась в окрестности Лондона и жила недалеко от усадьбы своей знакомой Изабель Фрай, благодаря которой Халиде и Аднан-бей нашли новых друзей из лондонской элиты. Источником дохода семьи были публикации и частные уроки: в это время на английском языке вышли

«*Воспоминания*» (*Memoirs of Halide Edib*) Халиде, а затем «*Месть турка*» (*The Turkish Ordeal*) была опубликована в Лондоне и Нью-Йорке.

В 1927 г. было напечатано первое издание «Речи» Ататюрка – текста доклада, сделанного им в середине мая того же года на II съезде Народно-республиканской партии. Внимательно изучив объемную «Речь», где затрагивалась и история с американским мандатом, а деятельность «Общества принципов Вильсона» характеризовалась как вредная, Халиде Эдип отправила в газету *The Times* статью, где написала, что идею американского мандата на Турцию в свое время поддерживали многие, в том числе и те, кто теперь находится в близком окружении лидера страны, да и сам Мустафа Кемаль-паша не выступал в прессе с какой-либо критикой по поводу деятельности этого Общества. Опровержение по отдельным пунктам «Речи» написали в европейские газеты также Аднан-бей и Рауф-бей, которые считали, что завоеванную народом победу Мустафа Кемаль использует для создания диктатуры и, искажая факты, дает историческим событиям произвольную оценку.

В октябре 1928 г. вышла четырехсотсемистраничная книга воспоминаний Халиде *The Turkish Ordeal*[72], которая так и не была полностью переведена на турецкий язык. *«Испытание турка огнем»* (1962) не является ее полным аналогом, между этими изданиями существуют значительные различия[73]. Разумеется, спустя почти сорок лет после описанных в книге событий автоцензуре были подвергнуты места, связанные с Ататюрком и его идеологией. Исследователи *The Turkish Ordeal* (И. Чалышлар, Х. Адак) считают, что в турецком варианте критика Ататюрка заметно смягчена, возможно, из боязни антипатии со стороны читателей или под влиянием политической атмосферы в Турции, куда Халиде приехала после смерти Мустафы Кемаля. Халиде соглашалась с лидерством Ататюрка, однако не могла не испытывать протеста против культа личности[74]. В специальных исследованиях[75], сравнивающих эти два сочинения, сегодня делается попытка принять *The Turkish Ordeal* за своеобразное «психобиографическое и психоаналитическое прочтение “Речи” и в итоге высказывается мнение о мемуарах Адывар как о ненадежном историческом источнике.

Х. Адак[76] в своих трудах, посвященных англоязычным сочинениям Адывар, проанализировала ее позицию как политика и интеллектуала, чьи воззрения на происходившие в то время в Турции реформы отличались от

официальной кемалистской идеологии. По мнению исследователя, эти сочинения способствуют более глубокому пониманию той сложной политической обстановки, которая существовала в период формирования Турецкой Республики. Идеология кемализма состояла из четырех положений: Родина, нация, республика, общественные права – и шести принципов: республиканизм, национализм, народность (призыв к социальному партнерству без деления на слои и классы), этатизм (государственный капитализм), лаицизм (светский характер государства) и революционность как верность идеалам национально-освободительной борьбы. Народно-республиканская партия, созданная Мустафой Кемалем, с 1931 г. приняла эти принципы за основу своей практической деятельности. Серию реформ, проведенных Ататюрком, Халиде считала радикальной, по ее мнению, непонимание и сопротивление со стороны общества возникли в связи с тем, что новшества вводились жестко и в краткие сроки, в основном благодаря однопартийной власти кемалистов и военному контролю над страной. Сама Халиде придерживалась либеральных взглядов и была сторонницей мягкого и постепенного переустройства турецкого общества. Несмотря на все видимые успехи в экономическом, политическом, культурно-образовательном развитии, нельзя было, по ее мнению, отвергать тот исторический опыт, который народ накопил за долгие годы своего существования. Халиде видела необходимость в широкой просветительской деятельности и в сохранении всего того полезного, что было в прошлом.

В 1929 г. Халиде Эдип получила приглашение из Института внешней политики Массачусетского университета для чтения краткого курса лекций. Она была несказанно рада этому, поскольку сын Айет находился вместе с ней в Англии, а Хасан продолжал обучение в Университете Корнелл. В течение шести месяцев Халиде сидела в библиотеке Британского музея и собирала для лекций материалы, позже вошедшие в книгу *Turkey Faces West.*

Американские газеты уделили приезду Халиде Эдип большое внимание[77]. Ей тогда было 44 года, с модной стрижкой и тщательно, со вкусом одетая, она выглядела очень женственной. Газета *New York Times* посвятила ей отдельную страницу, назвав Халиде первой турчанкой, оставившей след в истории Турции последних двадцати лет. Другие газеты называли ее «пламенной феминисткой», лидером турецкого женского

движения[78]. Ее лекции были объединены сквозной темой «Современная Турция и ее проблемы» и прочитаны в течение трех недель в присутствии многочисленной публики. Основываясь на различных научных источниках, Халиде объясняла американским слушателям главные аспекты тюркской идентичности и роль тюрок в мировой истории, анализировала причины поражения в Первой мировой войне и распада Османской империи и т.д.[79].

Затрагивая вопрос о национальных меньшинствах в Османской империи, Халиде признавала, что они действительно угнетались, но не турками, а собственными же религиозными лидерами. Греки и армяне, верноподданные султана, находились под религиозным диктатом своей церкви. Виновником в кровавых межэтнических столкновениях на Балканах она называла православную церковь, игравшую на национальных чувствах людей ради усиления собственной роли, и в результате шовинистических выпадов местных национальных лидеров дух «этнической чистки» распространился на весь полуостров. Турки, чтобы противостоять славянским государствам и Греции, вынуждены были разрабатывать собственный национализм в широком смысле этого слова. Халиде, поддерживая национализм в значении «патриотизм», была против проявлений узкого национализма, приводящих к шовинизму и ненависти.

Как пишет Ф. Казан, во время выступлений в США Халиде Эдип о себе говорила как о мусульманке и турчанке, освоившей западную культуру, но никогда не представляла себя «рядовой турчанкой». Она помнила о своей принадлежности к знатной семье, относившейся к дворцовой аристократии, ее жизнь протекала вне нищеты и бедствий, ее книги выражали симпатию к «туркам старого типа» – вежливым, культурным, верующим, воспитанным людям. Во время войны она сражалась вместе с рядовыми турками, однако смогла оставаться женщиной, умеющей держать дистанцию с людьми другого сословия и воспитания. У нее дома всегда была прислуга. Даже в период пребывания на фронте и посещения разрушенных сел и деревень при ней постоянно находился солдат, выполнявший ее поручения и ухаживавший за ней[80].

Позиция Халиде по «женскому вопросу» была предельно простой: тюркские женщины в доисламский период имели равные права с мужчинами, но в Османской империи были установлены гегемония мужчин и

патриархальные нормы, угнетающие женщин. С распадом империи женщины снова обретают социальные права – Халиде признавала достижения Ататюрка в сфере просвещения турчанок.

Пока Халиде выступала в американских университетах с докладами о турецком женском движении, на ее родине распространялось немало грязных сплетен о ней с обвинениями во всех смертных грехах. Напоминая о ее еврейском происхождении и учебе в миссионерской школе, в Турции писали, что, дескать, заведомо было известно о будущей ее измене стране и т.п. Соотечественники почти перестали читать ее романы.

Как раз в это время Аднан-бей получил приглашение в Париж, в Школу восточных языков для преподавания турецкого языка. Предложил его кандидатуру известный российский ученый и политический деятель, эмигрант П. Н. Милюков (1859–1943), некогда живший в Стамбуле. Аднан-бей принял приглашение и вскоре приступил к работе, а Халиде после окончания американского вояжа переехала к нему в Париж.

Еще находясь в Америке, Халиде получила предложение работать приглашенным профессором в Бернард-колледже Колумбийского университета. Поэтому в феврале 1931 г. она снова оказалась в США. Аднан-бей продолжил изыскания по истории науки и преподавал в колледже при Сорбонском университете. Среди его учеников была и молодая Ирэн Меликофф (1917–2009), которая впоследствии стала известным ученым, написавшим труды по алевизму и бекташизму в Турции.

19 сентября 1933 г. Халиде получила известие о смерти своего отца Мехмета Эдип-бея, которого в последний раз видела восемь лет назад. Однако она не имела возможности поехать на похороны. Из Стамбула приходили и приятные новости: отбывший на родину сын Хасан Зеки Хикметуллах женился, и у четы Адывар родился внук. Кстати, фамилия Адывар была взята семейством в конце 1934 г., когда из Турции в связи с принятым законом об обязательности фамилий пришло извещение о необходимости соответствующего выбора. Исмет-паша Инёню (1884–1975) предложил членам семьи Халиде называться Адывар (*ады* (имя) + *вар* (есть)), считая, что они действительно имеют на это право. Халиде-ханум и Аднан-бею эта фамилия понравилась[81].

В конце 1934 г. Халиде приняла приглашение из Индии от общества индийских мусульман. В последнюю неделю 1934 г. она отправилась на

пароходе в Бомбей. В результате этого визита, во время которого Халиде Эдип взаимодействовала с индийскими интеллектуальными кругами, в 1935 г. были опубликованы две ее книги. Первая из них «*Inside India*» содержит не только отчет о поездке, но и интервью с такими лидерами движения за независимость страны, как Махатма Ганди (1869–1948), Джавахарлал Неру (1889–1964), Абдул-Гаффар Хан (1890–1988), а также размышления о теоретических аспектах борьбы Индии против британского колониализма. Посетив такие города, как Бомбей, Лахор, Калькутта и Хайдарабад, Халиде рассказывает о тамошнем образе жизни и связывает свои наблюдения и социологический анализ с условиями индийского движения за независимость, возглавляемого Махатмой Ганди.

Вторая книга «*Conflict of East and West in Turkey*» представляет собой собрание лекций, которые Халиде прочитала в Национальном исламском университете (Camia-i Milliye-i İslamiye) в Нью-Дели. В этих выступлениях Халиде Эдип выдвигает альтернативные исторические нарративы турецкого движения за независимость. Она также критикует чрезмерные перегибы социальных реформ в Турции, проведенных между 1919 и 1935 гг. в рамках кемалистского проекта модернизации, и не поддерживает отдельных норм кемализма как официальной идеологии Республики. Не называя имени Мустафы Кемаля, Халиде Эдип характеризует турецкое движение за независимость и реформистские действия на протяжении 1920-х годов как деятельность «всего народа»[82]. Она считала необходимым уважение к индивидуальным правам и свободам, а также к консерватизму масс; призывала к умеренным и постепенным изменениям с сохранением преемственности с прошлым при целенаправленном создании современной прогрессивной страны. В ее политических взглядах пересекаются и создают уникальный дискурс такие идеологически сложные проблемы, как национализм, либерализм, вестернизация, «женский вопрос», поэтому невозможно однозначно вписать ее в рамки лишь единственного из этих вопросов. Халиде не разделяла идею объединения людей лишь на национальной почве и была сторонницей социальной этноконфессиональной разнородности и плюрализма мнений.

Хулья Адак[83], изучив ее встречи, выступления и лекции в Национальном исламском университете, а также указанные два труда, ставшие итогом философских и политических размышлений о принципе ненасилия,

указывает на эволюцию социально-политических воззрений Адывар на фоне роста антиколониального движения народов Востока.

Летом 1935 г. Халиде Эдип, желая увидеть маленького внука, на короткий срок прибыла в Стамбул. Сразу по приезде она отдала текст романа *«Синекли баккал»* (*Sinekli Bakkal*) в редакцию газеты *Хабер* («Известия»), где он и печатался частями до конца года. Так было нарушено безмолвие четы Адывар в Турции. В художественных произведениях и публицистических статьях этого периода Халиде Адывар акцентировала внимание на защите национальных традиций и национального сознания, замечая, что вследствие быстрых и решительных действий в политике страны усилилась лишь внешняя и поверхностная модернизация. В романе *«Синекли баккал»*, который вышел сначала на английском языке под названием *«Шут и его дочь»* (*Clown and his Daughter*), а затем в авторском переводе с большими дополнениями специально для турецкого читателя, показано сближение Востока и Запада в самых «болевых» для турецкого общества точках.

Главная героиня Рабиа, воспитанная в консервативной, даже фанатичной, семье, с малых лет знавшая наизусть Коран, во время религиозных праздников исполнявшая мавлиды среди женщин, для Халиде Эдип стала идеальным типом современной турчанки. После ознакомления с западным образом жизни Рабиа, влюбившись в итальянского учителя музыки, осталась верной своей национальной и религиозной идентичности. Это произведение, наиболее ярко отражающее картины турецкого общества и состоящее из детских впечатлений и наблюдений автора, было способно разомкнуть привычные узкие национальные и религиозные границы. Если главная героиня романа Рабиа возвышает традиционные народные обычаи, то ее возлюбленный – Перегрени – подчеркивает важность и необходимость западной мысли. Их союз демонстрирует гибкость и совместимость этих двух культур. «Читая “*Синекли баккал*”, – вспоминает те годы Адиле Айда, первая турецкая женщина-дипломат, – мы открыли для себя совершенно новую Халиде Эдип. Прожектор ее творчества освещал не только отдельных людей и их внутренний мир, как это было раньше, но и общество, окружающую среду. Писательница рисовала панораму жизни определенного этапа османской истории»[84].

В этом произведении исследователи (З. Уйсал, Г. Йаваш) замечают эволюцию религиозных воззрений автора. Если в период национально-освободительной войны Халиде Эдип выступала, по словами Яхъи Кемаля, как «абсолютный враг софты», то в 1930-е, когда ее «революционное возбуждение» постепенно сходит на нет, в условиях вынужденного пребывания за границей она пересматривает свое отношение к религии и начинает приписывать ей особое значение в системе духовных ценностей. В романах этого периода она чаще предстает в образе «консервативного мыслителя». В ее интеллектуальном восприятии религия становится неким ключом для открытия внутреннего мира человека, особенно его темных, демонических и в то же время созидательных сторон. В отличие от кемалистской идеологии, Халиде религию уже воспринимает не как ортодоксальный институт, находящийся под контролем государства, а как особую, гибкую систему, заполняющую души индивидов. По ее мнению, религия является одним из важных (объединяющих) элементов национальной культуры, социальной и личной жизни человека. Хотя Халиде и продолжает поддерживать идею усвоения турецким обществом западной цивилизации, она все же не разделяет жесткого вмешательства государства в дела религии и попыток «заключить» ее в узких рамках личной жизни индивидов. По существу, Халиде Эдип верит в необходимость секуляризма, но в то же время опасается другой крайности – доведения общества до безбожия. Вопреки тем «западникам», которые единственную причину отсталости Турции видели в исламе, она начинает воспринимать его как духовный потенциал турецкого народа и защищать его.

Не отрицая самого лаицизма, Халиде Эдип не соглашается с формами и средствами претворения его в жизнь. Она обращает внимание на ту пустоту, которая образовалась в системе воспитания духовных лиц, в подготовке молодого поколения духовенства в результате произведенных в стране реформ.

Вернувшись снова в Париж, Халиде начала отправлять свои статьи в разные турецкие журналы и газеты. Так впечатления от путешествия по Индии были изданы в газете «Тан» («Заря»), пьеса «*Духи в масках*» в журнале «Йедигюн» («Семь дней»). Этот журнал также публиковал письма Халиде, содержащие зарисовки культурной и политической жизни Франции и Англии[85]. Исследователи оценивают пьесу «*Духи в масках*» как «саркастиче-

скую критику на свое время»[86]. Используя образ бессмертного Ходжи Насреддина, автор через утопический, фантастический сюжет критикует современность, прорицает будущее и новый миропорядок. Сказывается влияние политических наблюдений писательницы в период пребывания в Европе и Америке, ее отношение к нравственным явлениям, угрожающим всему миру.

В пьесе Халиде пытается смотреть на мир глазами Ходжи Насреддина и найти ответы на политические, идеологические, культурные, религиозные, общественные, даже личностные проблемы. Идея воссоздания символического образа Ходжи Насреддина пришла в голову Халиде Эдип в городе Акшехире (считающемся родиной Ходжи Насреддина), который она посетила сразу после окончания национально-освободительной войны. Неизменный герой тюркского устного народного творчества Ходжа Насреддин привлекал писательницу свойственным ему умением «быть серьезным со смеющимся лицом», талантом через шутку затрагивать глобальные проблемы человечества. Модернизируя многовековой образ Ходжи, Халиде изложила свои раздумья о современном и будущем положении землян, оказавшихся между двумя мировыми войнами; о состоянии анархии и смуты, об отсутствии в мире идейного «компаса» – все это приводило в замешательство даже такого находчивого и остроумного человека, как Ходжа Насреддин.

Возвращение. Адывар и политика

10 ноября 1938 г. умер Мустафа Кемаль Ататюрк. Его преемником практически единогласно был избран Национальным собранием Исмет Инёню. Став президентом, И. Инёню решил вернуть опальных соратников: Кязыма Карабекира, Рауфа Орбая, Аднана Адывара и др. – и предложил им стать депутатами Национального собрания.

Первой приехала Халиде: 6 марта 1939 г. газеты сообщили о ее возвращении на родину. Это событие совпало с ее работой над романом *«Татарочка»* (*Tatarcık*), основной темой которого было столкновение нового и старого в период перехода от Османской империи к республиканской Турции. Халиде Эдип, рисуя панораму того времени и конфликт поколений, представила в романе почти каждое сословие турецкого общества со свой-

ственными ему взглядами на жизнь. Внимание автора было сосредоточено на разнообразии социальных элементов в турецком обществе, на синтезе Запада с Востоком, на модернизированном молодом поколении, готовом возродить деревенскую жизнь.

По приезде Халиде сразу включилась в политическую жизнь страны.

1–5 мая 1939 г. прошел Первый турецкий издательский конгресс, на котором обсуждался вопрос о запрете в стране сказок с такими персонажами, как джины, бесы, феи, а также использования в них слов «падишах», «султан», «шахзаде» и проч. Халиде Эдип в статье под названием «*Бес, фея и литературная собственность*» (*Cin, Peri ve Edebî Mülkiyet*) от 16 мая 1939 г. выступила против подобных мер в отношении такой важной части наследия народного творчества, как сказки, считая, что этим взрослые грубо вмешиваются в процесс формирования детского сознания, лишая его мечты и фантазии[87]. Критикуя подобные запреты в культурной программе государства, она, наоборот, призывала собирать, изучать, преумножать сказки и другие фольклорные произведения.

В июне 1939 г. И. Инёню во дворце Долмабахче принял чету Адывар. В 1940 г. на литературном факультете Стамбульского университета открывалось отделение английской филологии, и возглавить его было поручено Халиде Эдип. Инёню не предложил ей место в правительстве, не хотел видеть ее политиком. Так первая в Турции женщина-профессор стала и первой заведующей кафедрой университета. На открытии отделения она прочитала лекцию о творчестве Шекспира и была представлена аудитории как Халиде Эдип Аднан, поскольку и сама, и публика еще не привыкли к фамилии Адывар.

Халиде не прошла традиционных этапов академической карьеры, потому вначале находились люди, критиковавшие ее за недостаточность знаний и опыта работы в университете. Мина Урган, бывшая в 1941 г. ее ассистентом, вспоминает, что Халиде Эдип, хотя никогда не была деканом, руководила не только своим отделением, но и всем факультетом, по этой причине ее называли «деканихой», «деканшей»[88]. А один из бывших ее учеников, профессор Вахит Турхан[89], считал, что благодаря ее энергичной деятельности за короткий срок в отделении английской филологии были созданы хорошие условия для обучения студентов: организована библиотека, приглашались лекторы из Англии, увеличилось число ассистентов и т.д.

Политическая обстановка в стране и во всем мире, где шла Вторая мировая война, была очень сложной. Исмет Инёню, прозванный «национальным шефом», проводил политику однопартийной, однонациональной системы и жестко контролировал печать. Университет, где работала Халиде, также не обладал суверенитетом и находился в подчинении у Министерства просвещения. Чета Адывар старалась не вмешиваться в политику и жила достаточно тихо, Халиде стала меньше печататься. Аднан-бей получал пенсию и возглавил комиссию при Стамбульском университете по созданию «Исламской энциклопедии». В 1943 г. он перенес инсульт и постепенно отошел от дел. В 1947 г. его пригласили в знаменитый Принстонский университет, избрав почетным доктором. Аднан-бей, несмотря на болезнь, поехал в США, где познакомился с великим физиком Альбертом Эйнштейном.

Халиде в 1946 г. закончила роман *«Бесконечная ярмарка»* (*Sonsuz Panayır*), где описывала послевоенную ситуацию в стране. В связи с мобилизацией армии рабочая сила в Турции резко уменьшилась, что привело к снижению производства и, соответственно, – к дефициту различных товаров. Черный рынок диктовал свои условия, и цены повысились фантастически. В этих условиях некоторые слои населения начали получать неестественную прибыль, тогда как наименее обеспеченные еще больше нищали. Правительство пыталось нормализовать положение, принимая непопулярные меры, то есть повышая старые налоги и вводя новые. В стране, не принимавшей участия во Второй мировой войне, давали о себе знать ее экономические последствия. Турецкому обществу того периода было присуще такое новое социальное явление, как «двухтысячные» – выходцы из провинций, которые, выгодно используя экономические условия военного положения, стремительно разбогатели. Часть жизни главной героини романа Айше проходит среди этих расточительных и безнравственных людей, которые описываются опосредственно через ее наблюдения и размышления. Халиде Эдип и здесь стала первой: описав состояние послевоенного турецкого общества, она опередила в этом других авторов[90] почти на полтора-два десятилетия. К тому же в романах других литераторов женщина присутствовала как второстепенный персонаж и описывалась с менее значимых точек зрения. «*Бесконечная ярмарка*» анализирует место женщин в послевоенном обществе, их трудовые будни и мужское отношение к работающим женщинам.

В 1945 г. в Народно-республиканской партии наметился раскол, и выделилась оппозиция, критиковавшая малоэффективную политику и чрезмерное государственное присутствие в экономике. В 1946 г. была создана Демократическая партия, которую возглавил сначала – бывший еще при Ататюрке – премьер-министр Джаляль Баяр (1883–1886), а потом Аднан Мендерес (1899–1961). 61 человек из этой партии вошли в Национальное собрание. Таким образом, политическая обстановка немного изменилась, и наметилась тенденция от однопартийной системы к демократическим выборам. Во время парламентских выборов 14 мая 1950 г. Турция перешла к многопартийной системе, политического успеха добилась Демократическая партия. В своей предвыборной кампании ДП использовала изгнание Халиде Эдип в качестве козыря в борьбе против однопартийной системы. Тот факт, что Халиде стала кандидатом в депутаты от ДП, не понравился Исмету Инёню. К тому же Аднан Адывар также был выдвинут в депутаты от двух партий, но в последний день перед выборами он отозвал свою кандидатуру.

Халиде Эдип, избранная в Великое народное собрание Турции (ВНСТ) как независимый депутат ДП от Измира, вместе с двумя женщинами-депутатами (Тезер Ташкыран – от НРП, Назлы Трабар – от ДП) стала символом новой турецкой политической истории. Она предложила 14 мая считать днем демократии: власть в стране сменилась, и появилась возможность реформ. Из тюрем вышли многие политзаключенные, Халиде Эдип внесла свою лепту в освобождение поэта Назыма Хикмета.

На трибуну парламента Халиде поднималась довольно часто, высказывая свое мнение по вопросам просвещения, экономики, бюждета, принимая участие в дискуссиях по Конституции, языковой политике, национальному театру и т.д.[91]. Называя театры истинными народными университетами, Адывар говорила, что, помимо развлекательной функции, они прививают обществу высокую культуру и эстетическое восприятие. В этой связи она указывала на незначительный бюджет анкарского театра оперы и требовала от депутатов сделать все необходимое для улучшения состояния театра. Халиде поддержала прогрессивные реформы, проведенные демократами: отмену цензуры, объявление свободы слова, печати, выбора вероисповедания и другие либеральные законы.

Однако вскоре Халиде разочаровалась в деятельности ДП: некогда выступавшие против диктатуры правящей НРП новые властители доволь-

но быстро ступили на ту же дорожку, а обещанные на выборах демократические законы так и не были ими приняты. Когда ДП приняла закон о защите памяти Ататюрка (31 июля 1951 г.) – в связи с частыми нападениями исламских радикалов на его скульптурные изображения, – Халиде Эдип посчитала этот закон попыткой обожествления прежнего лидера Турции. Свою критику она мотивировала личным неприятием идеи «уникальности» вождя, а не возникающим противоречием между культом личности и религиозными установками.

Смело раскритиковавшая партийную линию в целом, Халиде Эдип вскоре сделалась «белой вороной» в составе Демократической партии. Пятого января 1954 г. в газете «Джумхурият» («Республика») она опубликовала *«Политическое прощание»* (*Siyasi Vedaname*)[92], обращенное к избирателям, и покинула политическую арену. Вознамерившись продолжить борьбу за демократию своими книгами, Халиде вернулась к преподавательской деятельности в университете. Хотя ей уже перевалило за семьдесят, она сохранила бодрость духа и желание работать. За последние десять лет жизни ею были написаны пять романов и большое количество статей, опубликованных в периодической печати.

Смерть Аднан-бея в июле 1955 г. потрясла Халиде Эдип. Хотя совместно проведенные с ним годы с ее стороны были основаны больше на дружбе, чем на любви, она питала к нему глубокую привязанность и признательность. Провожая мужа в последний путь, Халиде обронила фразу о том, что они воссоединятся через три года, и даже купила себе место на кладбище рядом с Аднан-беем. Каждый раз потом, приходя на его могилу, она стыдилась того, что все еще жива.

Подготовленная Халиде и изданная в короткие сроки книга «*Доктор Абдулхак Аднан Адывар»*[93] является сборником посвященных ему статей различных авторов и некрологов, вышедших в прессе. В биографическом очерке «Портрет», написанном Халиде, воссоздан жизненый путь Аднан-бея. Особенное внимание уделено моментам, связанным с выбором профессии, участием Андан-бея в Триполитанской войне, продуктивной практической деятельностью в Красном Полумесяце, ролью в национально-освободительной борьбе, увлечением культурой разных стран, более всего Германии, Франции и США, работой в последние годы над Исламской энциклопедией и т.д.

Двери дома Халиде на Лалели всегда были открыты для посетителей: учеников, писателей и поэтов, людей науки и культуры. После успеха *«Синекли баккала»* она создала произведения, названия которых связаны с городом: лексема «улица», вынесенная в заглавия романов *«Улица Акиле-ханум»* и *«Комедия улицы Севда»*, настраивает на «урбанистическое» прочтение текстов и вызывает у читателя разнообразные социокультурные ассоциации. Халиде был создан своего рода «стамбульский текст», описавший столицу Османской империи в многообразии топографических и архитектурных подробностей: улицы, кварталы, мечети, лавки, дома, отели, фонари, балконы и т.п. С одной стороны, Стамбул – это город иллюзий, миражей, разочарований, внутренних распадов, пустот, предотвратить и заполнить которые, кажется, невозможно. С другой – воплощение духовности. Халиде вспоминает о собственном детстве, которое пришлось на конец великой империи, однако воскрешение того, прежнего, Стамбула кажется ей невозможным.

Много времени Халиде проводила за написанием заметок в еженедельную колонку газеты «Новый Стамбул» и диктовкой Ведату Гюнйолу книги *«Испытание турка огнем»*, вышедшей отдельным изданием в 1962 г.

В 1960 г. «Общество выпускниц университетов» наградило Халиде Эдип медалью, объявив ее «символом турецкой женственности». В ответной речи писательница сказала: «Этой чести не может быть удостоена только одна женщина – эта награда принадлежит всем турецким женщинам»[94]. С установлением республики заметно увеличилось количество и писательниц, и романов, созданных женщинами. Наиболее плодотворно в 1923–1940-х гг. творили Шукуфе Нихаль Башар (1896–1973), Гюзиде Сабри Айгюн (1886–1946), Муаззез Тахсин Берканд (1900–1984), Суат Дервиш (1903–1972), Мукеррем Камиль Су (1906–1997) и Кериме Надир (1917–1984). Об отношениях Халиде Эдип с коллегами по перу сведений мало, но в кругу ее друзей было больше поэтов и литераторов-мужчин: Яхъя Кемаль, Якуп Кадри, Халдун Танер, Яшар Кемаль, молодой Сабахаттин Али и др.

Опыт демократов в сфере либерализации оказался неудачным, тяжелые социально-экономические последствия такой политики привели к выступлению армии и отстранению в 1960 г. ДП от власти. В дни военного переворота Халиде жестко высказалась об увольнении 147 уни-

верситетских профессоров и отказалась сотрудничать с хунтой, захватившей власть. Роман *«Врата страданий»* (*Azap Kapısı*) Халиде не успела закончить. Написанные ею на английском языке труды *Turkey Faces West* и *East and West Conflict* она перевела и объединила под общим названием *«Восток-Запад в Турции и американское влияние»* (*Türkiye'de Şark-Garp ve Amerikan Tesirleri*).

Женский лидер национально-освободительной борьбы, «непокорная дочь Республики», Халиде Эдип Адывар умерла 9 января 1964 г. в Стамбуле. Ее гроб был покрыт национальным турецким знаменем, церемония прощания была организована в университете и во дворе мечети Баязит. Несмотря на то что в те годы женщины еще не ходили на похороны, соотечественниц, пришедших попрощаться с Халиде, было много. Официальные представители власти в похоронах не участвовали, хотя газеты сообщили о ее смерти на первых полосах. Халиде похоронена рядом с Аднан-беем, на кладбище Меркез-эфенди.

Вся жизнь Халиде состояла из борьбы и невзгод: раннее сиротство, болезни, развод, угрозы фанатиков, приговор к смертной казни, бегство в Анкару, фронт, невыносимые чувства при виде сожженных деревень и голодных детей… Затем последовали разногласия с Ататюрком, добровольное изгнание, оговоры и сплетни… Но ничто не смогло ее сломить! Стойкий борец, она находила душевные силы в творчестве и неустанной умственной работе.

Если браться перечислять ипостаси Халиде Эдип в памяти турецкого народа, пожалуй, следует начать с первой выпускницы-мусульманки американского колледжа, ставшей знаменитой писательницей, публицистом, пламенным оратором, общественным деятелем, участником борьбы за независимость своей родины... Называя Халиде «амазонкой», Х. Адак продолжает перечень видов ее деятельности: пропагандистка, женский лидер турецких патриотов, организатор национального движения… И напоминает, что во время оккупации Турции британская печать называла Халиде «подстрекателем и опасным провокатором»[95].

Часть 2. «ПИСАТЬ – САМОЕ БОЛЬШОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ В МОЕЙ ЖИЗНИ»

Романы

Женское творчество появилось в турецкой литературе после Танзимата, когда сформировалось обновленческое направление. В художественной прозе ощущалась необходимость конфликта, противостояния, прежде всего выражавшегося в отношениях между полами, поэтому постепенно в литературу входили женские образы с их внутренним миром, доселе неведомым читателям.

Вхождение в литературный процесс писательниц наметилось в последней четверти XIX в., до этого первые женские образы, их внутренний мир и проблемы описывались мужчинами и, разумеется, с соответственной им точки зрения. Читательницы произведений, в которых женские образы давались сквозь призму мужского восприятия, начали задумываться о себе, что привело к попыткам самоописания. Но для этого необходимо было просвещаться и интеллектуально развиваться, однако этому противостояли многовековые традиции, да и общественное мнение не допускало даже мысли о том, чтобы женщина не только читала, но и создавала художественные произведения. Лишь в некоторых аристократических семьях девушки частным образом получали образование и интересовались литературой и искусством. Переход женщины от чтения к творчеству мог быть возможен лишь в том случае, если она решалась быть выше предрассудков общества и была убеждена, что ее творчество содержит нечто важное и интересное для других.

Писательницы, с одной стороны, знакомились с модернистским течением, с другой – благодаря новой методе образования формировали себя, тем самым пытаясь восполнить вековые упущения. Социальные права, обретенные женщинами в период Машрутията в 1908 г., усилили веру женщин в себя, хотя им еще не хватало жизненного опыта, который был обретен позже, в период тяжелого и длительного национально-освободительного движения. Во время освободительной войны турчанки трудились в тылу, вместе с мужчинами сражались на фронте и незаметно даже для

себя оказались в центре активной общественной жизни. Они взяли на себя обязанность по организации различных благотворительных учреждений и выполняли всевозможные общественные поручения, чем приобрели не только социальный, но рациональный и политический опыт. Сочетая его с личными чаяниями и пожеланиями окружающих, женщины постепенно доказали свое право на литературное творчество. К первым годам республиканской Турции уже существовало заметное количество произведений, созданных женщинами, которых уверенно вели за собой Фатьмы Алийе (1862–1936) и Халиде Эдип: это Зафер Ханум, Нигяр Ханум (1856–1918), Макбуле Леман (1865–1898), Эмине Семийе (1864–1944), Ихсан Раиф (1877–1926), Гюзиде Сабри (1886–1946), Яшар Незихе (1882–1971), Шукуфе Нихяль (1896–1973), Халиде Нусрет (1901–1984), Муфиде Ферит (1892–1971), Незихе Мухетдин (1889–1958), Суат Дервиш (1905–1972). Именно эти писательницы внесли свою лепту в процесс перехода турецкой литературы из XIX в XX в., из Османской империи в республиканскую Турцию[96].

Как справедливо замечает российский литературовед-турколог М. М. Репенкова: «Произведения, созданные турецкими писательницами, позволяют с большой долей достоверности определить глубинные изменения, происшедшие в указанный период в судьбах женщин Турции, изменения, которые изначально были связаны с деятельностью просветителей-реформаторов, боровшихся за социально-духовное раскрепощение женщин и считавших, что от обеспечения их равенства зависит развитие общества. Отражая реальность современного турецкого общества, литература Турции не только создает галерею портретов независимых, свободолюбивых женщин, протестующих против патриархальных традиций и косных обычаев, смело, решительно бросающих вызов прошлому, но и все чаще фиксирует возрастающее присутствие женщин в общественной и политической жизни своей страны»[97].

***

В турецком литературоведении романы Х. Э. Адывар принято объединять в три группы, в основу такой классификации заложен тематико-хронологический порядок. В первую группу, обозначенную как «романы анализа души», вошли: *«Ужасная греза», «Мать Раика», «Севийе Талип», «Хандан»*, *«Последнее произведение»*, *«Обещанное решение»*. Вторую

группу составили романы, посвященные национально-освободительной борьбе: *«Огненная рубашка»* и *«Убейте блудницу!»*, *«Боль сердечная»* и *«Сын Зейно»*. В третью группу включены «этические» романы: *«Синекли баккал»*, *«Преступление в “Йолпаласе”»*, *«Татарочка»*, *«Бесконечная ярмарка»*, *«Вращающееся зеркало»*, *«Улица Акиле-ханум»*, *«Сын мастера Керима»*, *«Комедия улицы Севда»*, *«Находчивая»* и *«Осколки жизни»*. Роман *«Новый Туран»* не входит ни в одну из этих групп и классифицируется как «утопический». Помимо того, существуют сборники рассказов *«Разрушенные храмы»*, *«Волк на горе»*, *«Приятный звук, оставшийся на куполе»* и пьеса *«Маска и дух»*.

Основными концептуальными темами в художественном творчестве Халиде Эдип являются противоречия между мусульманским Востоком и христианским Западом, традициями и современностью, старым и новым, богатыми и бедными, основанное на страхе понимание религии и суфийский призыв к терпению, права женщин и мужчин, тирания и свобода, культурные различия и характер социального многообразия. Особенность творчества первого периода заключается в том, что во многих романах, даже воспринимаемых как «автобиографические», повествователем является мужчина. Писательница поступает так, ибо, во-первых, знает вкусы, привычки и традиции своей аудитории. К тому же главный персонаж-мужчина служит ей своего рода «ширмой», скрывающей сюжеты и события ее личной жизни. Кроме того, рассказчику-мужчине можно доверить восхищение идеальными образами героинь и увлеченное описание их характеров. Во-вторых, тема плотской любви была табуированной для османских женщин, поэтому писательницы вынуждены были говорить о ней от лица мужчин и даже издавать свои сочинения под мужскими псевдонимами. Ко всему прочему повествователь-мужчина, излагающий события со своей точки зрения, в силу незыблемости своей позиции помогает автору-женщине и главной героине обрести определенную власть над остальными персонажами.

Первые пять лет творчества, отмеченные созданием ранних романов, были для Халиде психологически очень трудными: ради детей и любви к мужу она пыталась смириться с его изменой. Объявление Зеки Салиха о решении жениться второй раз переполнило ее чашу терпения, и неожиданно как для себя, так и для него она подала на развод. Ранние произ-

ведения Халиде написаны под влиянием этого события и носят в какой-то степени автобиографический характер. Между автором и героинями романов, пережившими измену (Рафика, Хандан), заметно близкое сходство. К тому же эти романы свидетельствуют о стремлении Халиде представить себя публике как *женщину* и *писателя.*

Романы этого первого периода объединяет попытка создать образ особенной, привлекающей внимание женщины, как правило, аристократического происхождения. Благодаря прекрасному образованию, она стоит на одном интеллектуальном уровне с мужчинами и способна полемизировать с ними. К тому же она умна, скромна, ценит национальные традиции, обладает лидерскими качествами и творческими способностями. Особенно эта женщина щепетильна в вопросах чести, целомудрия, верности. Она богобоязненна, однако ее религиозные убеждения не ортодоксальны, и она сторонница реформирования ислама, особенно в вопросах отношения к женщине. Воспитывалась в духе западного образования, она тем не менее не похожа на аляфранга из романов и пьес периода Танзимат, отвергавших тюрко-мусульманские ценности и представлявших угрозу для османских семейных традиций. Она живет в согласии с национальными этическими нормами и ценностями и является «женским идеалом» молодой писательницы. Центральной фигурой ранних романов Халиде Эдип является женщина «яркая, сильная, одаренная и в то же время утонченная, склонная к рефлексии»[98]. Ранние романы Халиде имеют психологическую и сентиментальную направленность, события выстраиваются вокруг извечного конфликта в любовном треугольнике, где герой/героиня (а порой и они оба) несвободен – женат/замужем. Они переживают расхождение сердца и ума, совести и любви, а в финале один из них умирает. Поэтому нельзя отказать в справедливости, например, такому наблюдению критика: «Героиня Халиде Эдип, воспитанная на западной культуре, является представителем узкого круга рафинированной стамбульской аристократии. Как правило, она попадает в сложную жизненную ситуацию, увлекшись женатым мужчиной. Растрачивая богатства своего душевного мира на недостойного человека, героиня погибает»[99].

Сама Халиде Эдип, спустя годы, о своих ранних произведениях (до *«Огненной рубашки»*) отзывалась как о вещах, «не заслуживающих внимания», в частности и потому, что романы нужно писать после пятидесяти лет[100].

Частое обращение Халиде Эдип на начальном этапе творчества к дневникам и письмам теоретически оправдано тем, что «исторически женщины-авторы чаще, чем мужчины, выбирали приватные формы повествования – письма, дневники, мемуары, – как бы обращенные лично к каждому читателю, нежели жанры, содержащие философско-социологические обобщения и предполагающие массовую аудиторию. Это, в частности, объясняет, почему женщины используют отличные от мужских нарративные стратегии»[101]. Надо признать, что именно в ранних романах Халиде Эдип вырабатывается собственно женский, лирический стиль – в более позднем ее творчестве заметно сознательное подавление этого начала. Так, на втором этапе, например, она делает акцент на социальной роли женщины-лидера, представляя ее организатором и участницей общественных движений и политической борьбы. Изображение женщин в первых романах Халиде проще, естественнее: они показаны в окружении семьи и в повседневной жизни.

Любовные чувства, сексуальность, как женская, так и мужская, в романах периода национально-освободительной войны как бы задвинуты на второй план повествования, поскольку героини воплощают иной идеал – женщины, ради высокой цели и борьбы за родину жертвующей личной жизнью. «Целомудренная женщина республики»[102] занята иными проблемами.

«Цыганочка» – первая проба пера

Настоящей находкой можно считать публикацию И. Г. Озбей ранее неизвестного сочинения Халиде Эдип Адывар под названием *«Цыганочка»* (*Çingene Kızı*)[103]. Сама писательница никогда не упоминала о нем в автобиографических произведениях и публицистических статьях. По праву можно считать, что *«Цыганочка»* является первым художественным опытом Х. Э. Адывар. Роман написан в 1899 г., когда Халиде еще была ученицей американского колледжа в Ускюдаре. Подписанный только именем «Халиде», он печатался с октября 1899 г. по июль 1900 г. в специальной «Газете для женщин» (*Ханымлара махсус газете*), однако после 20 выпусков публикация прервалась. Авторство произведения сомнений не вызывает, ибо публикации текста Халиде Эдип предшествовала заметка известного писателя Ахмеда Мидхата (1844–1912) в газете *Терджуман-и хакикат*. Мидхат, в частности, писал о том, что одним из достойных дея-

ний султана Абдулхамида II является создание возможности для обучения девушек и что высокообразованная дочь Мехмета Эдип-бея – молодая, талантливая писательница, подающая серьезные надежды[104]. Скорее всего Ахмед Мидхат был вхож в дом отца Халиде, поскольку подробно излагал историю появления у девочки английской гувернантки. Да и по стилю и языку *«Цыганочки»* несложно заметить влияние классика на начинающего автора. Однако нужно отдать должное Халиде, ибо в этом первом романе уже видны задатки ее собственных литературных достоинств, которые разовьются в последующих книгах: тщательного описания и подробной характеристики героев. Например, сцена попрошайничества маленькой цыганки Зейнеп дает читателю понять, что хитрая девочка отнюдь не так уж проста и подвластна воспитателю: *«Ребенок спрыгнул с таким проворством, которое можно увидеть только у обезьян. Хромая, девочка пошла навстречу к идущей к ней женщине. Раскрыла руки и придала лицу выражение, вызывающее сострадание. Сама же, чтобы разглядеть производимое на женщину впечатление, наблюдала за ней краем глаза. И должна была быть очень рада: ее грязное, смуглое личико отражало внутреннюю борьбу между вынужденно выражаемым унынием и цыганской яростью. Этот убогий ребенок, вынужденный ради куска хлеба изменить, как хороший актер, свою физиономию, уже в пять-шесть лет знал, как нужно действовать на болванов, чтобы получить от них деньги»*[105].

Непосредственное знакомство с текстом *«Цыганочки»* оставляет впечатление о нем как вполне достойном сочинении. Начинающая писательница создавала его под непосредственным влиянием романа А. Мидхата «Цыганка» (*Çingene*), основной проблемой которого является целесообразность просвещения представителей этой национальности. Как указывает И. Г. Озбей, этот роман Халиде Эдип после произведения А. Мидхата может считаться одним из первых в турецкой литературе, посвященных цыганам. Сравнивая эти два романа, автор статьи находит много сходств, доказывающих влияние А. Мидхата на молодую писательницу: это и убежденность героев в том, что цыгане произошли из Индии; и отношение обоих писателей к некоторым негативным качествам, по их мнению, характерных для этого кочевого народа. В обоих романах цыгане продают своих детей, уверенные, что те обязательно сбегут и вернутся к своим родителям.

В основе сюжета романа А. Мидхата лежит любовь к цыганской девушке Зибе молодого человека Шемса Хикмета, мечтающего дать ей приличное воспитание и образование, а затем жениться на ней. Однако его близкие считают, что изменить можно лишь незначительные, поверхностные свойства личности – глубинные же основы человека заданы этногенетической программой, которая не поддается переформатированиию. Так и не убедив своих близких в совершенном перевоспитании Зибы, в финале романа молодой человек совершает самоубийство. Можно считать, что в определенном смысле роман представляет собой этнопсихологический эксперимент по определению социальной адаптации цыганки к чуждой для нее культуре.

Роман *«Цыганочка»* начинается с того, что молодая богатая девушка Гюзиде покупает у нищей цыганки ее дочь и приводит ее в особняк, где живет с тетей и ее сыном Рыфкы. Девушка желает провести своеобразный эксперимент и найти ответ на вопрос, насколько цыганские дети поддаются воспитанию и обучению. Домочадцы на все это смотрят скептично, однако не могут возразить Гюзиде. Чтобы получить согласие тяжелобольной тети на проживание в доме цыганской девочки Зейнеп, Гюзиде действует через своего кузена. Ожидая от этой ситуации развлечений и веселья, Рыфкы-бей помогает Гюзиде. Она готова прилагать максимум усилий для того, чтобы «первозданную», «дикую», «угловатую» цыганку превратить в изящную, элегантную, просвещенную девушку. Зейнеп остается в особняке, ее приучают спать в постели, носить приличную одежду, однако на этом повествование прерывается, и читателю остается неведомым ни развитие «воспитательного процесса», ни его результат. Вероятно, юная Халиде желала вмешаться в полемику о воспитании и обучении цыганских детей, так как ей был очевиден в этом случае конфликт социального и генетического (природного) начал. Хотя роман не окончен, можно предположить, что его автор солидарен с мнением А. Мидхата об успешности таких усилий, ибо Гюзиде в разговоре с Рыфкы определяет свою цель в отношении Зейнеп как «воспитать из нее человека».

И. Г. Озбей находит в романе отдельные детали, связанные с жизнью самой Халиде: например, няня Гюзиде носит то же имя, что и няня Халиде, а тетя Зухра с крашенными хной волосами похожа на бабушку автора по материнской линии (Хаминне) своей чрезмерной религиозностью и мягким характером. Из автобиографической прозы *«Дом с глицинией»* из-

вестно, что для маленькой Халиде отец привел в дом эфиопскую девочку Реше, которая была когда-то украдена и продана. Возможно, прототипом цыганочки послужила эта чернокожая красивая девочка, которая в первое время противилась одеваться, как остальные, и спать в мягкой постели.

Рассуждая о причинах остановки публикации, И. Г. Озбей предполагает, что роман не был дописан Халиде Эдип по уважительной причине: как раз в это время она закончила колледж и вышла замуж за Зеки-бея, после чего изменился образ ее жизни. Предугадывать развитие сюжета автор статьи не берется, лишь предполагает, что Зейнеп в итоге воспитания все-таки станет «достойным человеком».

«Ужасная греза» («Хейула»)

Одно из первых полноценных сочинений Халиде Эдип *«Хейула»* начало выходить в марте 1909 г. в журнале *Мусаввар мухит*, при жизни автора оно так и не было издано отдельной книгой. Небольшое по объему и композиции, оно не дотягивает до уровня романа в современном понимании, однако за отсутствием жанра повести в турецкой литературе классифицируется как роман. Вполне справедливо Селим Илери назвал эту мрачную историю любви между молодой девушкой и художником-скульптором с сатаническим духом «недозрелым готическим романом».

Название *«Хейула»* (от слова *хайаль* – мечта), которое переводится как «страшная, ужасная мечта, греза»[106], готовит читателя к сентиментальным приключениям. Несложная цепочка событий сплетена вокруг одной героини – Сельмы – и описывается посторонним лицом – Зийой, – наблюдавшим за ней. Зийа, увидев ее впервые на лоне природы, а затем при выходе из театра, влюбляется, а позже узнает, что она является женой его школьного друга Хашима. Молодые люди начинают общаться и дружить, однако Сельма часто болеет, у нее случаются припадки на нервной почве. Хотя автор не делает особого упора на европейское воспитание и образование Сельмы, все же сообщает, что она выросла в городе, получала частные уроки от разных учителей, держит дома иностранную служанку, играет на пианино и любит игру на скрипке. По признанию Зийи, Сельма стала «другом его души, освобожденным от половой принадлежности».

Пережив некие события, Зийа находит основную причину психического заболевания Сельмы: красавица с юных лет находится под гипнозом

Шахапа, мужа своей тети, и не может найти в себе силы противостоять ему: Шахап держит ее в плену своего метафизического воздействия. Поэтому поступки и решения Сельмы не всегда поддаются логике: она отказывается от своего обрученного возлюбленного Рыфкы и тем самым становится косвенной причиной его смерти; по настоянию Хашима выходит за него замуж, но между ними нет никакого понимания и тепла. Она особенно податлива воле Шахапа в весенне-летний период – тогда и обостряются ее припадки, а в зимний сезон Зийа видит ее активной, живо интересующейся окружающим миром. Во время общения с ней в такое время он восхищается ее возвышенным духовным миром и познает внутренние страдания в поиске собственного «я». Но Сельма никого не впускает в потаенные уголки своей души, уединяясь, пытается заново обрести себя. Зима заканчивается быстро, с наступлением весны Шахап возвращается на свою дачу, находящуюся по соседству с домом отца Сельмы, и ее невротические припадки снова повторяются.

Обнаружив в мастерской Шахапа переписку между ним и Сельмой, Зийа узнает, что Шахап, обучавшийся в Европе, для лечения головной боли юной девушки прибег к гипнозу и стал управлять ее сознанием. Впоследствии он постоянно вмешивался во внутренний мир Сельмы, препятствуя его формированию. Именно Шахап является причиной смерти Рыфкы: влюбившись в невесту своего сына, он увел Сельму от него перед самой свадьбой. Несчастный Рыфкы заболел чахоткой и вскоре умер. Стерев из памяти девушки эту историю, Шахап превратил ее в свою любовницу. Неожиданная беременность Сельмы подтверждает уверенность Хашима в ее измене, но он довольно спокойно относится к этому, поскольку его мысли заняты другой женщиной. Зийа, поняв, что своим присутствием беспокоит Хашима, отдаляется от этой пары. После смерти ребенка, родившегося восьмимесячным, состояние Сельмы сильно ухудшается, она впадает в состояние грез и бреда: маленькая дочь, которую она назвала Гюльгюн (в переводе «Роза дня»), для нее все еще жива. Каждый росток розы кажется Сельме ее дочерью, отчего однажды она даже набрасывается на садовника, осмелившегося сорвать этот цветок. Желанию Сельмы стать матерью не могли противостоять никакие преграды и трудности. Пробуждение материнского инстинкта, способность самоотверженно защищать свое дитя описываются автором как чувства, общие для всех женщин.

Так, Сельма, потерявшая свою индивидуальность, являясь пленницей воли другого человека, становится жертвой чужого греха и постепенно превращается в живой труп. Название романа непосредственно отражает тупиковые состояния ее психики, импульсивные попытки освободиться от натиска чужой воли и вмешательства в сознание.

Хашим, якобы по настоянию друзей, при таком психологически тяжелом состоянии жены приводит в дом свою любовницу Исмет, которая во всех отношениях противостоит Сельме. Покинутая мужем и пленителем Шахапом, сошедшая с ума и обреченная на смерть, Сельма лишь для Зийи остается такой же недоступной и любимой. И он станет единственным человеком, кто будет оплакивать Сельму, нашедшую смерть в саду, под кустом розы.

По мнению Н. Бекироглу, роман определенно напоминает «Фауста» И.-В. Гете: Сельма походит на Маргариту, а Шахап является неким подобием Фауста[107].

Женственная, одухотворенная, влюбленная в музыку, прекрасная физически и душевно, Сельма предвосхищает появление образа Хандан – героини романа, который выйдет из-под пера Халиде Эдип через три года[108].

«Мать Раика»[109]

Возможно, по времени написания этот роман был следующим после *«Цыганочки»*, поскольку публикация его частей началась еще в 1908 г. в журнале «Букет» (*Demet*), но целиком он был опубликован в 1909 г. в журнале «Иллюстрированный роман» (*Resimli Roman Mecmuası*), то есть после *«Хейулы»*. В виде книги *«Мать Раика»* вышла в 1924 г. Произведение имеет небольшой объем, по содержанию оно также несложно, и его вполне можно рассматривать как повесть в нашем понимании. После перевода на турецкий язык романа «Мать» Эббота Халиде Эдип непрерывно развивала в своем художественном творчестве тему материнства и семейного воспитания детей, и события романа *«Мать Раика»*, как можно понять уже из названия, строятся вокруг женщины-матери: героиня, думая лишь о благополучии своего ребенка, жертвует собственным спокойствием и любовью.

Рассказчиком в этом романе тоже является мужчина: Сирет ненавидит аляфранга – поверхностное увлечение, особенно частое у женщин, западной культурой. В турецком обществе процесс вестернизации, предпо-

лагающий внедрение лучших достижений европейской мысли, был длительным и нелегким, порой однобоким и воздействовал преимущественно на элиту. Его неполноценность отразилась во внешнем подражании всему европейскому: в одежде и прическах, предметах обихода, в открытии увеселительных заведений, устройстве праздников, балов, в совместных гуляньях мужчин и женщин в парках и садах. В обществе произошло разделение на два лагеря – «старых» и «новых», и это противостояние порой доходило до крайностей: традиционалисты осуждали «экстремально прогрессивных» молодых людей как «снобов» и «праздношатающихся», а те презирали своих оппонентов за их «старомодность». В принципе оба лагеря занимались *таклид*ом – подражательством: одни имитировали прогрессивность, другие – патриархальность и верность традициям отцов. Так продолжалось вплоть до республиканской эпохи.

Сирет так излагает свое представление о браке и женщине, на которой он мог бы жениться: «Вот какую женщину я желаю: если угодно, пусть знает языки, даже два-три, но пусть на Бейоглу не торгуется на французском. Пусть в подражание француженкам не смеется искусственным смехом, не заламывает руки, не качает головой, не ходит, подскакивая и подпрыгивая. Пусть по пустякам не удивляется по-французски. Пусть не вскрикивает при виде отца “oh! Mon per!”, а когда боится чего-либо “Oh! Mon diyö!”, пусть верит в Бога и время от времени посещает мечеть… Если знает музыку, пусть знает тяжелые, классические, серьезные вещи! Пусть ее волосы будут густой копной, дающей успокоение взору, а действия и поступки будут простыми и скромными, глаза улыбчивыми, уста нежными, руки мягкими»[110].

Имя Сирет в переводе с арабского означает «нравственность, духовный путь». И Сирет хочет видеть в своей спутнице жизни высоконравственную и культурную женщину, которая понимает святость мусульманской веры, обладает скромностью и качествами сострадательной матери, во всем имеет чувство меры, дорожит национальными ценностями.

В начале романа родители хотят женить Сирета на аляфранга – соседке Наджибе, подобной кукле, созданной для украшения дома. Сирет, покинув Стамбул, отстраняется от Наджибе, поселяется на острове Хейбели, где и встречает свой идеал. Жена его друга Рауфа Рафика – полная противоположность Неджибе, она представляется ему олицетворением

османской женщины-матери, которая ставит выше всего на свете любовь и нежность к своему ребенку, лично занимается его воспитанием, отказываясь от иностранных гувернанток. Рауф, хотя и старше Сирета по годам, представлен слабовольным типом, ради собственного удовольствия живущим отдельно от любимого сына и жены и развлекающимся с польской любовницей Огюстин. Рафика изображена сильной женщиной, которая, несмотря на мольбы мужа, решает расторгнуть этот брак. Сирет также отказывается понимать своего друга, критикует стремление мужчин к полигамии и становится своеобразным защитником семейных устоев. Он дает себе слово вернуть Рауфа в лоно семьи.

Главной идеей романа является сохранение института семьи – а для этого при заключении брака нужно стремиться к созданию духовной гармонии. Как говорит отец Рафики: «Нет ничего хуже брака двух людей, сердцем и мыслями не похожих друг на друга». Рафика очень рано и не по любви была выдана замуж за Рауфа, с которым она несчастна. Она не желает терпеть измену мужа и возвращается с ребенком в дом отца, но при этом боится подать на развод. В итоге Рафика находит убеждения Сирета логичными и ради ребенка принимает решение остаться с Рауфом, хотя это не что иное, как материнское самопожертвование.

Антиподом Рауфа является его племянник Мансур, чуткий, внимательный молодой человек, изучавший в Европе химию, любящий музыку и литературу. У него много общего с Рафикой. Их общение на лоне природы, игра на скрипке и пианино не вызывают у Рауфа каких-либо подозрений, к тому же Мансур болен чахоткой. Однажды Мансур, понимая близость своей смерти, признается Рафике в любви, она жалеет и по-своему любит его.

Третий мужчина около Рафики – это сам рассказчик Сирет, читатель не знает, какое он получил образование, однако по мыслям и поступкам этого персонажа может предположить, что автор именно его устами озвучивает свои идеи. Питая платоническую любовь к Рафике, Сирет готов служить ей и поддержать в борьбе за семейный очаг.

Персонажи романа переживают внутренний конфликт и оказываются перед выбором: Рауф – между чувственностью и семьей, Рафика – между любовью к Мансуру и к сыну, Сирет – между любовью к Рафике и долгом, поскольку дал себе слово примирить супругов. Однажды ребенок – Раик, который является как бы связующим началом и имеет решающее значение

для семьи, убегает из дому из-за конфликта отца с матерью. Это происшествие отрезвляет Рауфа, он порывает отношения с любовницей и возвращается в семью. Рафика, сблизившаяся с Мансуром, с помощью Сирета освобождается от его влияния.

Писательница сосредоточена на анализе психологического конфликта, порожденного ситуацией выбора, перед которым оказывается Рафика: как мать она любит сына, но в то же время ее влечет к Мансуру, который преднамеренно вызывает в ней жалость к себе. Сирет, заметив это, предупреждает Рафику, и она принимает решение сохранить семью. Однако это дается ей нелегко и является результатом сложного эмоционально-мыслительного процесса. В финале романа семья уезжает в Эрзерум, куда по работе направляют Рауфа и куда вскоре приходит известие о смерти Мансура.

Используемые Халиде Эдип приемы аналитического объяснения психологических процессов и состояний выявляют особые качества человека, вновь и вновь оказывающегося в ситуации выбора, живущего в мире, где нет ничего предрешенного раз и навсегда, нет запрограммированного, неизменного хода бытия.

«Севийе Талип»

Этот роман был написан после поездки Халиде в Лондон, куда она отправилась, чтобы сравнить тогдашнюю Англию с Турцией в смысле обретения женщинами социальных прав. Как сообщают биографы, в это время ее сын Хасан болел тифом, и Халиде писала роман, сидя у изголовья больного ребенка. Роман сразу вышел отдельной книгой в 1910 г. в Бурсе – при помощи сына Зеки Салиха от первого брака Малика, с которым у Халиде были хорошие отношения. Любопытная деталь: в интервью А. Айде Халиде Эдип утверждает, что *«Севийе Талип»* был написан ею в 19 лет[111], этим она немного проясняет путаницу в определении года ее рождения.

В романе поднимается проблема культурного кризиса в умах турецких интеллектуалов начала XX века. Осознавшее неизбежность перемен, турецкое общество стояло перед выбором: какая из двух культур больше подходила ему – новая, основанная на местных традициях, или целиком скопированная с Запада. Подобными вопросами задавались и персонажи романов Халиде Эдип данного периода. Она не доверяла второму виду культуры, считая увлечение им поверхностным и шатким, и была больше сторонницей

преобразований отечественных традиций по примеру европейских стран. Для этого Халиде исследовала потенциал новой европейской реальности, определяя, что способно ужиться с турецким менталитетом – и, таким образом, пригодно для тюрко-мусульманского общества – и что может помочь созданию совершенно оригинальной, прогрессивной восточной культуры. Писательница считала, что это взыскуемое новое должно соответствовать разуму и нравственности и не слишком отдаляться от традиций.

Герой романа *«Севийе Талип»* Фахир, принявший ценности западного мира, ищет их соответствий в османском обществе, которое также взяло курс на обновление. Автор анализирует возможности нового и старого на примере трех женских персонажей: консервативной Маджиде, европеизированной Севийе и истинно западной Эвелин. Поиски нового акцентируют внимание читателя на проблеме взаимозависимости женщины и общества и как в зеркале отражают тогдашнее духовное состояние османского государства.

Фахир женится на своей родственнице Маджиде, воспитанной в традиционной системе ценностей и представлений, но, сколько бы под влиянием мужа ни пыталась она приобщиться к европейской культуре, ей никак не удается отстраниться от фанатичного мировоззрения своей матери, ставшей серьезным препятствием на пути дочери к иным жизненным ориентирам. Маджиде уверена, что «хорошая жена» должна быть безупречной хозяйкой, поддерживать чистоту и порядок в доме, тогда как Фахир желает видеть в ней понимающую его и разделяющую его взгляды и мечты подругу. Когда этот брак оказывается на волоске от разрыва, Фахир уезжает в Англию изучать философию и после объявления Машрутийта возвращается домой с большими надеждами на то, что в жизни турецких женщин произойдут существенные перемены. Ощущая собственную ответственность за процесс желанного обновления, он начинает со своей жены. При этом Фахир вполне учитывает национальные традиции и не является сторонником рабского подражания западным образцам. Супруги начинают жизнь словно бы сначала. Маджиде, освобождаясь от влияния матери, постепенно меняется и внешне, и внутренне, муж водит ее на вечеринки и собрания, где женщины не прячутся от мужчин. Наблюдая за одной Маджиде, Фахир как бы становится свидетелем болезненных состояний всего общества, сопутствующих борьбе старого с новым.

Во время одной из вечеринок Фахир встречается с женой своего друга детства Нумана – Севийе Талип. Беседуя с ней на политические, исторические, философские темы, он постепенно очаровывается ее умом. Фахир понимает, что Севийе и есть тот тип европеизированной турецкой женщины, который он искал. Осознав, что безнадежно влюбился в Севийе Талип, Фахир уезжает в Египет, однако это не спасает его от любви. И, хотя Фахир встречает там внешне очень похожую на Севийе и влюбленную в него Эвелин, та не может заменить ему Севийе, поэтому он возвращается в Стамбул. Севийе в это время развелась и вышла замуж за своего возлюбленного-иностранца. Фахир совершает безумный поступок: он силой овладевает Севийе. Психика его не выдерживает всех этих обстоятельств, и, приняв участие в так называемом «бунте 31 марта», он погибает.

В романе особый интерес вызывает Маджиде: она развивается и наверстывает упущенное: получает частные уроки музыки и иностранных языков, много читает, формирует собственные взгляды на насущные проблемы родины, нации, постоянно размышляет, творит, занимается воспитанием ребенка и, благодаря приложенным усилиям, в итоге становится той женщиной, о которой мечтал ее муж. Хотя роман назван именем Севийе, писательница именно на примере Маджиде показывает поэтапный процесс культурной эволюции турецкой женщины: болезненность освобождения от устаревших представлений, муки сомнений в поисках и постижении ранее неизвестного и, наконец, неутолимый интерес к новому. Как носительница консервативных традиций, Меджиде от начала до конца прошла все этапы преображения и сумела сформироваться как новая личность. В финале она предстает перед читателем образцовой женщиной, воспитывающей своего ребенка в русле прогрессивных идей, живо интересующейся проблемами страны, прекрасной матерью, верной и терпеливой женой, хорошей хозяйкой.

Севийе Талип, как цельный характер, представляет в романе женский идеал главного героя Фахира и самой писательницы. Севийе с малых лет выросла социально активной и получила хорошее образование, обладает собственными взглядами на политические и общественные вопросы, пытается исправить ошибку молодости, расторгнув несчастный брак с Нуманом. Ее любовь к учителю музыки Джемаль-бею и уход от мужа становятся предметом сплетен и пересудов, несмотря на это, она, не получив развода от мужа, начинает жить со своим возлюбленным без оформления

брака, ибо придерживается иного нравственного принципа: чем изменять мужу тайно, лучше открыто жить с любимым у всех на глазах. Такой смелый «феминизм» вызвал бурную реакцию публики. По мнению Селима Илери, эта сюжетная линия романа Халиде напоминает историю любви Анны Карениной и Вронского[112].

Фахир восхищается смелым поведением и волей Севийе, которая умеет бороться за свою любовь и счастье, убеждена в собственной правоте, восстает против отношения к женщине как исключительно к сексуальному объекту и обладает индивидуальным отношением к происходящему. Этот женский образ является очередным звеном в цепи размышлений Халиде Эдип об идеальном воплощении современной турчанки.

Любовь Фахира к Севийе символизирует его тяготение к европеизированной культуре. Он умирает, не добившись взаимности, но и не отказавшись от своей любви. Как ни привлекательна Эвелин, казалось бы, напрямую связанная с западной культурой и на первый взгляд манящая и обольстительная, но при близком знакомстве она оказывается чужой. Так Фахир понимает невозможность для себя полного вовлечения в культуру Запада.

Образ «новой женщины» повлек за собой серьезные изменения в эмоциональной тональности сочинений Халиде Эдип и типологии их героев. В турецком романе 1900-х гг. в целом наблюдается трансформация образа мужчины: вместо привычного сурового османского турка возникает «портрет влюбленного, беспомощно преклонившего колени перед женщиной»[113]. В этих романах мужчины эмоциональны ничуть не меньше женщин, вместо общественно-политических проблем их интересуют интимные, сокровенные чувства. Серпиль Санджар, сравнивая эти романы Халиде Эдип с современными «мыльными операми» (ТВ-сериалами), называет их искусственной «трансформацией мужественности в угоду соответствия женским стандартам» и считает, что «не было ни таких мужчин, ни таких женщин, ни таких влюбленных. Османский роман есть утопия любви и сексуальности османского интеллигента»[114].

Роман в письмах «Хандан»[115]

Жанр романа в письмах в турецкой литературе укрепился в XVIII в. Считается, что он был заимствован у европейской литературы и обрел популярность благодаря возможности самовыражения для женщин-романи-

сток. Со второй половины XIX в. увеличивается число турецких писательниц, прибегавших к этому приему для описания внутреннего состояния героинь. Таким образом пытаясь заставить общество услышать голоса современниц, писательницы-турчанки старались определить общественную роль женщины и пробудить ее к новой жизни. В эпистолярном романе поднимались проблемы образования, замужества, сексуальности и права женщин на труд. Например, книга «*Страницы жизни*» (*Levayih-i Hayat)* Фатьмы Алийе, состоящая из 11 посланий, содержит переписку пятерых женщин, связанных между собой родственными отношениями. Героини обсуждают вопросы семейной жизни, измены и верности, брака и развода, то есть женская проблема представлена в этом романе как совокупность мировоззренческих позиций каждого из персонажей.

Любопытно, что к эпистолярной форме писатели обычно обращаются на ранней стадии своего творчества. Вероятно, для начинающих авторов, у которых биографические элементы превалируют в прозе и, как правило, не позволяют отстраниться от создаваемого текста, это единственная возможность взглянуть на него как бы со стороны. Литературоведы также считают, что обращение писательниц к эпистолярному жанру помогает им обрести собственный стиль.

На роль повествователя и Фатьма Алийе, и Халиде Эдип выбирают мужчин; видимо, это дает им возможность в рамках существующего мужского дискурса и общественного уклада продвигать проблемы, связанные с образованием женщин и реформой брака. Они использует мужчину-рассказчика с его обычным кодом нравственности, что обусловливает приемлемость произведения в рамках существующей социальной структуры и дает возможность автору подвергать критике систему, представителем которой является их герой. Так воспринимающее сознание повествователя становится предметом изображения, критерием авторской оценки действительности и средством выражения авторской позиции. Образ повествователя раскрывается в разнообразных положениях и отношении к окружающим.

В «*Хандан*» Адывар открыто не ставит вопроса женского просвещения, на первом плане оказывается внутренний мир интеллектуальной женщины. Для этого, кроме автора-женщины и писем героинь, приводятся письма мужчин, которые порой разительно отличаются по мировоззрению, таким образом, роман обретает полифоническое звучание. В отличие

от романа Фатьмы Алийе, в «*Хандан*» письма и дневники дают возможность главной героине посмотреть на себя со стороны.

В романе переписка идет между влюбленными, супругами, близкими подругами и друзьями, с которыми герои делятся сокровенными тайнами. Всего писем 66: от Рефика Джемаля к Серверу 22 письма, от Сервера к Рефику 13 писем, от Рефика Джемаля к Нериман 3 письма, от Нериман к мужу Рефику Джемалю 5 писем, от Рефика Джемаля Джемаль-бею 3 письма, от Хандан к Нериман 3 письма, от Хандан к Хюсню-паше 10 писем, от Хюсню-паши к Хандан 3 письма, от доктора Ше к Рефику Джемалю 2 письма, от Джемаль-бея к Рефику Джемалю – письмо и телеграмма. Ко всему этому добавлены дневниковые записи Хандан. Если письма между друзьями искренни и правдивы, то в своих посланиях Нериман и Рефик Джемаль не так откровенны и скрывают истинные чувства героев.

В романе главенствует образ особенной женщины, отличной от типичных турецких дам: Хандан – одна из тех представительниц своего пола, которые выдвинулись в период упадка общественной системы, игнорирующей права женщин. Портрет героини возникает из переписки окружающих ее персонажей. Тон задает кузина Нериман, восхищающаяся умом и характером своей сестры. Нериман, Хандан и другие кузины вместе растут в большом доме Джемаль-бея. Среда, родная для Хандан, – семейный уют с царящей там теплой атмосферой и любовью к знаниям. Соседи говорят об этом семействе как об истинных аляфранга, ибо стиль его жизни устроен по европейскому образцу. Девочки в школе получили английское воспитание и прекрасно разговаривают на иностранном языке, чтение книг у них вошло в привычку, они любят искусство, сами играют на фортепьяно, увлекаются теннисом. Обручившийся с Нериман Рефик Джемаль в письме к Серверу так описывает досуг Хандан и ее кузин: «За домом находится ровное местечко, где расположена теннисная площадка. Три молодые девушки в коротких платьишках и платочках подкидывают друг другу мячики»[116]. Поскольку у этого письма есть дата – 1902 год, – можно смело считать, что такой образ жизни для турчанок в то время был не только вызывающе смелым, но и попросту диковинным.

Одна из этих девушек – Хандан. Она отличается от своих кузин тем, что, кроме тенниса, интересуется философией, социологией, литературой и обладает намного бóльшими способностями, чем они. Сестрам Хандан

нравится заниматься конкретными и привычными делами, легкими для усвоения. Но Хандан манят высокие идеалы и сложные темы, поэтому она получает уроки у Назыма, племянника одного из друзей семьи. Прогрессивно мыслящий реформист Назым не только обучает Хандан, но и воспитывает ее мировоззрение, посвящая во время занятий свою ученицу в собственные размышления. Сообразительная девушка не становится пассивным слушателем, а постоянно дискутирует с социалистом Назымом.

Хотя у Хандан длинные, темно-каштановые волосы и блестящие большие глаза, ее внешность не сразу привлекает внимание мужчин. Рефик Джемаль пишет: «Признаюсь, Нериман, твоя Хандан неожиданно сбивает человека с толку (…) Благовоспитанная, изящная, мудрая – все что угодно, но не красивая (…) Может быть, глаза красивые, как ты говорила, но я их не смог изучить, и они мне ничего не сказали»[117].

Несмотря на свою просвещенность и интеллигентность, Рефик Джемаль выражает общее для его времени мнение о таких женщинах, как Хандан: «Да, Хандан очень хорошая, вежливая, умная – однако не могу я назвать ее женщиной. Во время разговора или раздумья человек даже не мыслит, что она женщина»[118]. Такое суждение свидетельствует о том, что незаурядная, уверенная в себе, в своих знаниях, отличающаяся от других женщина в обществе – особенно мужском – воспринимается как какое-то необычное существо, лишенное пола. Хандан не похожа на типичных, привычных турецких женщин, потому что ею властвует желание быть свободной, то есть стать личностью, что для того времени было и необыкновенно, и весьма проблематично.

Однако вернемся к описанию героини, принадлежащему Рефику Джемалю: «В Хандан есть такая самоуверенность, такая непозволительная для девушки ее возраста ответственность за себя, что подобное самоощущение, с одной стороны, приводит в смятение, а с другой стороны, заставляет ее жалеть! Женщины должны быть хрупкими и постоянно находиться под надежной опекой, не так ли, Нериман?»[119]

Критическим моментом в жизни Хандан является история с Назымом. Молодой прогрессивный человек социалистических убеждений вызывает гнев султана Абдулхамида. С первой же встречи с Назымом Хандан чувствует, насколько велика разница между ней и этой яркой личностью, однако впоследствии преодолевает это чувство. Неброская красота, мудрость

и интеллект Хандан постепенно очаровывают Назыма, относившегося к ней, словно к младшей сестре. Но незаметно для себя он пленяется ее нездешним обаянием. Назым преподает Хандан философию, социологию, историю, они вместе музицируют, читают книги, спорят, катаются верхом на лошади. Назым во время занятий по социологии пытается привить Хандан собственные воззрения и социалистические идеалы, что не проходит не замеченным ею: «Что за странный человек! У меня появляется чувство, что он со всеми этими хлопотами желает взять меня за руку, за разум, за душу и довести до определенной точки. Не знаю, верно ли это? Каждый раз внутренний голос говорит мне: “Я тоже существую, живу, мыслю. Не все так, как говорит Назым”»[120].

Хандан присущ пытливый ум, постоянно анализирующий все услышанное, никаких доктрин и философских умозаключений она не принимает на веру – черта, характерная для творческого ума. Заметив, что Хандан разделяет не все общественные взгляды своего учителя, Нериман в письме к Рефику Джемалю пишет, что Назым иногда сердится на Хандан за отступление от намеченной им линии, заваливает ее книгами, подтверждающими его мысли, что спорам учителя с ученицей нет конца. Назым глубоко поражен неодолимым стремлением Хандан к знаниям и выяснению истины, он всем сердцем желает идти вместе с ней к своей цели. Когда Назым делает ей предложение, Хандан отвергает его, посчитав, что он женится не на ней, а на вымышленном им идеале. Она хочет, чтобы Назым любил ее реальную, такую, какая она есть, не идеализируя и не подгоняя под свой шаблон. Стремление к самовыражению приводит Хандан к тому, что она не желает оставаться под влиянием идей Назыма. Она настолько ценит свою независимость и свободу мысли, что ей непереносима перспектива сделаться «отражением», «тенью» Назыма. Кроме того, Хандан полагает, что Назым свои идеалы любит больше, чем ее, а такое положение ее категорически не устраивает. Отвергнутый Назым, пытающийся скрывать свое уныние, покидает особняк Джемаль-бея с тяжелым сердцем. Потерявшая покой после его ухода Хандан впадает в необъяснимую пустоту. Как раз в это время в особняке появляется бывший дипломат Хюсню-паша, осведомляющийся у хозяина дома: «Эта красавица тоже ваша, Джемаль-бей?», – что неожиданно до глубины души затрагивает страдающую Хандан. Если раньше она часто повторяла, что ей неприятен

«этот тип», то теперь лишь потому, что Хюсню-паша заинтересовался ею, Хандан обращает на него свое внимание. Однажды она признается Нериман в своей слабости: «Вы, красавицы, не можете понять, что чувствуем мы, дурнушки, когда нам говорят “красавица”»[121].

Внимание Хюсню-паши для опустошенной души Хандан – бальзам и исцеление. Она словно загипнотизирована мужчиной, посчитавшим ее такую, какая есть, прекрасной и увлекшимся ею. В письме к Нериман Хандан пишет: «На меня смотрит как на самую удивительную вещь на свете. Как только вошел в комнату, его грубоватое и сильное лицо сразу изменилось. Я почувствовала себя как укротительница льва, и стало очень приятно от этого. Это было ощущение моментального обладания опытнейшим человеком, который годами ездил по Европе, заставил трепетать всю свою семью и весь мир!»[122]

Эта иллюзия, основанная на желании «обладать» настоящим мужчиной, быть выше и сильнее его, приведет Хандан к несчастному браку. Поддавшись ложному желанию восполнить опустошенную уходом Назыма душу победой над другим мужчиной, Хандан совершает одну ошибку за другой. И страстное желание сохранить собственную свободу оборачивается против нее самой. Даже простодушная Нериман впервые не понимает Хандан, но не в силах повлиять на решение кузины выйти замуж за Хюсню-пашу. Заключенный второпях брак становится началом конца для Хандан. Переживавшая за происходящее Нериман через некоторое время получает известие о нервном срыве сестры. Знавшие и любившие Хандан люди видят, как она, несмотря на старания выглядеть счастливой, глубоко печальна – исхудавшая, погруженная в раздумья Хандан замыкается в себе.

Вскоре Назыма арестовывают за политические взгляды. Душевная травма, крушение мечты приводят его к самоубийству. В тюрьме в состоянии стресса Назым коричневую веревку принимает за косы Хандан и накидывает ее на свою шею. В предсмертном письме, адресованном Хандан, он так описывает свое состояние: «Почему ты подумала, что я любил свою цель больше тебя, Хандан? Она была тобой, ты была ею. Лицом моей цели, ради которой я мог согласиться гореть в огне, в муках разрывать на куски свое тело, была ты, Хандан. Почему ты отвернулась от меня?» Того, что Назым отождествлял ее со своими идеалами, Хандан не смогла понять, и эта ее ошибка привела их обоих к пропасти. Слабость Назыма,

обвинившего Хандан в своей гибели, стала причиной ее страданий на всю жизнь. Когда у Нериман и Рефика Джемаля появился сын, Хандан попросила назвать его Назымом, хотя бы этим пытаясь облегчить вину, терзающую ее душу.

Рефик Джемаль считает Хандан повинной в гибели Назыма; дескать, из-за собственного эгоизма она отвергла его чистые и высокие мечты, разрушила его жизнь. Рефик Джемаль питает к этой «страшной и кровавой женщине» отвращение, проклинает ее. В письме к своему другу Сервер у он объявляет: «Женщины – это бесконечная нервотрепка, одна ерунда, одна мишура!»

Хандан после произошедшей трагедии впадает в глубокий душевный кризис, на ее лице появляется выражение «вечной усталости и отвращения к жизни». Страдающей Хандан, проводящей без сна дни и ночи, доктора не могут найти лечения, поэтому Хюсню-паша увозит жену в Европу, где они остаются на длительное время. Падкий на развлечения Хюсню-паша изменяет Хандан с другими женщинами и даже не пытается скрыть это от нее. Хандан, хотя в душе ее бушуют бури, молча воспринимает похождения мужа и как бы соглашается с такой жизнью, пытаясь найти утешение в искусстве и поэзии. Потребность в любви и заботе не дает ей уйти от мужа, хотя тот сам предлагает ей отправиться к отцу. Странный брак из-за лицемерия и обмана Хюсню-паши постепенно близится к финалу. Уход Хюсню-паши из дома и сожительство с блондинкой-англичанкой Мауд окончательно добивает исходящую ревностью Хандан. Из-за тяжелого приступа менингита она совершенно теряет память.

Долгое лечение не дает результатов. Для Хандан уже не существует ни прошлого, ни будущего, она живет настоящим, словно новорожденное дитя. В эти тяжелые дни Рефик Джемаль и Нериман, взявшие ее к себе, ухаживают за ней, и, кажется, она идет на поправку, но память возвращается к страдалице тяжело. Сложный процесс выздоровления и состояние Хандан автор передает в виде ее коротких записей для себя в отдельной главе, ставшей одной из самых реалистичных и ярких в романе и потрясающей своей психологической глубиной.

Рефик Джемаль по совету докторов привозит Хандан на Сицилию. Перемена климата действует на больную благоприятно. Запах цветов, принесенных в комнату из сицилийского сада, напоминает Хандан дом

ее детства, память понемногу восстанавливается, и героиня начинает анализировать свое нынешнее состояние в свете прошлого. Рефик Джемаль, милосердно ухаживавший за ней, постепенно понимает, что попадает под влияние чар Хандан. Он долго пытается побороть себя, но тщетно: Хандан, описанная им вначале как хищница, как существо, не знающее, что такое сострадание, постепенно влюбляет его в себя и теперь видится ему ангелом – так некогда змий подтолкнул Адама к греху.

Хандан, во время болезни признававшая только Рефика Джемаля, после возвращения памяти понимает происходящее, но ничего не может поделать с обушившейся на нее бурной любвью. Дружба между ними переходит в страсть, которой невозможно противостоять. В письме к Серверу Рефик пишет: «Почувствовал, что именно я и мой облик дали ее душе покой и отдых»[123].

Болезнь и беспамятство Хандан можно трактовать двояко: во-первых, охарактеризованная в начале романа как «мужеподобная», сильная личность, наравне с мужчинами рассуждающая о различных предметах и этим раздражающая их, героиня превратилась в жалкую, зависимую и нуждающуюся в мужской помощи женщину. Во-вторых, из-за потери памяти Хандан становится такой чистой и невинной, что в романе как бы возрождается миф о пребывании в раю Адама и Евы. Рефик Джемаль пишет своему другу: «Знаешь, как-то я тебе говорил, что я нахожу любовь Адама и Евы самой великой? Теперь мы живем их жизнью до изгнания из рая. Она есть Ева, которая сотворена и существует для своего мужчины и не представляет ничего, кроме любви к нему, подчинения ему и нахождения защиты у него! Я же – Адам, которого она любит!» Этими словами Рефик Джемаль снова подтверждает свой патриархальный идеал женщины: податливой, покладистой, любящей, нуждающейся в помощи сильного спутника.

Если для турецкого мужчины наличие связи вне брака является нормальным явлением, то для Хандан это оборачивается тяжелым психологическим грузом, хотя в целом ее любовь остается платонической. В конце романа Рефик Джемаль боится ее морального «падения» и, как следствия, потери собственного уважения и любви к ней – характерно, что даже влюбленный мужчина воссоединение со своей возлюбленной, физическую близость с ней воспринимает как ее падение. Да и сама Хан-

дан постоянно занимается самоедством и самоуничижением, что приводит ее к гибели. Патриархальная мораль засела в ней еще глубже, чем в мужчинах. Она влюбилась в Рефика, находясь в беспамятстве, но в те моменты, когда к ней возвращается память, она чувствует себя низкой и грешной. Называя себя именем Иуды, предавшего Христа, она расширяет границы своего греха до невиданных размеров: «Я такое грязное пятно, отвратительный кусок мяса – ничего иного». Записи самой Хандан – проблески ее сознания.

Если Хандан обрисовывается, помимо Рефика Джемаля, еще Нериман, Сервером, Хюсню-пашой и собственными записями, то Нериман дана в описании ее мужа Рефика. В первый раз она представляется ему «белым ангелом в белом одеянии, с чистыми глазами, как тихая и благородная греза, как райская мечта». И в дальнейших письмах Рефик Джемаль продолжает утверждать свою привязанность к жене за ее простоту, покорность и искренность. Однако она настолько естественно принимает господство мужчин в обществе и семье, что даже получает удовольствие от этого. Нериман не интересны ни наука, ни философия, поскольку она не считает это женским делом. Рефик Джемаль, испытывая порой потребность нечто обсудить с женой и даже поспорить на разные темы, начинает постепенно осуждать ее за «безвольность». Нериман, понимая свою интеллектуальную несостоятельность, наивно признается, что ему отлично подошла бы роль мужа Хандан, ибо они прекрасно дополняют друг друга.

Любовный конфликт в романе реализуется скорее не в отношениях героев друг с другом, а в их столкновении с различными внутренними противоречиями, моральными, философскими убеждениями. Герои оказались в ситуации неразрешимого выбора между долгом и чувством, хотя само их отношение к объекту любви оставалось неизменным. Автору удается соединить обычные приемы эпического повествования с подробным психологическим анализом и лиричностью сюжета.

«*Хандан*» сложно назвать феминистским романом прежде всего потому, что здесь, как и в других ранних произведениях Халиде Эдип, повествователь – мужчина. Хотя эти романы написаны с целью демонстрации образа идеальной женщины, все же главный рассказ о событиях ведется не от ее имени. За этим приемом, возможно, кроется желание Халиде Эдип скрыть автобиографичность собственных произведений: знавшие

ее жизнь люди отождествляли писательницу с ее героиней, в Хюсню-паше узнавали Зеки Салиха, а в Назыме – учителя Рызу Тевфика…

К тому же рассказчик-мужчина в первых романах Халиде Эдип мог служить своеобразным «гарантом доверия» для патриархального читателя, привыкшего в повседневной жизни больше полагаться на мужчин, нежели на женщин, – такому повествователю легче было вызвать симпатию у традиционного читателя.

Современная турецкая писательница Айше Кулин в 2014 г. опубликовала свою версию романа «*Хандан*», где продолжила поиск ответа на поднятый в свое время Халиде Эдип вопрос о возможности счастья для одинокой женщины[124]. Кулин делает прямые отсылки к книге и к личности Адывар. Героиня носит имя Хандан, данное ей бабушкой после прочтения романа Халиде Эдип; да и ее судьба напоминает жизнь Хандан и Халиде: находясь в состоянии глубокого психологического кризиса, от одиночества доходя до умопомешательства, она перечитывает роман Халиде Эдип и делает выбор в пользу жизни.

«Последнее произведение»[125]

Этот роман был написан в период балканских войн, когда Халиде была сестрой милосердия, и опубликован в номерах за 1913 г. газеты *«Танин»*. Посвящен он одной из первых мусульманских турецких художниц Муфиде Кадри (1890–1912). Об этом Халиде Эдип пишет следующее: «Художница Муфиде, которой я посвятила “Последнее произведение”, была моей горячо любимой подругой, которая очень рано умерла. Роман, главной героиней которого является молодая девушка, был написан не столько с целью описания ее жизни, сколько ради сохранения ее имени»[126]. Д. Я. Челик, исследовавшая жизнь и творчество Муфиде Кадри, находит в романе довольно много биографического сходства между главной героиней и ее прототипом. Муфиде Кадри получила частные уроки от великого турецкого художника Османа Хамди-бея (1842–1910), позже высоко оценившего ее работы и содействовавшего организации выставок ее картин за рубежом, где она удостоилась наград. Уже в двадцать лет Муфиде-ханум была признана общественностью, однако ранняя смерть от туберкулеза прервала ее развитие как личности и как художницы. Героиня романа «*Последнее произведение*» Камуран обладает чертами характера, напоминаюшими

Муфиде Кадри: в ней сильно эмоциональное, интуитивное начало, почти не затронутое разрушительным влиянием рационализма и формирующее не только любовь к искусству, но и обостренную способность чувствовать нюансы отношений между людьми.

Сколько бы этого ни отрицала сама Халиде, исследователи склонны видеть в романе автобиографические моменты: сюжет книги напоминает отдельные эпизоды жизни самой Халиде[127]. Повествователь постоянно присутствует в тексте, глядя на реконструируемые события как бы со стороны и комментируя их. Происходит определенное слияние образа художницы и личности автора, Халиде Эдип наделяет Камуран/Муфиде собственными мыслями и чувствами, одновременно стремясь глубже проникнуть в ее внутренний мир и создавая динамичный образ одаренной личности, проходящей путь от юности к творческой и женской зрелости. В целом описываются последние пять лет жизни художницы, но в письмах и мемуарах делаются отсылки к ранним годам героини. Между Халиде и Муфиде есть много общего: обе в детстве остались без матери, изучали иностранные языки, учительствовали в женских учебных заведениях Стамбула, Муфиде давала частные уроки живописи дочери султана Абдулхамида II – Адиле Султан. Два мастера своего дела – талантливые женщины Халиде Эдип и Муфиде Кадри – почти одновременно пережили довольно сложный период: Халиде – измену Зеки Салиха и развод, а Муфиде – предложение замужества от своего коллеги, военного художника Сами Йетика, которое она вынуждена была отклонить из-за прогрессирующей болезни. Все это нашло своеобразное отображение в «*Последнем произведении*».

В роли рассказчика здесь снова выступает мужчина: дневник ведет известный писатель, автор романа «Крушение» Феридун Хикмет. Как известно, жанр дневника, используемый в художественном тексте, окрашивает повествование в лирические тона, поскольку все происходящее дается с точки зрения описывающего события персонажа. Из потока событий взгляд его выхватывает только те, которые имеют значение лично для него и непосредственно связаны с его переживаниями и реакциями. Например, описывая Камуран, Феридун пользуется субъективно-экспрессивными речевыми формами и не скрывает своего волнения. Заинтересованный, восторженный взгляд любящего человека улавливает

проявления прекрасного в своей избраннице и усиливает их эмоциональными, красочными определениями.

Возможно, Феридун является наиболее психологически разработанным мужским персонажем во всем творчестве Халиде Эдип. Благодаря дневнику читатель становится свидетелем внутренних противоречий, душевных терзаний и потаенных мыслей его автора. Мастерство Халиде Эдип проявляется в достоверности самовыражения ее героя-писателя: его надежд, поступков, в длинных, откровенных письмах к любимой. Литературный талант Феридуна Хикмета обнаруживается в интимных излияниях души – своего рода исповедях. Халиде Эдип, создавая образ автора дневника – писателя, взяла на себя две сложнейшие задачи: 1) от мужского имени думать и проговаривать/описывать сокровенные, недоступные постороннему взгляду переживания; 2) от лица опытного литератора рассуждать о проблемах писательского труда – например, о творческом застое или трудном поиске новых сюжетов. В начале своего дневника под заголовком «Для чего создается роман?» Феридун представляется 37-летним романистом, который, как ему кажется, исчерпал свои возможности и в рутине жизни более не находит источника вдохновения.

По существу, этот роман Халиде Эдип является неким продолжением рассказа «*Из дневника Феридуна Хикмета*», включенного в ее книгу «*Разрушенные храмы*» (1911). В нем описываются женитьба Феридуна на Медихе, последующее разочарование и крушение его надежд: Медиха оказалась совершенно заурядной особой, равнодушной к своему мужу, так что их семейная жизнь продолжается лишь ради детей. В «*Последнем произведении*» Медиха невольно отравляет жизнь и своего бывшего мужа Асыма, и его сестры Камуран – в итоге оба они глубоко разочаровываются в браке и дают друг другу слово не создавать собственных семей.

В первой части романа, состоящей лишь из дневниковых записей Феридуна, описаны личностные и профессиональные качества художницы Камуран. Вторая часть, содержащая переписку между Феридуном и Камуран, повествует об истории ее жизни. В последнюю часть включены газетные статьи и заметки, опубликованные после смерти художницы, – они наиболее полно знакомят с ее творчеством и посвящены его анализу. Используя различные жанры, автор стремится дать подробную биографию и разностороннюю характеристику художницы. Тем не менее нельзя с

уверенностью утверждать, что роман точно воспроизводит историю жизни Муфиде Кадри: Халиде Эдип вносит в жизнеописание своей героини детали и коллизии, которых, возможно, в реальности не существовало. Например, Камуран в начале романа изображается 25-летней девушкой, тогда как на самом деле Муфиде-ханум прожила на свете всего 22 года.

Сюжет романа основан на классической любовной истории: женатый мужчина увлечен молодой девушкой, которая отвечает ему взаимностью. Однако их воссоединение невозможно, что и влечет за собой драматичный финал. Феридун-бей со своей семьей – женой Медихой, сыном Шефкетом и дочерью Нериме – выезжает на летний отдых в Чамлыджа, где встречает художницу Камуран. Ее описанние в дневнике Феридуна Хикмета, по мнению Д. Челик, получилось довольно близким к «Автопортрету» Муфиде Кадри[128]. С первой же встречи Феридун-бей был глубоко поражен Камуран, хотя до того был наслышан о ней и не проявлял особенного интереса к родной сестре Асыма, бывшего мужа своей жены.

Феридун совершенно теряет голову при виде красивой, незаурядной девушки, и все прежние его предубеждения по отношению к ней – в основном связанные с ревностью к Асыму – мгновенно исчезают, а жена и дети отходят на второй план. Камуран, работавшая в жанре портрета, неожиданно предлагает написать Феридуна. Это чрезвычайно льстит ему, и он грезит о взаимном чувстве. Однако Камуран говорит, что хотела бы написать его портрет, потому что ей очень понравился роман «Крушение». В этой книге Феридуна Хикмета речь идет о женщине, которая рассорила двух братьев, сделав их обоих несчастными. В действительности прототипом героини была Медиха, из-за которой ее бывший муж Асым и его сестра Камуран решили никогда ни с кем не вступать в брак. Сама же Медиха, добившись любви Феридуна и выйдя за него замуж, начала заигрывать с его братом Ибрахимом и тем испортила отношения между братьями. Узнав об этом, Камуран даже решила отомстить Медихе, однако ангельский характер художницы не был создан для такого поступка, к тому же работа над портретом чрезвычайно сблизила их с Феридуном.

Камуран внешним видом напоминает Феридуну Мадонну. Образ целомудренной и страдающей богоматери вполне соотносится с недоступной и невинной Камуран/Муфиде. С каждой встречей Феридуну раскрываются новые привлекательные черты Камуран: она образованна

на западный манер, знает иностранные языки, умеет хранить свою честь и достоинство, держит слово – в общем, является образцом истинной добродетели и ума. В процессе работы над портретом и Камуран ближе узнает Феридуна. Однако картине не суждено быть законченной, и взаимное влечение героев романа тоже прекращается – Камуран заболевает и не в силах дальше писать.

Спустя некоторое время Камуран с Феридуном встречаются в Германии. По утрам вместе гуляют, вечерами на лодке катаются по озеру, но, желанная и любимая, Камуран так и остается для Феридуна непостижимой, недосягаемой Мадонной его воображения вроде романтических литературных героинь.

Из писем Камуран, помещенных во второй части романа, читатель узнает о давно возникшем ее интересе к Феридуну, которого за несколько лет до встречи в Чамлыджа она заметила в Германии. Асым служил дипломатом в разных странах, и сестра сопровождала его в поездках по Европе. В то время ей сделал предложение Джемаль-бей – турецкий военный атташе в Германии, – но Камуран ответила отказом.

И Феридун, и Камуран морально и физически наказаны за несвершившуюся любовь: получив известие о смерти дочери, Феридун спешно возвращается домой, а больная чахоткой Камуран умирает. Халиде Эдип, несмотря ни на что, «не позволяет» Феридуну Хикмету уйти от семьи, которая не разрушается даже после смерти дочери. Такой поворот сюжета, видимо, проецируют на героев романа собственные чувства и душевная боль писательницы, не говоря о ее убежденности в необходимости сохранения семьи ради благополучия детей.

Из окончания книги читатель узнает, что Феридуном Хикметом пишется роман «Последнее произведение», а после смерти Камуран найдена доселе неизвестная ее картина «Кактусы в лунном свете». Последняя часть книги Халиде Эдип, как уже было сказано, состоит из некрологов на смерть Камуран и заметок в прессе о последней ее картине «Уголок счастья», на которой изображена семейная идиллия – так несбывшаяся мечта обоих влюбленных осуществилась на холсте.

Любопытно, что мечты и грезы любви описываются женщиной, а боль и страдания от этого чувства достаются перу мужчины. Исследователи находят в этой особенности романа Халиде Эдип некоторое сход-

ство с произведением А. Мидхата, созданном им в соавторстве с Фатьмой Алийе «*Мечта и действительность*», где «Мечта» сочинена Алийе и подписана псевдонимом «Одна женщина», а «Действительность» принадлежит перу А. Мидхата[129].

«Новый Туран»[130]

Утопия «*Новый Туран*», впервые опубликованная на страницах газеты «*Танин*» в 1912 г., посвящена событиям, которые, возможно, произойдут через 20 лет.

Сюжет романа довольно прост: Хамди-паша, авторитетный член партии «Новых османов», дружит со своим соседом по кварталу Лютфи-бееем – рьяным защитником партии «Единение и прогресс», то есть «Новый Туран». Дочь Лютфи-бея – Самийе, – с малых лет оставшаяся без матери, постоянно присутствует при политических спорах между отцом и Хамди-беем – это серьезная и умная девочка.

На очередных выборах партия «Новый Туран» проигрывает своим оппонентам. С приходом к власти «Новых османов» Лютфи-бей и его дочь исчезают из поля зрения читателя, но в 1932 г. Самийе под именем Кайа появляется в составе активистов партии «Новый Туран». Оказывается также, что она не сидела без дела – после кончины отца взяла к себе тетю с сыном Огузом и открыла в Эрзеруме школу, где рассказывала детям об идее создания страны Новый Туран. Когда партию возглавил Огуз, ее деятельность усиливается: для женщин открываются различные мастерские и пятничные школы, в которых преподают Кайа и другие активистки, создаются общества помощи бедным семьям. Между главной героиней Кайа и самой Халиде Эдип обнаруживается разительное сходство: обе предстают как сильные, борющиеся за преобразование общества женщины, способные своим влиянием оказывать воздействие на окружающих.

Рост популярности туранцев среди населения начинает тревожить находящихся у власти «Новых османов». Министр внутренних дел Хамди-паша, желая остановить активную деятельность оппозиционной партии, арестовывает Огуза. За призывы к восстанию его могут приговорить к смертной казни. Влюбленная в Огуза, Кайа идет к старому знакомому отца Хамди-паше с просьбой освободить молодого человека. Хамди-паша, увидев выросшую красавицей дочь Лютфи-бея, ставит ей условие:

он освободит Огуза, если Кайа выйдет за него замуж. Ради любимого и спасения партии от поражения на выборах Кайа принимает это предложение и, связав свою судьбу с пожилым и ненавистным человеком, переживает глубочайший душевный кризис. О самопожертвовании Кайи знают только муж и его племянник – персонаж-повествователь в романе. Партия «Новый Туран» побеждает на выборах 1932 г. и снова обретает политическую силу, создается коалиционное правительство из членов двух партий, в котором Огуз занимает пост министра просвещения и внутренних дел. Новые туранцы стремятся реформировать в стране систему просвещения и экономику. Побежденный в политическом плане Хамди-паша срывает всю злость на своей жене, противится решениям и действиям Огуза в сфере освобождения и просвещения женщин. Партия «Новых османов» в качестве основы своей идеологии выбирает исламское единство. Во время одного политического выступления Огуза происходит покушение на него. Хамди-паша скрывает это событие от жены, когда же Кайа узнает о гибели Огуза, то, посчитав, что заключенный договор с Хамди-беем потерял смысл, покидает его. Так заканчивается четырехлетний несчастный брак.

В 1910-х гг. невозможно было представить, что когда-нибудь к власти придут люди, уверенные в способности женщины работать наравне с мужчинами. Трудолюбивая, верная своим идеалам, самоотверженная Кайа дана в романе как женский идеал национального движения. По мнению О. Тюркеша, Халиде Эдип в «*Новом Туране*» создала «аутентичный образ турчанки»[131].

Другой главный герой – Огуз – сильная и харизматичная личность, выступает в романе как бы символом высокой идеи. Он целиком предан своей политической цели, и потому в его жизни нет места личной жизни и любви.

Роман был написан в 1911 г., когда Халиде во второй раз поехала в Лондон. Она признавалась, что тогда находилась под влиянием идей З. Гёкальпа. Но были люди, считавшие, что на нее сильное воздействие произвел Йусуф Акчура. Обе эти личности нашли своеобразное отражение в романе, например, Огуз имеет много общего с Акчурой[132].

Роман не является националистическим произведением: в Новом Туране, по мнению автора, должны жить не только турки, но и арабы, и армяне, и греки, и другие народы, равные перед законом, а само государство должно основываться на демократии.

Халиде Эдип в «Новом Туране» ищет пути обновления и спасения турецкой нации. Поэтому здесь наряду с чувствами отдельно взятых персонажей поднимаются проблемы всей страны: образования, здоровья нации, нравственной деградации, отчуждения от национальных истоков. «*Новый Туран*», являясь идеологическим отражением политических и социальных событий того времени, выражает феминистские идеалы Халиде Эдип и создает образ новой турецкой женщины – самоотверженной, борющейся плечом к плечу с мужчинами за общие идеалы.

В 1913 г. на премьеру спектакля по роману «*Новый Туран*» в Тюркских Оджаках, в которой впервые участовала женщина – сама Халиде Эдип, – пришли выдающиеся люди тогдашнего времени –Энвер-паша и Талаат-паша[133].

«Обещанное решение»

Роман начал печататься в журнале «*Буйук меджмуа*» (1917), а отдельной книгой вышел в 1918 году. Основным конфликтом в нем стало столкновение пытающегося идти в ногу с изменяющимся миром человека с системой новых ценностей. Суть этой ситуации заключена в отчуждении личности от индивидуальных и социальных ценностей. Становясь равнодушным к самому себе и к общим нравственным принципам, превращаясь в жертву собственных страхов, человек заболевает и заражает этим недугом окружающих, что впоследствии оборачивается тотальной деградацией общества.

Хотя в литературе того времени было «модно» мотивировать гибель персонажей от чахотки/туберкулеза, Халиде не нравилось описывать подобную ситуацию. Ее героини, переживавшие глубокие психологические потрясения, были склонны к умопомешательству. На это в свое время обратила внимание советский турколог Л. О. Алькаева: «Следует отметить характерное для Халиде Эдип увлечение патологическими моментами. Так, героиня “Исполнения решения”[134] Сара наследует от матери предрасположенность к безумию. Сходит с ума Хандан от раздирающих ее душу противоречий. В хищного безумца превращается от безнадежной любви к замужней женщине-красавице герой романа “*Севийе Талиб*”»[135]. К мысли Л. О. Алькаевой о том, что «за всем этим крылось не только известное влияние французских натуралистов, но и явное стремление свести на землю традиционно романтическую трактовку любви»[136], можно добавить сооб-

ражение И. Чалышлар о том, что сифилис мог стать источником менингита, от которого умерла главная героиня одноименного романа Хандан, жена ловеласа Хюсню-паши[137].

Главный герой «*Обещанного решения*» – сердобольный доктор и гуманист Касым – похож на второго мужа самой писательницы Аднан-бея. Обоим тогда было по 36 лет, оба получили медицинское образование в Европе. Приехав из Германии, Касым в Стамбуле открывает свою лечебницу и за короткий срок приобретает большой авторитет в высшем обществе. Три раза в неделю он бесплатно лечит малоимущих пациентов. Среди знатных дам начинается своего рода борьба за сердце преуспевающего молодого доктора. Занимаясь лечением именитых мужчин, Касым знакомится с их женами и семейными проблемами. Особый интерес он проявляет к Сурури и Саре, когда-то поженившимся по взаимной любви, однако потерявшим покой из-за увлечения Сурури алкоголем и бездумного прожигания жизни. Несмотря на то что муж заразил ее венерической болезнью, Сара до самой его смерти не отказывается от него. Особняк Сурури, сына богатого паши, в некотором смысле символизирует расслоение турецкого общества, где жизнь богачей исполнена лени, распутства, алкоголизма и всевозможных болезней, а сами они из-за слепого следования своим страстям и прихотям наносят вред не только себе, но и будущим поколениям. Обыкновениям этой прослойки противопоставляются будни улицы Арабаджылар, населенной беднотой, изо всех сил цепляющейся за жизнь в бесконечной борьбе за существование. Лечебница доктора Касыма становится местом, где сталкиваются представители этих двух миров. Касым не делит людей на бедных и богатых и следит, чтобы ко всем пациентам его клиники относились одинаково.

Не имевший до того опыта общения с женщинами, Касым становится жертвой дамских козней. Он влюбляется в свою пациентку, вдову Сару, и, зная, чем та была больна, тем не менее женится на ней. Сара очень боится сойти с ума, поскольку от этого умерла ее мать, однако постепенно это проходит, Сара успокаивается и искренне любит Касыма. Она берет с него слово, что, если у нее начнутся такие мучения, как у покойного Сурури, Касым поможет ей умереть без страданий. До поры до времени семья живет благополучно и счастливо: Касым любит жену и ее дочь Атийе, тоже привязавшуюся к нему. Вскоре он уезжает в Эдирну для участия в Балканской войне. Воспользовавшись его отсутствием, Бехире, затаившая зависть к

благополучию сводной сестры Сары, замышляет коварный план. По возвращении Касыма она оговаривает Сару, сказав, что та изменяла ему с Хусейном Ками – его ассистентом и братом Сурури. Услышав это, доктор теряет самообладание, принимает за правду клевету и решает убить свою жену, как если бы она страдала от последствий сифилиса – и как он обещал ей в этом случае. В тот же день он вкалывает спящей Саре большую дозу морфия.

Касым Шинаси, «потушивший огонь жизни», на своем опыте узнает, как любовь и ревность ослепляют человека и приводят к трагедии.

Как и в предыдущих романах, в «*Обещанном решении*» с разных точек зрения исследуются женская психология и роль любви в жизни человека. Традиционный любовный треугольник на этот раз формируется вокруг мужчины. Бехире, одержимая телесной страстью к доктору Касыму, терпит поражение в силу его порядочности. Но с появлением в этой ситуации ее сестры Сары любовное чувство в душе Бехире превращается в злобу и жажду мести. Внимание Касыма к Саре объясняется тем, что та, несмотря на измену и побои Сурури, всей душой была привязана к нему и глубоко переживала его смерть. В отличие от завистливой и спесивой Бехире, Сара ставит свою любовь выше всего в жизни – недаром именно с ней Касым познает истинное счастье.

Любовь не только сближает, но, уязвленная ревностью, может обратить скрытую в душе человека таинственную силу к греху, к несчастью и даже к убийству.

Большое место в «*Обещанном решении*» занимают размышления о смерти, сопутствующие истории Сурури и Сары, а также персонажей второго плана: Хайри, сына Бехире, Ахмет-аги. Сара с детства боится смерти, в молодости этот страх у нее доходит до абсурда. Свидетельница мучительного ухода из жизни любимого мужа, она просит Касыма в случае необходимости избавить ее от таких страданий. Обещание, данное Саре доктором, освобождает ее от этого маниакального ужаса, но самого доктора приводит к преступлению – убийству невинной женщины.

Темы зависти и ревности тоже разносторонне разрабатывается в романе. Бехире эти качества генетически унаследовала от своей матери и с детства невзлюбила свою сводную сестру Сару. На фоне собственного неудачного брака благополучие и семейное счастье Сары отравляли завистью жизнь Бехире. Появление Касыма Шинаси и влечение к нему на вре-

мя отвлекли ее от ненависти к Саре, но выбор Касыма настолько затмил рассудок Бехире, что целью всей ее жизни сделалась месть. Характерно, что, обдумывая план мщения, Бехире делает ставку на то же чувство, которым одержима сама и которое она рассчитывает пробудить в Касыме Шинаси, – на ревность. Герой «*Обещанного решения*» Касым напоминает шекспировского Отелло. Поверив в мнимую измену Дездемоны, бывшей для него воплощением чистоты и искренности, он испытывает глубочайшее разочарование в женщинах вообще. Нетерпимое отношение к измене имеет и другую причину, кроме взрыва слепой ревности. Доктор Касым был венерологом и прекрасно знал, что супружеская измена ведет не только к распространению ужасных половых заболеваний, но и к нравственному разложению общества. Однако, сам того не подозревая, он тоже встает на путь предательства: вопреки главному своему профессиональному долгу – спасать людей от смерти – убивает свою жену.

«Огненная рубашка»[138]

Роман сначала печатался в 1922 г. в газете «*Икдам*» (Настойчивость), затем в 1923 г. вышел в виде книги и был перевен на несколько языков, а на английский – самим автором, надиктовавшим его Ведату Гюнйолу в 1950-е гг. Ведат-бей позже рассказывал, что в моменты описания военных действий Халиде Эдип замолкала и долго плакала[139]. Исследователи творчества писательницы считают, что желательно читать «*Огненную рубашку*» параллельно с «*Испытанием турка огнем*». В этом случае усиливается эмоциональное восприятие событий национально-освободительной войны, ибо между личными воспоминаниями Халиде Эдип и сюжетом книги заметна событийно-идеологическая связь, да и сама писательница, бывшая на войне медсестрой, узнаваема в героине романа Айше. В «*Огненной рубашке*» натуралистические картины военных действий перемежаются галлюцинациями раненого Пейами, что наверняка непосредственно связано с тяжелыми личными воспоминаниями автора.

Беззаботная жизнь аляфранга, типичного чиновника департамента иностранных дел, Пейами меняется после встречи с двоюродным братом Джемалем – офицером, участником Первой мировой войны. Общаясь с ним и с его другом Ихсаном, Пейами осознает, что за пределами его узкого личного мирка происходит национальное бедствие, о котором он и не ве-

дает. В это время из оккупированного Измира в Стамбул приезжает сестра Джемаля Айше, у которой муж и ребенок убиты греческими солдатами. В Айше столько самообладания, что со стороны невозможно заподозрить ее глубокой душевной раны. Она поражается неведенью высшего света, проживающего в районе Шишли, о происходящих в стране событиях.

Айше пытается пробудить патриотическое чувство в окружающих. В Стамбуле вокруг нее собираются люди разных взглядов и образа жизни, которым она помогает отрешиться от мелочной бытовой суеты и сообща отправиться в Измир. Во время митингов на Султанахмете Пейами видит «истинную Турцию» и вместе с Айше и майором Ихсаном уходит в Анатолию. Несмотря на травму руки, Айше лечит раненых в госпитале. Пейами и Ихсан тайно влюблены в Айше, ставшую символом Измира, противостоящего интервенции. Ихсан берет с Айше слово, что после освобождения Измира они поженятся. Но в битве под Сакарьей Джемаль, Айше и Ихсан погибают. Тяжело раненного Пейами отправляют в анкарский госпиталь, где он тоже умирает во время операции. Врачи считают, что, восстанавившаяся память о трагических событиях, пережитых их пациентом, сыграла роковую роль, усугубив последствия ранения в голову.

Между «*Огненной рубашкой*» и романом Якупа Кадри «*Чужой*» (1936) существует определенная близость. Оба стамбульских писателя приняли участие в борьбе в Анатолии и поддержали ее эмоциональный накал. В их обязанность входило освещение ситуации на фронте и в тылу как внутри страны, так и за ее пределами, чтобы направить в нужное русло общественное мнение. Оба литератора ответственно отнеслись к этому долгу и свое творчество того времени посвятили национально-освободительной войне.

Читатель наблюдает за психологическими изменениями, происходящими в Пейами, и переменой его душевных устремлений от личного к социально-патриотическому, от неприметной, серой жизни обычного чиновника к активному участию в общенародной борьбе. Пейами, двенадцать лет назад сбежавший в Европу, чтобы только не жениться на Айше, которую он счел недостойной себя – даже не удосужившись познакомиться с ней (его хотели женить по старому обычаю), – на поле боя влюбляется в нее, восхитившись ее смелостью.

Не каждая женщина в романе так идеализирована, как Айше. Например, мать Пейами является отрицательным персонажем. Родом из Измира,

она выросла в аристократической стамбульской семье и души не чаяла во всем аляфранга: в ее доме в Шишли постоянно проходили балы с представителями элиты, а обслуга набиралась обязательно из иностранцев. Эта женщина яростно поддерживала действия султана в оккупированном Стамбуле и ненавидела всех, кто был в оппозиции к англичанам. Не зря Айше находит сходство между этой особой и падишахом Вахдеддином, ставшим марионеткой в руках европейских держав. Мать проклинает своего сына за принятое им решение включиться в партизанское движение. Да и для Пейами нелегко даются трудности войны, ибо он не привык к походным будням армейской жизни, над чем нередко подшучивают его друзья. Так, Джемаль иронизирует по поводу невозможности для Пейами глажки брюк во время бомбардировки Стамбула; Айше говорит, что он идет в Измир, «словно перебирая пожелтевшие бумаги», а когда Пейами попадает в ловушку, он вовсе теряет сознание, словно кисейная барышня. Однако, если перед первым своим боем Пейами молился, прося избавления от страха, то потом он становится бойцом не хуже других.

Участию Пейами в национально-освободительной войне сопутствует его эволюция как личности, пробуждение его собственного «я»: некогда, «словно мебель в доме матери», он теперь становится думающей личностью, анализирующей все происходящее вокруг. Его чувство к Айше растворяется в любви к нации, защищающей свою независимость. Айше является причиной его духовных перемен. В глазах положительных героев романа идеалистка Айше, целиком посвятившая себя борьбе за свободу родины, есть тот идеал, к которому стремился каждый участник этой борьбы. Гордая убежденность Айше в правоте общего дела и воодушевление от любви к ней самой в романе приобретают поистине магическую силу воздействия.

В «*Огненной рубашке*» речь идет о двух типах любви – к женщине и к родине. Подобно тому как Айше завоевала любовь офицера Ихсана, партизана Ахмета Рыфкы и бывшего чиновника Пейами, так и родина сплотила разные слои общества на свою защиту. Воплощенная в образе Айше любовь обретает объединяющую, организующую, мотивирующую к активному действию энергию.

Третьим сильным героем романа является Ихсан, ставший для автора идеалом новой турецкой молодежи: образованной, прогрессивной, силь-

ной, активной. Рядом с ним в романе фигурирует его родственник Джемаль, также достигший личной и национальной идентичности.

«*Огненная рубашка*» в 1923 г. была экранизирована Мухсином Эртугрулом. Если раньше женские роли в кино исполнялись иностранными актрисами или представительницами нацменьшинств, то в этом фильме по настоянию Халиде Эдип в ролях турчанок снялись турецкие артистки Бедиа-ханум и Нейире Несир. В то время, когда даже посещение женщинами кинотеатров осуждалось обществом, участие мусульманок в создании фильма было большим достижением.

«Убейте блудницу!»

Впервые роман печатался на страницах газеты «*Акшам*» («Вечер») в 1923 г., а отдельной книгой вышел в 1926 г. Одно из значимых произведений Халиде Эдип, этот роман является своеобразным «литературным отражением» освободительной войны турецкого народа: турчанка – неисправимая идеалистка, работающая учительницей в анатолийском селении, под пером Халиде Эдип становится универсальным образом всего народа, сражающегося за независимость.

Все начинается с того, как Алийе по собственной воле отправляется преподавать в глубинку Анатолии. По ходу развития сюжета возникает противостояние героини фанатикам из местного населения: Хаджи Феттах-эфенди, Узун Хусейн-эфенди и пришедшему в село отряду греческой армии. Алийе – дочь героя-капитана, в Первую мировую войну отправленного из Йемена на Кавказ, с Кавказа – в Сирию и пропавшего без вести, мать Алийе умерла от туберкулеза. Захотевшая стать «лучом света» для анатолийских детей, Алийе напоминает персонажей Решата Нури Гюнтекина: Фериде из романа «*Королек – птичка певчая*» и Али Шахина из «*Зеленой ночи*», – однако, в отличие от них, за свое одиночество в провинциальном поселке и красоту она расплачивается жизнью.

События происходят на фоне столкновения Кува-и миллийе с иностранными войсками за освобождение Измира и его окрестностей. Население села разделилось на две части: одни поддерживают пока слабо организованные отряды народного ополчения партизанского типа, впоследствии войдущие в состав Кува-и миллийе, а другие, опираясь на османский султанат и шариат, выступают против национального движения[140].

Хаджи Феттах-эфенди во главе последних собирает народ на площади и призывает противостоять Кува-и миллийе, потому что якобы появление в селе партизан приведет к хаосу и разврату. В это время Алийе с группой детей проходит мимо площади с патриотической песней. Алийе чувствует опасность – фанатичная толпа может забить ее камнями, но избегает этой участи благодаря появлению команды ополченцев под руководством Тосун-бея.

Любовь и помолвка Алийе с командиром Кува-и миллийе Тосун-беем происходят на фоне борьбы за освобождение села от интервентов. Самоотверженность Алийе дает возможность Тосуну взорвать склад боеприпасов греческого отряда, в итоге вынужденного оставить свои позиции. По гнусному оговору Хаджи Феттах-эфенди и Узун Хусейн-эфенди народ линчует Алийе. После освобождения села от врагов эти двое будут повешены. Роман заканчивается тем, как тяжело раненный во время освобождения села Тосун-бей, чтобы вернуть честное имя любимой девушке, пишет письмо другу, где повторяет данную ею клятву.

Исследователи отмечают сходство главной героини романа с его автором: они примерно одного возраста – чуть больше 20 лет; обе лишились матери в раннем детстве, начали трудовую деятельность как учительницы. Халиде выступала на митингах с призывом к национально-освободительной борьбе, а Алийе научила своих учеников петь турецкие марши и патриотические песни и, веря в освобождение села от интервентов, заготовила для этого случая знамя.

В отличие от произведений первого периода («*Севийе Талип», «Хандан*»), где речь идет о положении женщины в семье и природе любви, романы времени национально-освободительной войны «*Огненная рубашка*» и «*Убейте блудницу!*» посвящены общественным вопросам, в них определено место женщины в борьбе за освобождение родины от интервентов. В «*Огненной рубашке*» главная героиня Айше отдает предпочтение независимости и благополучию родины, во имя этого отказавшись от личного счастья. В романе «*Убейте блудницу!*» Алийе не лишена женственности, не только благодаря своей сильной воле, но и физической красоте она имеет влияние на Тосун-бея, Узун Хусейна, Хаджи Феттах-эфенди и греческого офицера Димйаноса. Именно из-за красоты она объявлена Хаджи Феттах-эфенди источником «фитны» (смуты) и приговорена к смерти. Тем

не менее Айше и Алийе как образы «идеальных женщин» в творчестве Халиде Эдип порой оцениваются критикой как «асексуальные», хотя это определение не совсем соответствует им. Эти героини, посвятившие себя национально-освободительной борьбе, вынуждены подавить свою женственность, отодвигая личные чувства на второй план ради самопожертвования во благо великого дела.

В 1949 г. режиссер Лютфи Акад по роману «*Убейте блудницу!*» снял фильм, который побил рекорд по кассовым сборам. Затем последовали экранизации романа в 1964 и 1973 гг.

Книга могократно критиковалась «за проявление враждебных чувств по отношению к исламу», и главным аргументом в таком обвинении стал негативный образ Феттах-эфенди, который был ходжой – то есть религиозным наставником. Однако Халиде Эдип в нескольких местах романа подчеркивает, что проповеди Феттах-эфенди не свидетельствовали об истинной вере: «Алийе сначала почувствовала желание вслух проклинать все то, что представлял Хаджи Феттах-эфенди. Нет, религией было не то, что проповедовал непристойный Хаджи Феттах-эфенди. Религия – это символ бесконечного, светлого милосердия и сострадания. Это религия Пророка, просившего заступничества за свою умму, религия великого Мухаммада, ставшего покровителем своей общины. Хаджи Феттах-эфенди же был земным представителем дьявола, отправленного терзать людей, прикрывшись религией»[141].

Целью писательницы было не очернение религии, а защита женщины, достойного участника социальной жизни и национально-освободительной войны, от всякого рода нападок под видом религии. Якуп Кадри, Халиде Эдип, Мехмет Рауф и др. писатели проповедовали идею «особого пути развития» Турции, где национальное единение людей якобы стирает классовые различия, следует только поднять культурный уровень народа и провести модернизацию деревни. В данном случае критика была направленав против реакционных религиозных традиций.

«Боль сердечная»[142]

Роман печатался в весенне-летних номерах газеты «*Вакит*» за 1924 г. и тогда же вышел отдельной книгой. Он считается одним из последних сильных любовных произведений Халиде Эдип, которым она как бы завершала

этап творчества, начавшийся с «*Ужасной грезы*», продолженный в «*Севийе Талип*» и «*Последнем произведении*» и доведенный до наивысшего напряжения в «*Хандан*», где в центре внимания оказывались непривычные для того времени любовно-сексуальные отношения и описание страсти между мужчиной и женщиной. После романа «*Боль сердечная*» Халиде Эдип не проявляла особого интереса к сентиментальности и описанию тончайших особенностей любовного чувства, а обратилась к социальным проблемам, взявшись за создание панорамных картин из жизни страны.

Повествователем в романе является главная героиня Зейно (Зейнеп): назвав историю своей любви «болью сердечной», она рассказывает ее отцу – доктору Асым-бею. Двадцатипятилетняя девушка, получившая образование в немецком университете, Зейно напоминает сводную сестру писательницы – Махмуре, – ибо ее дедом по материнской линии тоже был курд (поэтому имя Зейнеп произносится как Зейно). В целом роман пронизан симпатией к курдскому народу и его обычаям. Зейно с ее идеалистическими воззрениями на мир представлена честной и порядочной девушкой, придерживающейся моральных ценностей и жертвующей своей любовью ради счастья близкой подруги. В начале истории она помолвлена с доктором Саффетом, а ее близкая подруга Азизе влюблена в своего кузена – офицера Хасана, – за которого мечтает выйти замуж. Азизе приглашает Хасана на свою виллу, где он знакомится с Зейно. Неожиданно между Зейно и Хасаном вспыхивают чувства, отчего в сердце девушки появляется неутихающая боль. Во время ежедневно устраиваемых охот Зейно и Хасан еще больше сближаются, и Хасан делает ей предложение, но, верная своей подруге, Зейно отказывает ему. Ревнивая Азизе, наблюдая их отношения, предлагает Хасану пожениться и, получив отказ, пытается утопиться, но ее спасают рыбаки. После этого случая Хасан жалеет Азизе, женится на ней, и они уезжают в Вену. Зейно страдает от разлуки с Хасаном и решает не выходить замуж за Саффета, которого она не любит. Раньше Саффет ей нравился своим умом и мировоззрением, схожим с ее взглядами на жизнь. Однако после знакомства с Хасаном она осознает себя совершенно новой личностью и понимает, что совместная жизнь не может основываться лишь на чистом рассудке, но что необходимы как минимум пылкие чувства и взаимное влечение. Она ценит доктора Саффета как верного, трудолюбивого, честного друга, но при этом знает, что с ним ее ожидает скучная,

монотонная жизнь. Встреча с Хасаном в корне меняет ее взгляд на любовь и семью. Хасан высвобождает в ней ранее подавленное чувство женственности, и она переживает сладостные муки влюбленности. Ее душа и тело требуют воссоединения с любящим ее мужчиной, но Зейно неспособна перешагнуть через счастье своей болезненной подруги.

Азизе присылает Зейно письма из Германии и сообщает о семейной идиллии, которая, однако, вскоре нарушается увлечением Хасана девушкой Дорой. Азизе заболевает на нервной почве, и вдруг врачи сообщают ей о беременности. Обрадованный этим известием Хасан полностью посвящает свое время Азизе. Однако врачи предупреждают пару о потенциальной опасности: состояние здоровья Азизе не позволяет ей рожать. Тем не менее Азизе решает выносить ребенка.

По делам службы Хасан возвращается в Стамбул и там видится с Зейно, которая собирается выходить за Мухсин-бея – друга своего отца. Хасан, узнав об этом, разочаровывается в Зейно. Мухсин-бей – бывший командир Хасана – вспоминает о похождениях Хасана во время службы на востоке и о том, как одна курдская женщина родила от него ребенка. Хасан возвращается в Вену, где появляется на свет его дочь Муаззез, но врачам не удается спасти жизнь Азизе.

В зрелом Мухсин-бее, знатоке культуры Востока и Запада, Зейно находит то, что искала: единство ума, любви и сердечности, то есть синтез лучших качеств Саффета и Хасана. Сама Зейно символизирует идеальный образ просвещенной и высоконравственной женщины, сумевшей усмирить в душе такие эгоистические чувства, как ревность, и отказаться от любви в пользу подруги. За это автор ее «награждает» успешным замужеством и освобождает от «боли в сердце». Опустошенную уходом Хасана душу Зейно мог заполнить только такой красивый и умный человек, как Миралай Мухсин-бей. «Кто знает, – размышляет Зейно, – может, жизнь с Хасаном была бы похожей на жаркие солнечные дни быстротечного лета. Жизнь же с Мухсин-беем – надежное, бесконечное, неутомляющее счастье»[143].

Мухсин-бей – интеллектуал, у него богатая библиотека, он увлечен литературой и искусством. Делая его идеальным турецким офицером, Халиде Эдип подчеркивает всестороннее развитие и лучшие этические принципы, присущие представителям турецкой армии.

«Сын Зейно»[144]

Этот роман как бы продолжает сюжет «*Боли сердечной*». Он публиковался в 1926–1927 гг. в газете «*Вакит*», а отдельным изданием вышел в 1928 г. От остальных романов Халиде Эдип эта книга отличается тем, что основные события его сюжета происходят в Дийарбакре, и описанием отношений персонажей с различными этносами. Автору удалось в этом произведении взглянуть на курдский вопрос с другой точки зрения, как бы изнутри проблемы, и эстетически обработать национальную идеологию. Из-за наличия несколько путающих читателя обстоятельств роман недостаточно изучен и не пользуется особой популярностью. Путаница прежде всего связана с именами героев, например, в романе присутствуют две Зейно, обе принадлежащие к курдскому народу: у Зейно из Стамбула мать, а у Зейно из Дийабакра оба родителя – курды. Внебрачного сына Зейно от Хасана мать назвала также Хасаном-Хасо. Роман охватывает первые годы строительства Республики и период вызревания курдского восстания (1925) в Восточной Анатолии.

В начале романа Зейно – героиня романа «*Боль сердечная*» – после пяти месяцев совместной счастливой жизни проводит в Стамбуле три месяца в одиночестве и тоске и теперь собирается в путь к своему мужу, полковнику Мухсин-бею, отправленному служить в Дийабакр. В дороге – по поручению Мухсин-бея – ее будет сопровождать майор Хасан, бывший когда-то ее возлюбленным. Хасан с дочерью Муаззез после смерти Азизе вернулся в Стамбул, где воспитанием девочки занимаются родственники жены.

По пути в Дийарбакр к Хасану и Зейно присоединяются пациенты доктора Асым-бея: жена и дочь подполковника Мазлум-бея – чрезмерно вестернизированная Местуре и строящая из себя интеллектуалку, самонадеянная Мазлума. Собираясь в дорогу, Зейно и Мазлума много общаются, и Зейно, узнав об интересе девушки к своему бывшему жениху Саффет-бею, решает свести их по приезде в Дийарбакр.

Далее повествование переносится в прошлое. Десять лет назад во время службы в Дийарбакре Хасан был увлечен курдской девушкой Зейно, которая убирала в их штабе. За красоту офицеры прозвали ее «курдским персиком». Зейно, которая была помолвлена с Сальманом, тем не менее влюбилась в Хасана и отказалась от своего жениха. Тот пытался отомстить Хасану, но Мухсин-бей воспрепятствовал этому и отправил Сальмана

в тюрьму. Хасан перевелся в другой батальон, не зная, что Зейно беременна от него. Мать Зейно, чтобы как-то спасти честь дочери, выдает ее замуж за Рамазана, жившего в одной из дальних деревень, и пытается убедить его в том, что ребенок Зейно от него. Но деспотичный и грубый Рамазан не верит, что родившийся раньше срока Хасо – его сын, и его сомнения усиливаются дошедшими до него слухами. Детство мальчика, совсем не похожего на Рамазана, проходит в побоях и мучениях. Как-то он побеждает на городских лошадиных скачках, и на него обращает внимание местный авторитет Шейх М., берущийся за его религиозное воспитание. Зейно с целью быть поближе к сыну перебирается снова в город и устраивается сторожем в поместье Шейха, куда забирает и свою престарелую мать.

Женщины из Стамбула благополучно пребывают в Дийарбакр. Не питавшая особенного расположения к этой поездке Местуре находит себе утешение в организации балов и вечеринок для офицеров. Местом для этих мероприятий она выбирает салон арендованного особняка Шейха, куда переселяется и Зейно из Стамбула. Там она дружит с Хасо и его матерью, а майор Хасан впервые видит своего сына. Так снова пересекаются пути Хасана с его курдской возлюбленной Зейно.

Во время бала-маскарада в особняке Мухсин-бею по телефону сообщают о подготовке восстания под руководством шейха Саида. Стамбульская Зейно после нескольких месяцев в Дийарбакре узнает о болезни отца, доктора Асым-бея, и вынуждена ехать к нему. До Аданы ее снова сопровождает Хасан-бей. По дороге они попадают в ловушку Рамазана, поклявшегося убить Хасана. В вооруженном столкновении Рамазан погибает, а Хасан ранен. Зейно беседует с Хасаном о Хасо и его матери.

События, произошедшие в Дийарбакре после отъезда Зейно, рассказаны читателю в письме от Мухсин-бея. Шейх М., используя девятилетнего Хасо, добывал информацию о военной части, что стало известно ее начальству. Кроме того, он готовит вооруженный мятеж, для подавления которого принимаются соответствующие меры. Мухсин-бей, узнав о том, что Хасо является сыном Хасана, встал на защиту мальчика и его матери против обвинения их в пособничестве мятежникам. Также он способствовал женитьбе майора Хасана на курдской Зейно. В финале счастливое семейство собирается в Стамбуле.

В романе «*Сын Зейно*» Халиде Эдип защищает межэтнические браки и смешение кровей различных народностей (в данном случае турок с курдами). Таким образом, будущее Турции писательница видит в слиянии разных национальностей. Хасо, чьим именем назван роман, за грех своих родителей, совершенный в молодости, с малых лет платит дорогую цену: он вынужден терпеть побои и издевательства Рамазана, а также косые взгляды и насмешки односельчан. Сверстники его не принимали, ибо он отличался от них своим «стамбульским» видом и, по словам автора, представлял «превосходный образец, вобравший в себя лучшие черты прекрасной курдской женщины и симпатичного турецкого мужчины»[145]. Действительно, Хасо явлен читателю одновременно как символ Анатолии по своему воспитанию и символ Стамбула – по физическим данным и манере держаться.

В попытках самоосознания наибольшую помощь Хасо оказывает дядя Шабан, забрав к себе выброшенного Рамазаном на улицу мальчика: именно он готовит Хасо к победе на конных скачках, чем способствует повышению его авторитета среди сверстников. Но своей победой Хасо привлекает внимание и темных сил: Шейх М. хочет взрастить в его юной душе семена ненависти к турецкой армии, представителем которой является отец ребенка – майор Хасан. Смерть Рамазана, встреча отца с сыном, признание Хасаном своего отцовства, воссоединение родителей препятствуют развитию ростков этой ненависти в душе мальчика.

В романе образ Хасо окружен ореолом невинности. Зейно из Стамбула любит его за чистое сердце и отличие от других, кроме того, Хасо восполняет пустоту, ощущаемую Зейно от отсутствия собственного ребенка. Этот мальчик своим присутствием как бы объединяет других персонажей романа.

В фигуре Рамазана, эксплуатирующего женщин и детей, Халиде Эдип воплощает образ тирании, разрушительную силу злобы. Первоначально этот персонаж тоже был назван Хасаном – Хасо Чавушем – и служил в армии в звании сержанта. Вместе с Сальманом – бывшим женихом Зейно – Хасо Чавуш готовил покушение на майора Хасана. Когда Сальман был арестован и осужден, а майор отправился в Чанаккале, красавица Зейно досталась ему. Женившись, он больше всего боялся своего друга Сальмана, поэтому скрывался в деревне К. и сменил имя на Рамазан.

Другим отрицательным героем является Шейх М., который, прикрываясь религией, разжигает вражду между народами и пытается исполь-

зовать даже детей в своих агрессивных целях. Восстание, произошедшее в финале романа, свидетельствует о мощном влиянии Шейха М. на местное население.

Изучив стиль двух романов («*Боль сердечная*» и «*Сын Зейно*»), И. Шахин[146] делает заключение о том, что Халиде Эдип оставалась равнодушна к популярным в то время литературным направлениям – имажинизму и импрессионизму. Она мыслит реалистично, оставляя мало места воображению, и ее авторский стиль накрепко связан с ее идеологическими воззрениями. Называя Халиде Эдип «романистом-мыслителем», исследователь справедливо утверждает, что писательница больше опирается на конкретные наблюдения и жизненный опыт, чем на воображение и вымысел, чем в определенной степени даже вредит художественной составляющей своих произведений.

* * *

В заглавиях четырех романов Халиде Эдип доминирует референтная интенция, при которой название произведения совпадает с собственными именами персонажей *(«Хандан», «Севийе Талип», «Мать Раика», «Сын Зейно»*). Правда, в двух последних случаях приводятся выражения, определяющие родственные отношения между главными героями (Рафика, Хасо), поскольку автору важно подчеркивать именно эти их ипостаси (мать, сын). Но это не меняет сути дела: заглавный персонаж романа является генератором особого драматического конфликта. Развитие действия, кульминация, драма этого типа конфликта напрямую связаны и с источником исходной ситуации, и с развязкой.

«Синекли баккал»[147] – квартал, открытый всему миру»[148]

Наиболее известный в истории турецкой литературы роман Халиде Эдип «*Синекли баккал*» исследователями оценивается как новый этап в творчестве писательницы. По утверждению Н. Бекироглу, «*Синекли баккал*» – самая переиздаваемая книга в Турции последних лет[149]: в 2016 г. эта книга вышла в 21-й раз. Первоначально написанный на английском языке, в 1935 г. роман назывался «*The Shadow Play*» («*Театр теней»*), но был издан в Лондоне под названием «*The Clown and His Daughter*» («*Шут и его дочь»*). Турецкий вариант в том же году печатался в газете «*Хабер*» («Из-

вестия») и как книга увидел свет в 1936 г. После присуждения в 1942 г. премии Республиканской Народной партии интерес к роману возрос еще больше, и он был переведен на многие языки мира.

На примере одного квартала Стамбула в романе создается панорама эпохи султана Абдулхамида II. Синекли баккал – одно из отдаленных мест столицы Османской империи – отличается от традиционных кварталов тем, что там проживают люди разных сословий, различной национальной и культурной идентичности. Синекли баккал, словно малая капля, отражает в себе всю социальную жизнь Стамбула, со всеми ее радостями и горестями, и шире – жизнь всей Османской империи.

Сюжет романа вкратце таков: Эмине – единственная дочь имама квартала Синекли баккал района Аксарай. Ее мать умерла в молодости, а отец – Хаджи Ильхами-эфенди – больше не женился, посвятив себя воспитанию дочери. В округе имам известен своей фанатичностью и суровым характером. В 17 лет Эмине влюбилась в артиста по имени Кыз-Тевфик, талантливо исполнявшего женские роли в уличном театре «Карагёз». Тевфик был так же, как она, одинок и не имел ничего, кроме бакалейной лавочки под названием «Синекли баккал». Эмине против воли отца выходит замуж за Тевфика. Первый год совместной жизни для них проходит счастливо, однако Тефвику не нравится работать в лавке, его тянет к театру, тогда торговлю берет в свои руки Эмине и начинает руководить мужем. Однажды она видит, как в уличном представлении Тефвик изображает ее, смешно подражая ее манерам[150]. Обидевшись, Эмине уходит от мужа и возвращается в дом отца. Вскоре она узнает о своей беременности и под давлением отца подает на развод. Имам пишет донос на Тефвика, которого отправляют в ссылку. Появившаяся на свет девочка Рабиа растет в религиозной семье, дед лично занимается ее обучением: в юном возрасте она учит наизусть Коран и мавлиды. Однажды в мечети Рабиа знакомится с Сабиха-ханум, женой министра Селим-паши, которая приглашает ее в свой дом для чтения Корана. Здесь впервые девочка видит отличную от Синекли баккал жизнь: члены семьи Селим-паши, разделившись на два лагеря, придерживаются воззрений и манер алятурка и аляфранга. С помощью Селим-паши Рабиа получает уроки музыки, арабского и персидского языков у мевлевийского шейха Вехби-деде, часто посещающего дом министра. Читая в мечетях и частных домах Коран и мавлиды, подросшая

Рабиа становится известной в Стамбуле. Итальянский пианист Перегрини – один из друзей сына министра Хильми, – услышав красивый голос Рабии, восхищается ею. Музыкальные предпочтения и социальные взгляды Рабии постепенно меняются. В один из дней из ссылки возвращается отец девушки, и она переселяется к нему, Тевфик вновь открывает свою заброшенную лавку «Синекли баккал», в чем ему помогает дочь. Спустя некоторое время умирает Эмине-ханум, а Тевфик заболевает тифом.

Среди младотурков, восставших против власти, был и Хильми, сын министра Селима. По его просьбе Тевфик, переодевшись в женское платье, идет на французскую почту взять революционные газеты, тайно доставленные из Европы. Его арестовывают и снова отправляют в ссылку в Сирию. Рабиа с другом отца по театру, карликом Ракымом, торгует в лавке и зарабатывает на жизнь чтением наизусть Корана. Перегрини, приняв ислам и имя Осман, женится на Рабии. После смерти деда и матери Рабиа с мужем переселяются в их дом. Селим-паша разочаровывается в султане и уходит в отставку. Беременной Рабии врачи сообщают об опасности родов для ее здоровья, но она не отказывается от ребенка, и у нее рождается сын Реджеп. После объявления Конституции в 1908 г. Тевфик попадает под амнистию и возвращается в Стамбул.

Пропаганда идеи синтеза Востока и Запада в турецком обществе в этом романе Халиде Эдип имеет конкретные очертания. Идеальная героиня книги Рабиа восточный образ жизни ценит выше западного. Для нее мавлид – вершина человеческого творчества. Однако она достигает совершенства в чтении мавлида под музыку, испытавшую в том числе и западное влияние.

Именно восточный образ жизни превозносится и в образе Вехби-деде, который идеален не только своим гуманизмом, но и религиозным самосознанием. Суфийский шейх, он сумел объединить людей разных культур, порой полярных друг другу жизненных позиций. Представитель западной культуры Перегрини, реформатор Хильми, Рабиа восхищаются духовностью Вехби-деде, сочетающей в себе мистические элементы Востока. Гармоничными отношениями с людьми и с собой Вехби-деде вызывает доверие так же, как своей внешностью и спокойной речью. Он обладает богатым внутренним миром, пониманием людей разных положений и возрастов. В самых сложных ситуациях люди приходят к нему за советом и

уходят от него, обретя силы стать выше собственных интересов. Очень скромный человек, Вехби-деде одинаково вхож как в богатые виллы, так и в ветхие дома квартала Синекли баккал, ибо для него единственной ценностью является сам человек.

Халиде Эдип, создавая образ мевлевийского шейха Вехби-деде, безусловно, оживляла детские воспоминания, связанные с бабушкой по материнской линии Накийе-ханум и другими родственниками, состоявшими в мевлевийском тарикате. Именно в этих людях, довольных тем, что имеют, не гоняющихся за тщетными благами мира, Рабиа видит пример для подражания. Ценившая роль религии в создании внутреннего мира человека, Халиде Эдип выражает большую симпатию к мевлеви.

Синекли баккал – по внешнему виду типичный квартал старого Стамбула: двухэтажные деревянные дома, не крашенные как минимум два десятка лет; ветхие крыши, словно наваливающиеся друга на друга старинные карнизы, всегда прохладная и сумрачная пешеходная часть… Местное население здесь, как и в любом другом квартале города, собирается, чтобы обсуждать новости, беседовать, спорить, ссориться, веселиться. Дети играют и резвятся. Во время Рамазана театрами «Карагёз» и «Ортаоюну» устраиваются представления, темой которых становятся бытовые проблемы. Узкие улицы квартала, на которых жители встречаются другом с другом лицом к лицу, способствуют развитию социальных отношений. Выросшая здесь Рабиа впитала в себя этот дух общности. Характер девушки, несмотря на открытость к новшествам, сформирован главными элементами народной культуры, от которой не может отпасть. В глазах Рабиа улица является «милым, оригинальным, естественным и гуманным материком». Хотя Рабиа вела довольно замкнутый образ жизни, Синекли баккал для нее был тем единственным местом, где она обретала душевное спокойствие.

Нравственная эволюция героини романа проявляется в развитии в ней «личностного начала»: долгое время оно растворялось во всеобщем (народном, национальном), а в конце романа «вбирает» в себя эпоху, время, культуру. Переход от индивидуального обособления к сопряжению с целым, к пониманию потребностей народно-национальной жизни предстает как долгий, исполненный обретений и разочарований процесс.

Анализ произведений Халиде Эдип показывает, что образы иностранцев, таких как итальянец Перегрини, не соотносятся с привычным пред-

ставлением об иноземце как о «чужом», которого нужного противопоставлять «своему», чтобы рассуждать о чертах национального характера. Негативную оценку автора вызывает человек с ложной системой ценностей (а таковым может оказаться представитель любой национальности). С одной стороны, Халиде Эдип, изображая реалии национального быта и культурные традиции, дает богатый материал для размышлений над проблемой национального. С другой стороны, образ «другого» порой отсылает читателя к стереотипу. Герой-иностранец не является самоцелью для писательницы, но необходим ей для характеристики сознания воспринимающего персонажа. Поэтому в романе заметно взаимодействие разных ценностных систем, а не простое противопоставление культур. На первый план у автора выходит не то, что разделяет и, следовательно, создает национальный колорит, а напротив, то, что сближает разные культуры.

Писательница знакомит читателя и с имамом местного прихода-махалле Хаджи Ильхами-эфенди, дедом Рабии. В начале романа Халиде Эдип создает портрет этого персонажа при помощи таких сравнений, как «торчащие, словно иголки ежа, толстые брови», «два черных, как уголь, и острых, как сверло, маленьких глаза», «длинный лисий нос», «короткий рост, немощное тело», «громкий, зычный голос». Таким образом у читателя формируется негативное отношение к этому персонажу, не меняющееся на протяжении всего романа. Своим присутствием имам причиняет людям беспокойство, нарушает их покой. В лице этого отрицательного героя критикуется не столько само духовенство, сколько «проблемное понимание религии», которое заключается в ошибочном подходе отдельных его адептов к вере с позиции «греха и наказания». По мнению Ильхами-эфенди, люди родились на этот свет лишь для прохождения испытаний, бренный мир – место для подготовки к вечной жизни в мире потустороннем, поэтому в земной жизни нет места для смеха, развлечения и даже для ежедневных радостей. Имам категоричен в своих суждениях: «В этой жизни для человека существуют только два пути: один ведет в рай, другой – в ад», за малейшиеие проступки он готов отправить всех в ад, который описывает с особым пристрастием к его ужасам. Он жестко критикует всех, даже свою воспитанницу-внучку, за привязанность к этому погрязшему в грехах миру, при любом случае выказывает свою ненависть к развлечениям и любой радости. Собственная жизнь Хаджи Ильхами-эфенди проходит

нудно и одиноко, и от прихожан он требует того же. При этом у него всего две потребности в жизни: соблюдение религиозных предписаний и… получение денег.

В романе «*Убейте блудницу!*» Халиде Эдип отрицательному герою Хаджи Феттах-эфенди противопоставляет образ стамбульского мевлевийского шейха-деде, случайно попавшего в селение, где работала Айше, и прочитавшего мавлид в мечети. Этот образ, оставшийся в романе не раскрытым, находит своеобразное развитие в турецком варианте «*Синекли баккал*» в образе Вехби-деде, выступающего по отношению к имаму Ильхами-эфенди как «альтернативный религиозный деятель»[151]. Автор описывает Вехби-деде красивым, просветленным и внешне, и внутренне, снисходительным и добрым. Перегрини, впервые увидев Вехби-деде во время совершения намаза, именно благодаря влиянию его личности приходит в ислам. По мнению Г. Йаваш, Халиде Эдип в этом романе фанатичному и прямолинейному представителю ортодоксального ислама противопоставляет толерантного, человеколюбивого, гетеродоксального (суфийского) истинного мусульманина с глубоким мировоззрением[152]. Возможно, поступая таким образом, писательница преследовала две цели: в лице Вехби-деде изобразить свою мечту об идеальном религиозном деятеле и высказать такое понимание религии, которое должно быть донесено до общества людьми вроде Вехби-деде.

«Татарочка»[153]

Впервые роман был опубликован в 1938–1939 гг. в журнале «*Йедигюн*» и в 1939 г. вышел отдельной книгой.

События ее происходят на Босфоре, в деревне Пойраз[154] на берегу Черного моря. Поселение это почти заброшено, а ведь когда-то жизнь в нем била ключом, и здесь росли умные ребята, поступавшие в университеты. Теперь же здесь живут бедные ремесленники, лавочники, несколько чиновников в отставке и старые софты. Главная героиня, Татарочка, получила свое прозвище по национальности отца – капитана Османа. Он сыграл важную роль в освобождении Анатолии от интервентов, позже женился на черкешенке, и от этого брака родилась Лале-Татарочка. Осман-бей прекрасно владел английским языком и имел строгие правила. Куда бы он ни приходил, везде наводил порядок и вводил новшества. Жители села недолюбливали его за честность и требование ее от других. Однаж-

ды Лале пришла в чайхану и объявила сидящим там мужчинам о смерти своего отца. Люди организовали его похороны, выражая сожаления, что недолюбливали Османа.

Татарочкой стали называть Лале после смерти отца, ибо она и внешне, и поведением напоминала его, да и морское дело знала не хуже мужчин. Лале отличалась от своих сверстниц стремлением к учебе. Многие считали ее чудачкой, поскольку она не придерживалась моды и не обращала внимания на внешний вид. Как и отец, Татарочка знала английский и занималась обучением детей. Девушки ее возраста втайне завидовали ей: как-то, придя на их посиделки, Лале стала объектом внимания молодого красавца, после чего сверстницы больше не приглашали ее на такие собрания.

Восемнадцатилетняя Лале окончила с отличием женский лицей и начала преподавать там, благодаря чему их с матерью материальное положение улучшилось, что было важно, поскольку со смертью отца они лишились его пенсии. После занятий в лицее Лале сама отремонтировала дом, давала частные уроки, делала переводы, пасла коз.

В деревне стоял чудесный кубообразный дом одного богатого приезжего человека по имени Сунгур Балта, который был участником национально-освободительной войны, потом депутатом Национального собрания и любил похвастаться своим прошлым. Услышав, что Лале хорошо владеет английским языком, он предложил ей работать у него секретаршей. Недалекий Сунгур Балта сожалел, что девушка учительствует, и пообещал найти ей более достойное место. Но Лале сказала в ответ: «Я не могу быть ничьим личным секретарем, я – учитель!» Она решила посвятить себя просвещению и цивилизованному устройству села, начав с обучения односельчан хождению по краю улицы, чтобы не мешать проезду велосипедов, мотоциклетов и машин. Автором верно схвачена установка нового поколения эмансипированных женщин первой четверти XX в. на утверждение себя как личности, достойной уважения не за внешние данные, а за профессионализм и знания. Это нередко приводило в ярость мужчин, воспринимавших такую самооценку как покушение на мужское превосходство. Татарочка-Лале, протестующая против устаревших традиций и пропагандирующая цивилизационные порядки Запада, имеет черты женского идеала Халиде Эдип, который, по мнению Н. Бекироглу, основан именно на синтезе Запада и Востока и который можно описать

следующим образом: «Женщина, которая сочетает в себе восточное милосердие и любовь с западной уверенностью в себе, которая не потеряла своей личности и заняла собственное место в общественной жизни»[155]. Лале, как и многие другие героини Халиде Эдип, имеет склонность обучать и воспитывать, понимает значение образования для будущего общества – одним словом, она одна из тех, кто призван взрастить для Турции поколение новых людей.

Основные события романа развиваются вокруг семерых молодых людей, появившихся в окрестностях села и разбивших там небольшой палаточный лагерь. Они прошли армейскую службу, некоторые из них учатся в университете или уже закончили его. Салим – выпускник философского отделения Сорбонны, Реджеп после окончания Роберт-колледжа учится на юридическом факультете Кембриджского университета. Хасан учится на медицинском факультете, атеист Сафа – студент юридического факультета. Хашим, Ахмет и Шинаси обучаются в знаменитом Галатасарайском лицее.

Халиде Эдип желает видеть таких молодых людей, получивших высшее образование, на службе народу и в деле создания культурного общества новой Турции и потому критикует бюрократизм, свойственный правительству. Философ Салим, например, чтобы прокормиться, вынужден заниматься преподаванием французского языка, ибо не может получить место доцента в университете из-за отказа Министерства просвещения признавать иностранные дипломы, пусть даже знаменитой Сорбонны.

Каждый из семерых юношей в романе дан с индивидуальным характером и видением мира. Здесь Халиде Эдип делает отсылки к своим предыдущим романам: самый молодой из всех – Хасан, которого зовут Хасо, – не кто иной, как «сын Зейно», Реджеп – сын Рабии и Перегрини из «*Синекли баккал*».

Молодые люди полемизируют о роли женщины в семье и обществе, о значении религии. Хашим выступает как ярый сторонник сохранения таких женских качеств, как кротость и смирение. Как противник женской независимости и свободы, он защищает традиционную патриархатную мораль, требующую от женщины быть «функционально полезной» в быту мужчины. Ему противны «интеллектуалки», которые, овладевая мужскими ролями и функциями, конкурируют с мужчинами, поскольку, по его мнению, снижают социальный статус сильного пола. По этим причинам

он не может найти общего языка с Татарочкой и старается держать своих товарищей подальше от нее. Мускулистый и крепкий (но не дружащий с книгами) Хашим отличается от своих друзей представительной внешностью, благодаря чему завоевывает авторитет среди сельской ребятни. Внук многоженца Феридун-паши – Хашим, встретившись с такой сильной и уверенной в себе девушкой, как Татарочка, боится потерять свой престиж, вследствие чего озлобляется по отношению к ней.

Выросший в семье аляфранга, сын высшего военного судьи Шинаси – самый богатый в семерке. В его лице Халиде Эдип описывает далекого от национальных ценностей человека нового поколения.

Реджеп символизирует прогрессивный идеал молодежи республиканской Турции. По желанию матери он закончил Роберт-колледж и высшее образование получает в Кембридже. У него твердый характер, он любит людей и старается помогать им. Понимая, что деньги – главная причина разделения людей, Реджеп хочет стать «адвокатом бедных». В общем, Татарочка идеально подходит ему, и он решает жениться на ней. Поддержав ее цивилизационный проект, он выступает идеалистом нового поколения, стремящегося перенести ценности прошлого в будущее.

Тесное общение жителей села с этими молодыми людьми происходит во время празднования дня рождения жены Сунгур-бея в «Кубик-паласе». На этой вечеринке определяются взаимные симпатии, происходит обмен планами по созданию семьи, и появляется сразу несколько обрученных пар: Хашим и Зехра, Реджеп и Лале, Сафа и Саффет, Шинаси и Дюрдане.

«Преступление в Йолпаласе»[156]

Этот роман был закончен в 1936 г. в Париже и публиковался в номерах журнала «*Йедигюн*» за 1936–1937 гг. Отдельной книгой он вышел в 1937 г. и читателям был представлен как «реалистичный роман». Некоторые исследователи считают, что Халиде Эдип, создав это произведение, вошла в историю турецкой литературы как первая женщина – автор детективного романа[157]. Надо полагать, что к творчеству в этом жанре Халиде подтолкнуло ее увлечение подобной литературой, особенно произведениями Агаты Кристи.

Действие книги начинается с судебного разбирательства преступления, которое произошло в начале XX в. в одном из особняков стамбульского района Шишли. Здесь Адывар удается талантливо описать не толь-

ко Стамбул того времени, но и воззрения интеллигентов, проживавших в Шишли, – например, на положение дел в Турции и вообще в Европе, а также на обострившиеся отношения между сословиями.

Особняк Йолпалас принадлежит подрядчику Мурат-бею, занимающемуся строительством дорог и нажившему своим умом, трудом и способностями, как пытается убедить читателя автор, многомиллионый капитал. Однако по словам и поступкам Мурат-бея становится ясно, что деньги его являются результатом чрезмерной эксплуатации рабочих и страсти к наживе. Его жена Саджида – обычная провинциалка, детство которой прошло в заботе о младших сестрах в четырех стенах родного дома, поскольку отец почти не выпускал ее. Как-то подруги нарядили и вывели ее в город, и это стало началом счастья девушки: Мурат-бей приметил ее и через две недели посватался. Так ютившаяся в темной хибарке Саджида в мгновение ока превратилась в хозяйку Йолпаласа. Изображая эту героиню и ее отца, автор точно подмечает перемены в психологии внезапно разбогатевших людей – в том числе их бахвальство и неуместные поступки. Агях-эфенди – отец Саджиды – старый чиновник в отставке, он религиозен и старался воспитать дочь в строгих правилах. Однако, чудом разбогатев благодаря удачному замужеству дочери, он мгновенно отрекся от своих прежних призывов к отказу от излишеств, переселился к молодоженам и, несмотря на унижения, готов был все стерпеть, лишь бы не покидать Йолпаласа, который казался ему лучше рая. Прежде ходивший в старой, заштопанной одежде, Агях-эфенди облачился в дорогие костюмы и «вместе с одеждой поменял взгляды на мир». Понимая характер и привычки отца, дочь не дала ему войти в элитный мир, к которому теперь принадлежала сама, ограничив его полномочия в особняке местом управляющего. Более того, она настояла, чтобы домашние называли его не «отцом», а исключительно «управляющим Агях-эфенди», как обычного нанятого работника, получающего зарплату. Сестры, в душе завидуя свалившемуся с неба счастью Саджиде, жили при ней в ожидании своих миллионеров вроде Мурат-бея. Единственной, кто не перебрался к Саджиде и отказался есть ее хлеб, оказалась мать Шюкрийе-ханум. Она так обиделась на предложение дочери стать прислугой в ее доме, что в сердцах хлопнула дверью и перестала общаться с ней. Отказавшись и от подачек мужа, Шюкрийе-ханум зарабатывала себе на пропитание стиркой и уборкой в чужих домах.

Став полноправным членом высшего общества Шишли, Саджиде периодически устраивала приемы и балы с пышными застольями с икрой и шампанским, приглашая не только равных себе богачей, но и иностранных послов и журналистов. Обслуживали эти праздники французские служанки, привезенные аж из Парижа, музыканты играли модный джаз. Саджиде водила автомобиль, танцевала, плавала – и превзошла своим образом жизни всех жен других миллионеров. Забыв, что сама вышла из низших слоев, она была беспощадна к прислуге, за малейшую провинность выгоняя ее из дома. Все у нее было – кроме внутренней культуры… О своем маленьком болезненном сыночке Бюленте Саджиде обычно вспоминала только тогда, когда приходили гости. Его выводили к ним, чтобы похвастаться новым нарядом мальчика. Все остальное время ребенок проводил с няней Надире, которая души в нем не чаяла.

В Йолпаласе жил и адвокат Рыфкы-бей – сын сестры Мурат-бея. Его мать умерла при родах, отец погиб на войне. Воспитанием и обучением Рыфкы-бея занимался дядя, на чьи деньги Рыфкы закончил юридический факультет в Париже. Дома его недолюбливали за социалистические взгляды. Преступление в Йолпаласе стало его первым судебным опытом, в котором он добился успеха благодаря своей чуткости и сочувствию к беде провинциальной девушки. Обвиняемая была освобождена прямо в зале суда.

Преступление заключалось в том, что был убит шофер Мукеррем и ранена Саджиде-ханум. Совершила все это няня Надире, слабенькая и молчаливая девушка. Она не отрицала своей вины, но при этом отказывалась объяснить причину своего поступка. До суда ее поместили в психбольницу, где она проводила время за вязанием одежды для маленького Бюлента и… гусенка Сармы. Понимая привязанность девушки к этим двум бедным созданиям, адвокат Рыфкы-бей сумел вызвать Надире на откровенный разговор и выслушал ее историю. Надире жила с матерью в деревне и пасла гусей, а хромого гусенка Сарму очень жалела, носила на руках и брала домой. Мать Надире, родом из Румелии, после гибели мужа на войне осталась одна с маленьким ребенком и пыталась выживать, зарабатывая на жизнь физическим трудом. Традиционно молодая вдова в деревне неизменно становится объектом пристального внимания сплетниц, которые при первом же случае норовят назвать ее блудницей, и одиноких мужчин, которые при первой же возможности не прочь сделать ее таковой. Вско-

ре и Надире получила прозвище «дочь потаскушки», а их с матерью дом забросали камнями. Изобразив в романе эту девочку, писательница дает представление о несчастной участи анатолийской женщины, ее отчуждении от общества, порой безжалостного и абсолютно несправедливого.

Мать Надире, работая день и ночь, копила деньги на пару быков, оставалось совсем немного до заветной суммы, как в ее жизни появился Мукеррем. Каз Аккыз (в детстве так звали Надире) невзлюбила его. Когда Мукеррем обманом присвоил деньги матери, Надире воспротивилась, и обозленный мужчина задавил ее гусенка. Оставшись без денег, мать скоро заболела от уныния и умерла. Девочка-сиротка была привезена в город, стала служить в богатых домах и так попала в Йолпалас. Прошли несколько благополучных для Надире лет, всю свою любовь она отдавала маленькому Бюленту. Но, когда в доме появился новый шофер и Надире узнала в нем, хотя и не подавала вида, Мукеррема, воспоминания о прошлом вернулись к ней и подавили своей тяжестью.

Мукеррем – вне Йолпаласа – был известен как ловелас, пьяница и азартный игрок. Он любил общаться с богатыми распущенными дамами, то есть был жиголо; водился с женщинами, имеющими разрешение от властей заниматься проституцией, то есть был сутенером; приставал к бедным молодым девушкам, обещая жениться, а потом заставлял их заниматься развратом. Так, используя свою харизму и брутальность, он пытался нажиться на женских слезах. С этой же целью он стал докучать Надире, не признав в ней Аккыз. Когда она напомнила ему о своей матери, тот пригрозил, что с Бюлентом поступит так же, как с ее гусенком, и в этом обвинят ее, потому что он наговорит о Надире хозяйке такого, что завтра в Йолпаласе и следа не останется от бывшей няни. Рано утром Надире увидела шофера в комнате хозяйки, разъярившись, напала на него с ножом, попутно случайно ранила Саджиде.

Осуждая вырождение морали в обществе в погоне за богатством, девальвацию духовно-нравственных ориентиров, Халиде Эдип по-своему выражает сострадание к угнетенным, поэтому, в отличие от традиционных детективов, где полиция ищет преступника и расследование увлекает читателя, в романе Халиде Эдип за преступлением, пусть даже убийством, обнаруживаются невинность и торжество справедливости. Совершенное Надире преступление – это выплеск ее насильно загнанных вглубь чувств, вызванных несправедливыми обидами и социальным неравенством. Ис-

пытывавшая безграничную любовь к животным и людям девушка не может понять, как можно впускать в дом такого бесчестного, паразитирующего на других человека, как Мукеррем.

«Бесконечная ярмарка»[158]

Этот роман впервые был напечатан в газете «*Джумхурият*» в 1946-м и в том же году вышел отдельной книгой.

Халиде Эдип, до самой смерти активно занимавшаяся литературным творчеством и политической деятельностью, плодотворно работала и в годы Второй мировой войны. В произведениях этого периода она не только как художник, но и как чуткий к социальным изменениям политик подвергала анализу возникшие одновременно с войной проблемы.

«*Бесконечная ярмарка*» написана сразу по окончании Второй мировой и отражает свежий взгляд на это историческое событие. В центре внимания находится положение женщин, связанное с новыми трансформациями в жизни Турции: в силу экономических причин часть женщин оставалась без образования и была вынуждена зарабатывать себе на жизнь физическим трудом.

Роман начинается с возникновения материальных проблем у семьи Балкар. Поскольку заработок отца недостаточен, мать семейства вынуждена заниматься уборкой в частных домах. Единственный их ребенок Айше учится на последнем курсе лицея. Благодаря учителю литературы Али-бею, Айше получает возможность заняться репетиторством. Она дает частные уроки девочкам из богатых семей и таким образом знакомится с их жизнью, мечтая оказаться среди этих состоятельных людей. Поставившая перед собой цель выйти из нищеты девушка использует для этого все возможные средства. Оказавшись вхожей в семью Сафитюрк, наряду с репетиторством Айше находит себе работу в их офисе. Сафиназ – представительница этой семьи – внешне очень похожа на Айше. Однако между ними существует принципиальное различие: Айше не теряет своей воли в мужском мире, благодаря рвению добивается моральной и материальной независимости. Первое время восхищавшаяся роскошью «двухтысячников», разбогатевших на войне, Айше постепенно ближе узнает их и разочаровывается. Ей симпатичнее состоятельная и до войны семья Боллук, воспитывающая своих детей в английских традициях.

Время «двухтысячников», быстро и нечестно разбогатевших провинциалов, с завершением войны постепенно заканчивается, и Айше, сумевшая найти свою стезю, остается рядом с настоящими людьми. А Сафиназ, которая боится выходить на работу и самостоятельно обеспечивать себя, вынуждена постоянно зависеть от мужчин и потому не может достичь успеха в жизни. В финале романа свекор Сафиназ попадает в тюрьму, и она, чтобы избавиться от находящегося за границей нелюбимого мужа и его семьи, идет к Али-бею и предлагает ему пожениться. Ее поступок продиктован не любовью, а желанием найти хоть какую-то защиту. Поняв это, Али-бей, хотя и был влюблен в Сафиназ и хотел жениться на ней, не принимает ее основанного на голом расчете предложения.

Халиде Эдип в этой книге, возможно, впервые поднимает вопрос о роли денег в судьбе человека. В целом сложно определить, что в романе важнее для автора – композиция, сюжет или обсуждение актуальных социальных проблем. В одном из интервью писательница как-то сказала, что «*Бесконечная ярмарка*» – это не роман, а больше общественный анализ, философское сочинение и критика устаревших традиций – одним словом, «картина общества 1945 года»[159].

Если пытаться объяснить заглавие романа, то словосочетание «Бесконечная ярмарка» вполне соответствует карнавальности, даже балаганности его сюжета. Как на ярмарке, тут есть вся «продукция», все составляющие стамбульской жизни: казино, ночные клубы, танцы, джазовая музыка, мода на Гитлера и Муссолини, проституция, укромные закоулки Бейоглу, пляжная культура, интеллектуальные дискуссии, журналистика, контрабанда наркотиков, воротилы черного рынка, секретарши «дактило», всевозможные психические болезни, увлечение спиритизмом и т.п. Как говорила сама Халиде Эдип в интервью, данном А. Айде в 1947 г., она лично была свидетелем многих выше перечисленных явлений[160]. Кстати, в этом интервью она заявляет, что «*Бесконечную ярмарку*» считает наиболее успешным своим романом, а из всех персонажей ей больше всего нравится Уфтаде-ханум. Уже не первой молодости Уфтаде вызывающе одевается, любит быть в центре внимания на ночных тусовках, неподобающе для своих лет и статуса ведет себя на публике и демонстративно не желает видеть порожденного войной мрачного состояния общества: «Носимые

ею посреди горькой и голой военной реальности вечерние туалеты с целью походить то на английскую леди, то на какую-либо кинозвезду, то на испанскую сеньориту, изображаемые ею манеры, теребящие старые распутные мысли в головах пожилых чиновников департамента иностранных дел, отныне стали превращаться в объект насмешек. Каждый раз, когда она выходила на танец, все сидящие за ее столом смешили окружающих, рассказывая о ней старые шутки»[161].

Такие комичные типы аляфранга, молодящиеся старушки, как Уфтаде-ханум, часто встречающиеся на балах и в других общественных местах, по мнению писательницы, напоминают старомодные непристойности и вызывают отвращение. Эти женщины между собой состязаются во внешней демонстрации «европеизированности», а наиболее наглядным способом этого является одежда. Например, Лале Сафитюрк даже в самых скромных местах, где все одевались подчеркнуто просто и удобно, своим дорогим нарядом и вычурно модной аляфранга одеждой пыталась выказывать превосходство над другими. Дочери, учась у матерей, также стремились одеваться как иностранки, однако в своих вечерних платьях среди толпы выглядели смешно и приковывали к себе внимание. Принадлежность к бомонду эти разбогатевшие провинциалки пытались демонстрировать не только внешним шиком, но и неуместным использованием странных и «модных» иноязычных выражений. Дочери этих богачей умеют играть на пианино, петь по-французски, однако музыка как неотъемлемая часть светской жизни для них служит лишь способом скрыть свои истинные намерения и эмоции.

Антиподами таких персонажей становятся истинные аристократы Стамбула, например, Эмине-ханум. Она избегает казино и вечеринок, «звездами» которых становятся женщины, подобные Уфтаде-ханум, и предпочитает проводить время дома.

Некоторые исследователи (И. Чалышлар, У. Топчу) справедливо замечают неожиданно стремительный финал романа, обращая внимание на то, что в произведениях последних лет Халиде Эдип не хватало терпения и сил на художественную доработку текста. Действительно, Айше в конце романа слишком быстро поднимается по карьерной лестнице и, выйдя замуж за выпускника Гарварда – племянника Сафитюрк, – получает все возможности благополучного существования.

У. Топчу отмечает символичность имен многочисленных персонажей в романе – героям и явлениям даны кричащие имена-фамилии и названия: Шашыртмач (вводящий в заблуждение, сбивающий с пути), Сертман (суровый, жесткий человек), Карун (баснословно богатый), Кёр Балта (тупой топор), Боллук (изобилие, достаток); фирма, занимающаяся импортом-экспортом, «Трамара»; ночной клуб «Шаш-бак» (смотри и удивляйся) и др.[162]

«Вращающееся зеркало»[163]

Шестнадцатый роман Халиде Эдип в 1953 г. вышел в журнале «*Новый Стамбул*», а книгой был издан в 1954 г. Известный кинорежиссер Лютфи Акад хотел снять по этому произведению фильм, однако сценарий не прошел цензуру.

В отличие от героинь романов первого периода творчества Халиде Эдип, живущих в виллах и особняках, в сочинениях последних лет объектами внимания стали анатолийские женщины и дети, которые вынуждены прислуживать или жить в качестве приемных детей в домах новоиспеченных богачей или избранных представителей среднего сословия.

В центре событий, происходящих в романе, оказывается Ханифе, внебрачная дочь известного в округе ловеласа Хаджи Мурата, который обесчестил и опозорил не одну девушку в Самананбары. Мать Ханифе не любила свое нежеланное дитя, получившее в деревне прозвище «дочь блудницы», обходилась с ней грубо, видя в ней главную причину своих неприятностей. Поэтому при первой же возможности отделалась от нее, отдав на воспитание одной женщине в Измире. В доме Зибы-ханум, где не вспоминали о ее происхождении, Ханифе жила себе спокойно, пока не пришло неожиданное известие о согласии отца официально признать ее дочерью и принять в свою семью. И вот одиннадцатилетняя девочка одна отправляется к отцу, которого никогда не видела. Ее доверили идущим горными тропами с караваном груженых мулов торговцам сухофруктами, которые должны были передать ее Хаджи Мурату, слывшему самым богатым в Самананбары. Путь был тяжелым и опасным. В дороге караван останавливается на ночлег в заброшенной хижине, где усталые путники сильно напиваются и дерутся между собой. Здесь помощник погонщика мулов Мурсель пытается изнасиловать девочку, и лишь благодаря вмешательству его хозяина, одноглазого Камиля, она остается невредимой.

Когда Камиль избивает Мурселя, Ханифе тоже щиплет, кусает, бьет его. Это событие глубоко западает в память Мурселя. Добравшись до конечного пункта, девочку передают Хаджи Мурату. Она знакомится с мачехой и сводными братьями Маджитом и Хасаном, а также с сестрой Хурийе и наконец освобождается от ярлыка «незаконнорожденной» дочери «блудной матери» и других такого же рода неприятностей. Проходят годы, Ханифе становится девушкой и готовится к замужеству. Злопамятный Мурсель находит ее, устраивается работать к Хаджи Мурату и женится на Хурийе. Он строит коварный план и выкрадывает Ханифе с ее свадьбы, при помощи друга увезя ее в горы. Ханифе понимает, что попала в руки контрабандистов, торгующих героином. Долгое время она не может освободиться от садиста Мурселя и превращается в его наложницу. К ее ужасу, случается то, чего она боялась больше всего: повторение судьбы матери-«блудницы». Мурсель, который всем представляет ее своей женой Хурийе, обходится с Ханифе очень дерзко, жестоко бьет, заставляет выполнять различные преступные поручения, тем самым физически и морально разрушая ее жизнь. Ханифе от страха даже в полиции вынуждена скрывать истину. Через некоторое время они прибывают в Стамбул, где среди огромной толпы Ханифе чувствует себя ужасно одинокой. Однако именно здесь она находит справедливость и свое счастье. Жизнь в Стамбуле, как вращающееся зеркало, показывает Ханифе богатство и нищету, красоту и уродство, свободу и рабство, благодаря чему Ханифе заново обретает свое «я». Встреча с истинным Стамбулом способствует пробуждению ее задавленного обстоятельствами сознания. Время, проведенное в роли прислуги в доме Шукрю Шашмаза и Хыфзы Демирбаша, становится началом ее возвращения в нормальную жизнь, где она узнает много нового и встречает свою истинную любовь.

Благодаря сводному брату Маджиту Ханифе освобождается от Мурселя, которого постигает справедливое наказание. Ханифе выходит замуж за образованного и богатого Биляла.

Это объемное произведение имеет довольно запутанный сюжет, местами напоминает авантюрный роман или детектив, к тому же отдельные сюжетные линии оборваны и не доведены до логического конца, а характеры некоторых персонажей не прописаны. Анализируя поступки и поведение героев романа, оказавшихся волею судьбы вовлеченными в кру-

говорот сложных событий, адаптацию этих персонажей к окружающему миру и бунта против него, Адывар пытается выявить глубинные мотивы человеческих поступков, совершенных под воздействием внешних обстоятельств, и показать пути выхода, казалось бы, из тупиковых ситуаций.

Образ «вращающееся зеркало» выполняет функцию отражения разных сторон – «ада и рая» – жизни Ханифе.

«Улица Акиле-ханум»[164]

Роман впервые печатался в номерах журнала «*Жизнь*» (*Hayat Mecmuası*) за 1957–59 гг. и в 1958-м вышел отдельной книгой. Он состоит из трех частей: «*Улица Акиле-ханум*», «*Рок-н-ролл*» и «*Стриптизерша*». На первый взгляд, каждая из них имеет самостоятельное значение. Однако все части объединяет место действия, кроме того, персонажи первых двух частей связаны друг с другом.

В первой части описывается улица в центре Стамбула, в районе Лалели – это совсем недалеко от Аксарая, где происходят события романа «*Синекли баккал»*. Оба романа начинаются с описания архитектуры района, однако в «*Улице Акиле-ханум*» фиксируются заметные изменения в облике жилых домов и отелей: восточный стиль постепенно уступает место западным тенденциям. Вместо зданий с эркерами, фонарями, решетками строятся многоэтажные дома и «Хилтоны» из сплошного бетона. Как известно, в это время Халиде Эдип сама жила в районе Лалели и была свидетелем всех архитектурных и культурных трансформаций и Стамбула, и стамбульского общества. В некоторых исследованиях сказано, что в образе Акиле-ханум проявляются черты самой писательницы[165].

Семейная пара Нермин-Тарик приехала в гости из Анкары на улицу, официального названия которой почти никто не помнит, поскольку в округе все называют ее именем Акиле-ханум, которая здесь живет. На этой улице можно увидеть как привлекательные старинные особняки, так и облупленные, покосившиеся дома на ее задворках. Нермин приехала навестить свою тетю, проживающую в одном из особняков. Представитель Министерства иностранных дел Тарик скоро должен уехать в Рим. Нермин ревнует его к молодой секретарше Севим, и, чтобы отвлечься от мрачных дум, она желает познакомиться с Акиле-ханум, которая работает экономкой в одном из особняков из красного кирпича. Акиле – малограмотная

женщина из анатолийской глубинки, но благодаря своему жизненному опыту и трудолюбию она обрела любовь и уважение местного населения, которое, позабыв официальное название улицы (Ахмет Кемаль сокагы), присвоило ей имя Акиле-ханум.

Пока развивается дружба между Нермин и Акиле, судьбы многих жителей улицы пересекаются друг с другом и предстают перед читателем. Среди них история молодой и красивой девушки-медички Гюльбейаз, которая живет в доме доктора Самим-бея и ассистирует ему. Жители любят эту честную и приветливую девушку, которая всегда с радостью всем помогает. Жена Самим-бея – Айше – не понимает трепетного отношения мужа к своей помощнице, ибо не знает, что та является его внебрачной дочерью от служанки Гюзиде.

В части «*Рок-н-ролл*» описывается атмосфера изменяющейся Турции, которая под западным влиянием переживает культурную трансформацию. Читатель становится свидетелем жизни турецкого общества 1950-х гг., когда происходит «сексуальная революция», разрушение традиционных устоев брака, увлечение американской музыкой и танцами, стриптизом, рост количества провинциальных богачей. Здесь разрешаются интриги первой части, события и персонажи группируются вокруг Нермин, которая успокаивается, узнав, что молодая Севим обручена и скоро уедет в Америку к мужу. Айше-ханум, от ревности к мужу решившаяся на развод, получает письмо от Самим-бея, где он описывает свою историю с прислугой Гюзиде, в итоге их брак остается невредимым, и пожилая пара удочеряет Гюльбейаз.

Главным героем третьей части является тридцатипятилетний интеллигент Сади Арслан, намеревающийся написать труд о современных проблемах Турции. Разбирая причины социоэкономической деградации стамбульского общества, Сади Арслан на примере стриптиз-танца в казино на Таксиме наблюдает отказ современников от нравственных принципов и национальных корней.

Красивая и молодая Айше, отказавшись от своего «деревенского» происхождения, считает образцом для подражания гречанку, госпожу Караманидис, у которой она служит, и вслед за ней, используя свою женственность и тело, охотится на богатых мужчин, чем пытается достичь определенного статуса в обществе. Автор дает понять, что невозможно

занять высокое общественное положение благодаря одной лишь сексуальности. Население квартала негативно реагирует на выходки Айше – вроде тех, когда она, обнажаясь, собирает под своим окном мужчин. Из-за недостойного поведения – прозванная «Нагой» – Айше долго не задерживается ни в одном доме. Стриптизерши – по образцу русской танцовщицы Памелы, прозванной «четырехмоторной», – своими развратными действиями вносят в увеселительные заведения аморальность и содействуют нравственному упадку таких турецких мужчин, как Хаджиага или муж Акиле-ханум – Фатих Варна.

Улица Акиле-ханум, где происходят все эти события, условно обозначает Турцию, в эти годы ставшую авансценой столкновения старого с новым, восточного с западным. Множество героев и героинь из разных слоев общества, с разным уровнем воспитания и образования отражают положение женщины с различных позиций, а также влияние на них американского образа жизни. Автор по большей части критикует увлечение чужой культурой и стоит на страже традиционных ценностей.

Улица Акиле-ханум – своеобразная панорама турецкого общества 1950-х гг. Здесь уживаются виллы и лачуги, богатые и бедные, образованные и невежды. Если улица носит имя женщины, снискавшей уважение жителей, то это уже показатель больших изменений в турецком обществе после национально-освободительной войны. Так границы улицы раздвигаются до пределов Стамбула и становятся пространством метафизическим.

Неграмотная анатолийская женщина с балканскими корнями, Акиле-ханум официально является замужней, однако ее муж ушел от нее и живет с любовницей. Акиле с самого начала своего брака была на первых ролях: ловкая, умелая, способная вокруг себя сплотить коллектив и контролировать его. Муж, не выдержав ее сильного, доминирующего характера, ушел к более слабой женщине. Гордая и хладнокровная, Акиле пытается не показывать своей боли от измены мужа, однако не разводится с ним, поскольку считает, что браком сочетаются лишь один раз. В годы, когда наблюдалось увеличение разводов и разрушение семей, Халиде Эдип не скрывает своего отношения к этим, с ее точки зрения, негативным явлениям.

Квартал, улица являются своеобразным центром взаимоподдержки людей и местом общественного суда. Жители улицы сочувствуют Акиле-ханум и осуждают Кара Гульсюм, которая сожительствует с ее мужем. Они

не желают видеть в своем соседстве людей, совершающих безнравственные поступки. По переданному ей адресу Акиле-ханум приходит к своей обидчице и объясняется с ней.

Акиле-ханум является образом турчанки периода национально-освободительной войны, а Айше-ханум – представительницей культуры Османской империи, которая сумела найти в себе силы простить измену мужа и удочерить внебрачную дочь, тем самым сохранив единство своей семьи. Серин Эсен – представительница поколения 1950-х, – хотя и развелась с мужем, добилась, чтобы ей оставили ребенка, и готова создать по любви новую семью с Сади Арсланом.

В романе также имеется любопытный персонаж – Мери Джонес, которая, как многие другие американцы, интересуется экзотической для нее жизнью турок и, пробыв в Стамбуле год, планирует написать о них роман. В ее представлении Турция – это страна мужчин в шароварах и с ятаганами и женщин в пече, ведущих в своих домах затворническую жизнь. Придя из отеля «Хилтон» на улицу Акиле-ханум, Мери была совершенно потрясена: общение с местными жителями навело ее на мысль, что турки не очень-то отличаются от американцев. Халиде Эдип в этом романе стремится изменить стереотипное представление европейцев об отсталости и забитости турок.

Интересен образ Нермин, в раннем детстве оставшейся без родителей и с тетей и ее мужем Самим Акйуреком уехавшей в Америку. Нермин прожила в Вашингтоне восемь лет, получила достойное образование, но при этом сохранила в себе национальные черты. Нермин, ревнуя мужу, который, как ей кажется, за границей развлекается со своей секретаршей, в один из вечеров идет с Диком Джонесом в ночной клуб, где отплясывает рок-н-ролл, которому научилась в Америке. Нарочито утрируя в описании этой сцены резкие, судорожные движения танцующей пары, высоко поднятые ноги женщины и т.п., Халиде Эдип критикует моду на рок-н-ролл, танго, чарльстон и другие современные танцы не только из-за их «чуждости» и «западности», но и из-за явно эротического «подтекста».

Халиде Эдип не сторонница выпячивания женской сексуальности, ей кажутся бессмысленными чрезмерный макияж, декольте, экстравагантные наряды. Возможно, по этой причине исследователи угадывают в идеальном образе Серин Эсен молодую Халиде: с короткими волосами, в строгой

одежде, с сильным характером, профессионал (архитектор) и прекрасная мать. Имя этой героини, означающее «прохладный ветер, освежающий в зной», точно совпадает с ее характером[166].

Ф.Ш. Джантек назвала этот роман Халиде Эдип «коротким сном республиканской модернизации», находя в описаниях жильцов улицы Акиле-ханум «непривычную смесь и высокий интеллектуально-академический уровень» [167].

«Сын мастера Керима. Жизнь одного доктора»[168]

Впервые роман печатался в газете «*Миллият*» в 1958 г. В 1974 г. вместе с романом «*Хейула*» был издан книгой. Объем романа не превышает 90 страниц.

Халиде Эдип интересовалась проблемами не только человеческой души, но и телесного здоровья и в связи с этим обращалась к образам врачей, пытаясь описать их профессиональную жизнь изнутри. В романах *«Обещанное решение», «Сын мастера Керима», «Комедия улицы Севда»* она рассматривает личность врача и как социальную фигуру, и как источник глубоких, подчас недоступных другим героям впечатлений. Халиде Эдип удалось описать непростой путь прогрессивного турецкого доктора, изобилующий крутыми разворотами, связанными с его мировоззренческими поисками.

Известный во всей стране доктор Касым Дерман, отмечая сорокапятилетие, принимает решение написать мемуары. Для него это возможность не только вспомнить прошлое, но и посмотреть на свою жизнь со стороны, подвести ей итоги, чтобы с новыми силами двигаться дальше. Касым – сын черкеса по имени Керим Уста, мастера по изготовлению мухаллеби[169], который держал небольшую лавку на железнодорожном вокзале Эскишехира. Когда началась война за независимость страны, Керим Уста как человек, беззаветно любящий родину, не смог остаться в стороне и, передав лавку товарищу, присоединился к партизанским отрядам, а жену и маленького Касыма под другой фамилией отправил в Стамбул. Больше Касым не видел своего отца: воевавший в рядах армии Ататюрка патриот Керим Уста героически погиб в одной из битв.

Свято почитая отеческий наказ, Касым стремится быть достойным данной ему отцом новой фамилии Дерман (означающей силу, крепость,

мощь, а также спасение от недугов, избавление, излечение), намеревается стать врачом и тем самым осуществить мечту своего отца.

В центре романа – история о том, как бедный мальчик стал известным доктором. Чтобы прокормиться и платить за обучение, Касым продает сухофрукты, подрабатывает статистом в театре и кассиром в цирке. Благодаря помощи Гордона Ли – американского миллионера, обратившего на него внимание во время выступления цирка в Роберт-колледже, – он получает медицинское образование в Америке и возвращается в Стамбул, где становится знаменитым терапевтом и обеспечивает достойную жизнь себе и своей матери. Миллионер Гордон Ли введен в роман для того, чтобы обеспечить профессиональное становление доктора Касыма: только благодаря помощи богатого и влиятельного иностранца простой турецкий мальчик смог выучиться в Америке.

Касым описывается как наследник и достойный продолжатель дела своего отца, пожертвовавшего жизнью за свободу страны не ради славы, а просто потому, что не мог поступить иначе в тяжелое для родины время. Это был его долг перед отечеством и сыном. Однако идеальный герой Касым изображен далеким от политики, хотя в романе чувствуются отголоски антикоммунистических настроений и усиливающихся националистических призывов того времени. Причем решение Касыма держаться подальше от политики не объясняется автором. Неизвестно, по какой причине это произошло: может быть, бессознательно Касым не хочет повторить судьбу отца, вынужденного оставить свою семью, или, наоборот, держит данное в детстве слово быть послушным. Но так же, как и отец, Касым отдает все свое время и силы работе, помогая бедным и беспомощным соотечественникам, а личную жизнь отодвигает на второй план. Он долгое время не женится, так как ему кажется, что он еще не встретил на своем пути честную и искреннюю девушку, хотя были женщины, пытавшиеся добиться его расположения и даже покончившие с собой из-за несчастной любви к нему.

Огромное значение в жизни героя имеет мать Мемдуха-ханум, одна воспитавшая мальчика. Касым, исполняя сыновий долг, решает посвятить ей все свое свободное время. Глубокая эмоциональная привязанность к матери развивает в нем Эдипов комплекс[170], и Касым принимает решение остаться холостяком. Лишь по просьбе матери он все же обращает вни-

мание на свою ассистентку Нурийе-ханум, очень похожую характером на Мемдуха-ханум. Поженившись, Касым и Нурийе продолжают работать вместе, помогая друг другу. Здесь писательница и феминистка Халиде Эдип проводит мысль о том, что истинная любовь и прочный брак должны строиться не только на физической близости, но и в первую очередь на доверии и уважении. Главное, чтобы избранник стал настоящим «спутником жизни» и произошло единение душ, только тогда отношения супругов могут быть крепкими и стабильными.

В романе описаны такие качества героев, которые могут стать образцом для подражания, подать пример молодому поколению. Это честность Керима, который никогда не обманывал своих клиентов, четко разделяя запретное и дозволенное; патриотизм, готовность умереть за отчизну, которую Керим ставил превыше всего; преданность и самоотверженность его жены, до последнего момента поддерживавшей своего мужа; ее терпение и труд ради того, чтобы их сын вырос хорошим человеком и стал профессионалом своего дела; стремление Касыма быть достойным сыном своего отца; его человеколюбие и милосердие, умение прийти на помощь нуждающимся.

Однако при всех своих достоинствах, к сожалению, роман не лишен отдельных недостатков. Так, внезапный его финал оставляет впечатление поспешности и незавершенности: события, связанные с карьерным ростом, женитьба Касыма, самоубийство женщины из-за неразделенной любви к нему и другие эпизоды, значимые для понимания образов и общей идеи произведения, скомканы и едва намечены на последних страницах романа.

«Комедия улицы Севда»[171]

Печаталась в номерах газеты «*Джумхурият*» (апрель-май 1959) и при жизни Халиде Эдип так и не вышла отдельным изданием. Впервые в виде книги роман был опубликован вместе с «*Вращающимся зеркалом*» в 1971 г. По жанру данное произведение не является ни комедией, ни трагедией: автор продолжает свои наблюдения над стамбульской жизнью первых лет строительства Республики и размышляет о последствиях урбанизации, приведших к социальным переменам и психологическим изменениям в сознании людей.

Роман начинается с пожара в одном из небольших анатолийских сёл. Пока мужчины из соседней деревни шли на помощь, огонь поглотил все дома, и спасать уже было нечего. Мехмет Чардакчы посреди этого кошмара видит колыбельку и охрипшего от плача ребенка, поскольку родители его погибли в огне. Мехмет забирает маленькую девочку в свое небольшое крестьянское хозяйство, и жена соглашается принять ее. Называют девочку Аминой, она растет пухленькой и ленивой, заставляя других детей пасти ее уток и гусей. Это было время последних лет властвования султана Абдулхамида II. Как-то в село прискакал всадник из Стамбула и остановился рядом с игравшими детьми. Из них он выбирает Амину и сообщает Мехмету, что является поваром кладовщика султана и каждый год привозит ему «беслеме» – прислугу, согласную работать за пропитание. Так Амина, на зависть своим сверстникам, отправляется в Стамбул, казавшийся недоступным раем ее односельчанам. Там ей снова меняют имя и начинают звать Нумуне. С именем меняется и сама девочка: она сразу забывает село и своих приемных родителей и начинает приспосабливаться к новой жизни, о которой она и не мечтала. Сколько бы ни пытались заставить ее со всей остальной малолетней прислугой учиться, читать Коран, Нумуне ко всему этому не проявляет ни малейшего интереса, за непослушание и самовольство ей достается немало тумаков. Тем не менее она находит способ понравиться хозяйке Сабихе-ханум, которая сразу замечает ее отличный от других характер, постоянно ее защищает, за что остальные девочки недолюбливают «выскочку».

Тем временем в стране происходят важные политические события: султан Абдулхамид свергнут, партия «Единение и прогресс» ведет страну к войне. Нумуне мало понимает в политике, у нее свои планы: удачно выйти замуж за какого-нибудь господина и стать «ханум-эфенди», как теперешняя ее хозяйка, иметь служанок, носить шелковое белье. Для достижения этой цели она делает все: обслуживает богатых дам, которые, умирая, завещают ей деньги и недвижимость; преступает нравственные нормы – чтобы понравившийся ей женатый мужчина Маджит принадлежал ей, чем способствует самоубийству его жены. Брак для нее является средством достижения цели. Женское тело, красота, по мнению Нумуне, составляют своеобразный капитал, который необходимо выгодно вложить, поэтому она стремится любым способом заполучить мужа и связанное с ним бла-

госостояние. Одновременно это и поиск своего владельца, поскольку она рассматривает и себя как вещь, собственность. Овеществляясь внешне, героиня теряет и свою личность.

Маджит становится подручным средством для роста материальной состоятельности провинциальной служанки и ее становления в качестве «элитной дамы». Халиде Эдип здесь рассматривает новый социальный тип, который ни во что не ставит собственную гордость, отрицает свое прошлое и ради денег способно на все. Нумуне становится символом хитрости, жадности и эгоизма.

Многие события романа происходят на улице Севда (Любовь), жители которой становятся свидетелями страстных взаимоотношений персонажей. Истинное название улицы – «Ибнуссуут», но, поскольку вывеска стара и истерта, молодежь сверху этого названия приписала слово «Севда», ибо улица часто становилась свидетельницей любовных сцен. Как место влюбленных, эта улица помнит истории любви героев романа: Нумуне, Маджита, Лейлы, Селиме, доктора Керима.

Слово «комедия», возможно, вполне уместно в отношении Маджита: без ума, по его признанию, влюбленный в Лейлу, он называет себя Меджнуном, хотя раньше был известен в округе ночными похождениями и любвеобильностью. Две сюжетные линии романа – история Амины/Нумуне и Лейлы/Гульгюн – пересекаются как раз в этом образе. Жители с улицы Севда с усмешкой наблюдают, как Маджит мастерски исполняет роль Меджнуна перед каждой из своих избранниц: блондинкой («Сары Лейла») – своей законной женой, не подпускающей его к себе, и брюнеткой («Кара Лейла») – любовницей, всегда готовой его утешить.

Положительным героем представлена Лейла/Гульгюн – дочь Рагиббея и Селиме-ханум. Умная и порядочная Лейла не прощает своей матери измены отцу, боится походить на нее, поэтому дорожит отцом и дает себе слово не выходить замуж[172]. Влюбившись в женатого доктора Керима, она пытается освободиться от этого чувства, оформив формальный брак с влюбленным в нее Маджитом. Сколько бы ни пыталась она не повторить судьбу матери, семейная жизнь с Маджитом начинает походить на брак ее родителей: используя мужа как вещь, она невольно толкает его в объятия Нумуне. В итоге горькое чувство от измены и ревности приводит ее к самоубийству. Маджит является типичным восточным мужчиной, ставив-

шим любовь и сердечные чувства выше денег. Женившись на Лейле, он с уважением относится к ее желаниям и терпеливо ждет от нее ответной любви. Попав в ловушку Нумуне, Маджит становится причиной гибели Лейлы и остро переживает муки совести.

Положителен образ доктора Керима, который любит свою жену и сына. Как профессионал, он серьезен и ответствен. Взаимное чувство, возникшее между ним и медсестрой Лейлой, пугает его, он отстраняется от нее, чтобы сохранить свою семью.

«Находчивая»[173]

Небольшое по объему (75 страниц) произведение «*Находчивая*» (*Çaresaz)* сначала было опубликовано в газете «*Джумхурият*» (1961), потом издано в виде книги в 1971 г. вместе с романом «*Улица Акиле-ханум*». Это сочинение сложно назвать романом как по идейной тематике, так и по сюжетно-композиционным характеристикам, оно больше тяготеет к жанру повести. В нем нет лирических или философских отступлений, описания общественно-политической обстановки, и автор стремится к быстрой развязке сюжета, поэтому не вводит побочных линий и второстепенных героев. В центре повествования традиционно стоит сильная, умная, мудрая, трудолюбивая и любящая женщина. Тема любви раскрывается в связи с вопросами сексуальной свободы, умения выбрать спутника жизни, разницы между официальным браком и бракосочетанием по мусульманскому обряду (*имам никяхы*). По суждению Я. Канболата, этот роман Адывар «слабый по композиции, но ужасно феминистичный»[174].

Главная героиня Медиха – дочь Селим-бея, когда-то заведовавшего продуктовыми складами во дворце султана. После свержения Абдулхамида II в 1909 г. он остался без работы и испытывал материальные трудности. Через несколько лет умерла его жена, и Селим-бей один занимался воспитанием дочери, однако постепенно пристрастился к алкоголю и спился. Рано повзрослевшая Медиха терпеливо ухаживала за больным отцом. После его смерти семья Николаки – друзей отца – помогла Медихе получить образование в колледже, где был интернат. Девушка стала учительницей начальных классов и жила в своем квартале, где ее все любили за сердечность и отзывчивость. За то, что она всегда всем помогала и ухаживала за больными, ее называли Чаресаз (находящая выход из по-

ложения, помогающая всем). После занятий в школе она любила сочинять сказки для детей. Пожилая дама из соседнего особняка как-то заболела и, нуждаясь в помощи Медихи, особенно привязалась к ней. Когда сын этой дамы Мунир, студент юридического факультета, заболел тифом, Медиха даже бросила работу в школе: день и ночь она самозабвенно ухаживала за Муниром и поставила его на ноги.

По просьбе сына и матери Медиха перебирается к ним, приводит их дом в порядок, занимается хозяйством, зарабатывает деньги, издавая свои книги, дает студентам частные уроки английского языка. Во избежание пересудов Мунир и Медиха сочетаются религиозным браком, оставляя друг за другом право расторгнуть его и заключить официальный брак с другим человеком. Так и получается: Мунир с первого взгляда влюбляется в красавицу Шехназ – дочь одного паши – и намерен жениться на ней. Медиха, словно родная сестра, во всем помогает Муниру: уговаривает его мать дать согласие на официальный брак сына с другой женщиной, дает деньги на обручение и свадьбу, готовит комнату для новобрачных, а когда те уезжают в свадебное путешествие, ухаживает за матерью Мунира и занимается домом. Врожденное благородство Чаресаз позволяет ей так поступать, она находит свое предназначение в заботе о нуждающихся в ней. Медиха в своем желании помогать всему живому вокруг напоминает тургеневскую героиню – Елену Стахову из «Накануне», которая так же «…с детства жаждала деятельности, деятельного добра; нищие, голодные, больные ее занимали, тревожили, мучили; она видела их во сне, расспрашивала о них всех своих знакомых; милостыню она подавала заботливо, с невольной важностью, почти с волнением»[175].

Мунир испытывает противоречивые чувства: ему стыдно перед Медихой за свое эгоистическое поведение, он поражен, обескуражен ее самоотверженностью и при этом признается себе, что без ее помощи не справится с жизнью. Когда Шехназ начинает жить с ними в одном доме, ситуация осложняется, она никак не может понять отношений мужа с Медихой. Чем чаще Шехназ устраивает скандалы на почве ревности, тем больше Мунир отдаляется от нее и ищет утешения у Медихи. Даже рождение дочери уже не может возродить прежних чувств законных супругов. В финале Мунир разводится с Шехназ и остается с Медихой. Автору удается описать разрыв между возвышенно-идеальным (Медиха) и инстинктивно-плотским

(Шехназ), духовного и природного начал в сознании героя. Медиха для Мунира является другом души, чеовеком, к которому он прибегал в самые трудные минуты и у которого всегда находил понимание и утешение. Чтобы не потерять ее, он сочетался с ней религиозным браком, а на Шехназ, возбуждавшей его плотские желания, он женился по светскому обычаю. В романе жена Мунира по мусульманскому обряду олицетворяет рай, а жена по официальному браку – ад. Положение Мунира между возвышенно-доброй Медихой и красивой, страстной Шехназ похоже на пребывание в чистилище[176]. На это указывает и название рассказа, сочиненного самим Муниром, – «Любовь между раем и адом». В итоге герой выбирает рай и возвращается к Медихе, таким образом, брак по мусульманскому обряду подается автором как союз, основанный на любви, уважении и свободе.

Писательница не углубляется во внутренние переживания Медихи, лишь примерно давая понять, какие бури кипят в ее душе. Эта героиня предстает перед читателем как идеальный человек, усмиривший в себе плотские желания и посвятивший себя служению людям. Выдержка и самообладание молодой женщины не могут не вызвать восхищения у читателя. Автор исследует медленное пробуждение Медихи как женщины: при первой же встрече Мунир привязывается к ней, назвав «райской девушкой», имея в виду чистоту ее души, и впоследствии способствует зарождению чувственности в глубине ее сердца.

Шехназ же олицетворяет тот тип женщин, которые считают официальное оформление брака надежным способом удержания мужчины. Ради собственного счастья, не посчитавшаяся с чувствами других Шехназ, пытаясь разрушить их духовную близость, сама же невольно подталкивает мужа к Медихе. Ей не понять жертвенности, ставшей для Медихи смыслом жизни. В этом Мунир признается таким образом: «Чаресаз – любовь моего духа, моя сестра, моя подруга, ангел, которому я доверяю всегда и в любом случае»[177].

«Осколки жизни»

Последний роман Халиде Эдип Адывар в виде книги был издан в Стамбуле в 1963 г. Из-за рыхлой связи между событиями в романе автор посчитала нужным дать отдельное разъяснение в виде «Вводного слова». Название романа также предупреждает о разрозненности и несвязанно-

сти в изложении событий, которые отражаются в своеобразном зеркале жизни. И действительно, при первом чтении сложно судить о единстве событий и цельности этого произведения, однако в романе присутствует символичная деталь – лунный свет, который по-разному и неповторимо озаряет непохожие друг на друга «осколки жизни». Рассказчик сознательно использует разные небольшие сюжеты, с интересом рассматривая их. Отчасти этим можно объяснить и многочисленность персонажей.

В первой части излагается история Шекипа Таша, его сына Чатык Мустафы и невестки Гюллю. Шекип после бегства молодой жены с другим вырастил сына, ради его счастья больше не женившись. Мустафа, повзрослев, встретил красивую девушку Гюллю и решил вступить с ней в брак. Отец удволетворил его просьбу, и молодые поженились. Спустя некоторое время после этого Мустафу забрали в армию и отправили на Балканский фронт. Между свекром и невесткой возникает любовная связь, и, получив извещение о смерти Мустафы, они начинают жить вместе. Однако Мустафа остался в живых и в результате обмена военнопленными возвращается в деревню. Узнав о произошедшем, он убивает отца и жену, а сам сходит с ума. После двадцати лет лечения в доме для душевнобольных он приходит на деревенское кладбище и у могилы отца и жены копает яму для себя. Эта история легла в основу народной песни, которую мог спеть любой селянин.

Если в мировой литературе известен сюжет о «блудном сыне», изменившем своему отцу, то в данном случае речь идет об обратном явлении: Шекип Таш, предавая этические нормы родственных отношений, толкнул своего сына к преступлению.

Совершенное Чатык Мустафой можно рассматривать как наказание тех людей, которые предают многовековые нравственные ценности: отец, который обязан защищать, поддерживать членов семьи, свой род и очаг, в данном случае нарушил этические нормы. Сын доверил отцу самое дорогое, уходя на войну с уверенностью, что его жена будет находиться в надежных руках. Предательство самого близкого человека подтолкнуло Мустафу к жестокому преступлению. Готовность Шекипа к такому аморальному поступку проявляется при первой же встрече с Гюллю: когда сын показывает ему свою избранницу, в голове Шекипа мелькает мысль: «Почему я не увидел ее первым и не женился на ней?»

Во второй части романа представлены совершенно другие герои и иное время: прошло два десятка лет после изложенного выше случая. Связующим звеном между двумя частями является лишь один персонаж – некрасивая, смуглая женщина Дилли Кавал, распевающая в горах горестную песню об этой давней истории. Событийная связь обнаруживается в том же любовном треугольнике, только как бы в перевернутом виде – между Джорджем, Наджийе и Ахметом. В пик популярности вышеуказанной народной песни о Гюллю в деревню приходит группа интеллектуалов, среди которых газетчики, доцент, писатель, депутат и даже один американский журналист. Они заинтересованы этой песней и ее оригинальным исполнением Дилли Кавал (в переводе: красноречивая свирель). Писатель Халим Калем и американец Джордж Мартин изъявляют желание взять Дилли с собой в город. Женщина соглашается, но просит немного времени для окончания обязательного срока после расторжения религиозного брака с Ирфаном. Через некоторое время читатель узнает, что Дилли Кавал перебралась в Стамбул и поет на вечеринках высшего света Шишли, в то же время работая прислугой в доме Халима Калема. Ирфан вслед за Кавал приходит в Стамбул, просит своих односельчан, проживающих в городе, помочь найти свою бывшую жену. Происходит череда случайностей, и наконец, обнаружив Дилли, Ирфан ранит ее ножом. Лишь после вмешательства полиции и суда женщина освобождается от бывшего мужа. Здесь автор еще раз подтверждает нецелесообразность и бессилие перед законом религиозного брака (имам никяхы).

Все эти события происходят на фоне любовного трегольника Джордж–Наджийе–Ахмет. Шестидесятилетний американский журналист Джордж очарован национальной жизнью турецкого населения, как-то, гуляя по закоулкам и улицам Стамбула, он в огороженном старинной решеткой окне одного дома замечает красивую девушку и проявляет к ней интерес. В тот же вечер Джордж навещает своего друга, профессора Гюрлейена, и от его сына Ахмета узнает, что эта девушка по имени Наджийе является швеей его матери. Умный и красивый Ахмет любит эту девушку и собирается жениться на ней. Однако прислуга Наджийе, дочь уличного торговца, не очень желанна в доме профессора. Тогда Джордж, всю жизнь остававшийся холостяком, чтобы убрать эту преграду между молодыми людьми, удочеряет Наджийе. Справляется свадьба, и Джордж радуется счастью влюбленных.

Следующий «жизненный осколок» происходит в Америке: во время свадебного путешествия на пароходе судьба испытывает на прочность любовь Ахмета и Наджийе. Сначала Ахмет не устоит перед красотой и непринужденностью пассажирки по имени Дороти и начнет флиртовать с ней. Но тут на помощь, словно добрый ангел, снова приходит Джордж, и, выслушав его предостережение, Ахмет снова обращает свой взор на возлюбленную Наджийе. Затем испытание проходит Наджийе, чьей восточной красотой восхищается английский лорд Раулинсон. Наджийе не кокетничает с ним, однако и не отказывается от его дружбы. Когда же Ахмет начинает полностью занимать ее время, искушение само собой исчезает. Любительнице всякого рода титулов, Дороти удается обратить на себя внимание лорда Джорджа – охотника за красивыми женщинами, в конце истории читатель видит их поженившимися.

Ахмет и Наджийе в Америке останавливаются у тети Джорджа Мартина. В связи с этим автор поднимает различные социополитические проблемы американской жизни того времени. Описывая жизнь американцев, писательница устами Ахмета Гюрлийана восхваляет Америку как страну равноправия и благополучия, где нет классового, полового и расового расслоения. Однако в конце романа Джордж Мартин возвращается снова в Турцию, ибо ему больше нравятся турецкие традиции и образ жизни, поскольку, по его мнению, американские мужчины находятся под каблуком у женщин, а в Турции такого не увидишь.

Джордж в Стамбуле беседует с Халимом Калемом. С самого начала влюбленный в Наджийе, Джордж объясняет источник своей силы и умения победить вспыхнувшее к ней чувство желанием всячески помочь ей. Это влияние мистического учения Мевляны[178] и мевлевийского тариката позволило ему благополучно разрешить любовную коллизию: для Джорджа любовь больше, чем только сексуальное влечение.

Этот человек видит и понимает уникальность культуры Турции. Многовековые традиции вызывают в нем уважение и позволяют переосмыслить себя и собственную жизнь. Халиде Эдип в своих произведениях часто прибегает к использованию представителей «иной» культуры: сравнение с другим, *чужим,* помогает ей объяснить особенности собственного национального характера. Создавая образы иноземцев, писательница наделяет их истинным интересом к турецкому образу жизни и за основу

характеристики персонажа часто берет нестандартное описание представителя той или иной культуры. Джордж Мартин, вернувшись в Стамбул, покупает дом и становится членом мевлевийского тариката. Нашедший истинное душевное равновесие именно в Турции американец является для автора выражением признания Западом Востока в качестве оплота высших ценностей и духовной мощи. Как символ знаний, нравственности и ума Джордж Мартин становится своеобразным образцом синтеза Запада и Востока.

В романе писательница поднимает одну из щепетильных для общества тем – о женщинах, сбежавших к другим мужчинам и оставивших детей на попечение мужей: это жены Шекипа Таша и Мехмета Аксоя. Отказ женщин от высокого долга материнства, их эгоистическое отношение к браку, забвение природных функций матери и защитницы домашнего очага сигнализируют о разрушении нравственных скреп в обществе. Писательница заостряет внимание на новом явлении общественной жизни – изменившемся типе поведения женщины.

Пьеса «Маска и дух»[179]

Была напечатана в журнале «*Йедигюн*» в 1937 г. под названием «*Духи в масках*» *(«Maskeli Ruhlar»*), а после того как в 1945 г. вышла отдельной книгой, в 1953 г. была переведена на английский язык под заголовком «*Masks or Souls*?»[180].

Пьеса «*Маска и дух*» – одно из самых загадочных в творчестве Халиде Эдип явлений, ибо и по жанру, и по содержанию она стоит особняком от романической прозы писательницы. Пьеса состоит из введения, пролога и четырех действий, включающих по 24 сцены. Халиде Эдип назвала это сочинение «пьесой-фэнтези». Исследователи добавляют к этому определению слово «ироническая», как бы указывая на то, что Халиде Эдип «использовала жанр фантастики с совершенно новой целью, сравнивая общую картину Турции и турка с частной и социальной жизнью в Акшехире» [181]. На наш взгляд, пьеса «*Маска и д*ух» является неким предвестником театра абсурда, который как новое направление драматического искусства появился в Европе лишь в 1950-е гг.

Сюжет пьесы вряд ли возможно пересказать, ибо он слишком абстрактен и сложен, события распространяются на четыре столетия:

XIV в., когда жил Ходжа Насреддин; XXI и XXII вв., а также на потусторонний мир, в котором оказываются персонажи и который времени лишен. Пространство, кроме Акшехира, Лондона, охватывает всякие необычайные места: «город машин и роботов» – Калопатью; рай; местность, предшествующую ему, – «Небесный свод». В пьесе использованы восточные и западные фольклорные и литературные мотивы, привлечены исторические и современные персонажи, такие как, например, арабский мыслитель Ибн Халдун (XIV в.), Хромой Тимур (1336–1405), Шекспир (1564–1616), 28-й президент США Вудро Вильсон (1856–1924), французские политические и государственные деятели Жорж Клемансо (1841–1919) и Аристид Бриан (1862–1932).

Перенос сцен в разные времена и пространства, участие исторических фигур разных столетий, эффектное использование цвета, костюмов, музыки, звукотехники и абсурдистских раздумий персонажей создают полифонию смыслов и многомерность восприятия этого фантастического сюжета. Этому же способствуют и суфийские стихи Йунуса Эмре, азан в чтении муэдзина исламского Пророка Биляла Хабаши, стихотворение Назыма Хикмета «Машинизироваться», цитирование Омара Хайяма, гамлетовская фраза «Быть или не быть», импрессионистские картины, грохот барабанов, ослиный рев, жернов, вставные ресницы, фраки, шапки, автомобили и многое другое.

К тому же основные события происходят в раю среди ангелов, хотя попавший туда Ходжа Насреддин тот же самый, каким был в бренном мире. Халиде Эдип верит в реинкарнацию, и поэтому ее герои снуют между земным и потусторонним мирами. Более того, в пьесе утверждается, что Ходжа Насреддин в прежнее свое явление на землю назывался Эзопом. Жители рая не знают времени, ибо такие понятия, как «месяц, год, век», присущи только преходящему миру. Если Ходжа убежден, что рай является своеобразным зеркалом тленного мира, то Шекспир, с которым он имеет особую дружбу, пессимистичен и чувствует себя неким «петухом-бродягой, принужденным до Судного дня копаться в помойке мыслей и чувств бренного мира».

Интересна авторская интенция, явленная в заглавии и реализованная в ходе развития сюжета и разрешения мнимого конфликта: антитеза «маска» – «дух» указывает на противопоставление бренности и вечности.

Тело человека, прикрывающее собой его душу, служит своего рода «маской», но за человеческие деяния в мире отвечает дух. Люди, забывающие о своей душе, поклоняются маскам, силе и богатству.

Шекспир хочет убедить Ходжу в том, что бренный мир – театр; жизнь – игра; человек, осел, обезьяна – маски, которыми снова и снова обмениваются игроки. Беседуя, Шекспир пьет виски, Ибн Халдун – кофе, Ходжа курит кальян. Обитатели рая создают своеобразные общины и сообщества, например, Шекспир – «поэт-представитель» «Общества по человеческим делам», председателем которого является Ибн Халдун. Конгресс «Общества по человеческим делам», на котором выступает Сократ, занят поиском способов спасения неустанно деградирующего человечества. У Ходжи нет особого статуса, ибо он прибыл на Седьмое небо для «получения удовольствия». Желающим вернуться в бренный мир предлагаются разные варианты «оживления», особенно эффективно с этим справляется «Общество по производству детей», вручающее новорожденным души умерших.

Шекспир и Ходжа Насреддин, отправленные на землю с особым заданием, прибывают туда в XXI в., Ходже передан дух секретаря посольства Турции в Лондоне Насир-бея, периодически мучающегося галлюцинациями от припадков малярии. Шекспир же принимает облик английского журналиста Шейка – друга Насир-бея. Эти два персонажа вместе возвращаются в Акшехир. Турция XXI столетия переживает большие противоречия, общество разделилось на два лагеря: поклонников Запада и защитников традиций и национальных ценностей. Первый лагерь, отрицая все прошлое, призывает начать с нуля «по-европейски», предлагает модернизацию в виде технологических революций, стихотворение Н. Хикмета «*Машинизироваться!*» – ее гимн, которому предложено обучаться с детства. Насир, сторонник защиты старины, собирается отправиться в город Калопатью, ставший центром роботов и машин, однако заболевает малярией и в галлюцинациях понимает, что причиной всех многовековых страданий человечества является дух, и хочет поскорее вернуться в рай. В Калопатье, где по воздуху носятся летающие такси, по воде плавают машины-каноэ, а дома электрофицированы, появляются три новых персонажа: председатель женских клубов Мария, генеральный директор воскресных школ Ольга и художник Карел – председатель «Общества прогрессивной молодежи Калопатьи». Они дискутируют о роли религии, о цивилизациях и о будущем мироздания.

Театральные деятели убеждены в невозможности постановки этой пьесы, чем и объясняется отсутствие спектаклей по этому произведению Халиде Эдип. Лишь в 2016 г. на XX Стамбульском театральном фестивале состоялось концертное исполнение пьесы, во время которого актеры-чтецы выходили на сцену с текстами ролей[182]. Адаптированный вариант пьесы был предложен для последующих постановок, так что есть надежда, что режиссеры обратят внимание на это сочинение Халиде Эдип, в котором поднимаются такие актуальные темы, как демократия, республиканское правление, лаицизм, войны, глобализация, приватное существование вне политики, свобода в принятии решений, выборе образа жизни, вероисповедания и самовыражения.

В этом тексте с лица самой Халиде тоже спадают маски – врага Ататюрка, защитника американского мандата, сабатаиста и т.п., – которые хотели надеть на нее различные политические и идеологические группы.

Кроме либретто «*Пастухи Кенана*»[183] и пьесы «*Маска и дух*», у писательницы было еще одно драматическое произведение под названием «*Кёсем Султан*», но, к сожалению, текст этой пьесы утрачен так же, как и сценарий «*Новый Туран*».

Сборники рассказов

Произведения Халиде Эдип в жанре рассказа собраны в четырех сборниках: «*Разрушенные храмы*» (*Harap Mabetler*, 1911), «*Волк на горе*» (*Dağa Çıkan Kurt*, 1922), «*Из Измира в Бурсу*» (*İzmir'den Bursa'ya*, 1963) и «*Приятный звук, оставшийся на куполе*» (*Kubbede Kalan Hoş Seda*, 1974).

В «***Разрушенные храмы***»[184] включены сентиментальные рассказы, которые печатались в газете «Танин» за подписью «Халиде Салих», а также ранее нигде не опубликованные стихотворения в прозе. Второе издание книги состоялось в 1924 г. Сборник отражает пессимистический настрой писательницы, переживавшей в то время семейную драму. Рассказы и стихи, главными темами которых стали одиночество, крах иллюзий и мечтаний, любовь, материнство, преданность, смерть, созданы под сильным влиянием поэта с мистическим мировосприятием Рызы Тевфика Бёлюкба-

шы, которого Халиде называла своим учителем. Название рассказа «*Разрушенные храмы*», вошедшего в этот сборник, позже вдохновило и самого Рызу Тевфика, написавшего одноименное стихотворение с посвящением Халиде Эдип, и опубликованное в журнале «*Тюрк Йурду*» в январе 1915 г.

Стихотворения в прозе отражают душевные переживания Халиде Эдип и в целом пронизаны жалобой на гегемонию мужчин. Женщины на начальном этапе творчества писательницы выглядят беззащитными, переживающими нищету и безысходность, не способными преодолевать жизненные невзгоды и потому ищущими разрешение проблем в самоубийстве. Молодая писательница критикует женщин, молча переживающих измену мужей, подчеркивая, что безмолвие в этой ситуации делает их еще более несчастными. Женщины, по мнению Халиде, слабы, ибо беспрекословно соглашаются на брак без любви, не борются за право выйти замуж за любимого человека. Из-за отсутствия воли и свободы выбора они подвержены болезням и суициду. Такие стихи в прозе и рассказы, как «*Руки», «Из воспоминаний моря» (1–3), «Тени покойных», «Жизнь в мечтах» «Из дневника одной грешницы» (1–3), «Истеричка», «Анонимные письма*» и др., описывают переживания именно таких героинь.

В стихотворении в прозе «*Руки*» лирическому герою во мраке пустоты является видение бесчисленных маленьких женских рук, заломленных в отчаяньи и в мольбе. Никто, кроме него, этого не замечает: «Та тайная сила, которая заставила вселенную умолкнуть в обмороке, держит всех женщин в глубоком сне». Рассуждая о тяжелой доле женщин в истории, писательница считает, что собственную трудную судьбу могут изменить лишь они сами, и доказывает это на примере сильных и идеальных женских образов.

В двух текстах «*Из воспоминаний моря*» лирическим героем становится море, призывающее в свои разъяренные волны несчастных женщин и готовящее им гибель. В первом рассказе уставшая от печалей, бед и горестей, лжи и душевных страданий Наленде, оставив маленькую дочь, бросается из окна своего обветшавшего дома в море. Во втором рассказе норвежская певица вместе со своим женихом тонет в море во время бедствия.

Рассказ «*Тени покойных*» навеян мистическими раздумьями. В музее Александрии лирический герой разглядывает скульптуры, скелеты и мумии. Тень мумии прекрасной Лукреции, жившей в правление императо-

ра Адрианусa, сопровождает его до выхода из музея и рассказывает ему историю своей смерти. Восхитительная Лукреция влюбилась в молодого служителя во дворце императора и тайно пробралась к нему в комнату, но была поймана императором. Тот предложил ей выбор: выйти замуж за безобразного греческого философа либо принять яд. Лукреция предпочла смерть во имя любви и выпила яд. Так гибнет женщина, лишенная мужчиной истинной свободы выбора, поскольку ей предлагаются не варианты жизни, а разновидности смерти.

В серии рассказов «*Из дневника одной грешницы*» повествовательница, представляющаяся как «воплощение жестокости», описывает свое состояние после смерти любимого мужа и в процессе поисков новой любви. Поскольку в них использован жанр дневниковых записей, эти рассказы обладают интимно-исповедальной тональностью. Героиня, описывает сентиментальный образ влюбленного в нее мужчины, «целующего ее взорами», «молящего и боготворящего ее». Но она не может, не имеет права ответить взаимностью на его любовь, поэтому через некоторое время чувство, возникшее в душе молодого человека, впервые испытавшего влечение к женщине, обречено. Хотя такая любовь «целомудренна и чиста», лирическая героиня чувствует себя грешницей, виновной в смертельном приговоре невинному чувству.

В рассказе «*Истеричка*» рассказывается история супружеской жизни воспитанной на «вредных» романах женщины, пережившей измену мужа и истерические припадки в поисках счастья.

В рассказе «*Жизнь в мечтах*» сравнивается душевное состояние двух обманутых мужьями женщин: турчанки, от имени которой ведется рассказ, и русской женщины Наташи из Петербурга. Турчанка жалеет больную Наташу, которая не может, как она, уйти от мужа.

Рассказ «*Анонимные письма*» описывает крах супружеской жизни любящих друг друга Нермин и офицера Маджита. Некто из близкого окружения Маджита в анонимных письмах сообщает об измене его жены, находящейся в то время у матери в Стамбуле, и он, поверив грязной клевете, избивает Нермин плеткой и убивает себя. Самоубийство Маджита на глазах толпы «свидетельствует» неверность Нермин, и она, не имея возможности доказать свою невиновность, вынуждена исчезнуть вместе с ребенком. Халиде Эдип критикует вековые общественные традиции, унижающие женщин.

В последней части сборника даны три «*Легенды о любви*», в которых такие известные в истории женщины, как Аштарт – возлюбленная вавилонского правителя – или индийская танцовщица, сводившая с ума самого Брахмана, погибают из-за своей красоты и любви, поскольку общество принимает их за ведьм.

Сопротивление женщины измене мужа описывается в рассказе «*Волшебный колодец*», опубликованном в 1912 г. в газете «*Танин*». В эпоху возвышения Османской империи Михримах Султан была выдана замуж за молодого пашу. Когда ее муж увлекся черкесской наложницей, она, использовав свою власть, повелела их обоих скинуть в колодец, который в дальнейшем стал последним пристанищем для немалого количества молодых пашей, изменявших своим женам с прекрасными черкешенками. Так власть имущая женщина становится невольной убийцей бедных наложниц. В этом рассказе писательница осуждает существовавшее в османском обществе обыкновение иметь наложниц, превращающее женщину в рабу мужчины.

Три рассказа под названием «*Из дневника Феридуна Хикмета*» стоят обособленно в сборнике «*Разрушенные храмы*», ибо в них впервые появляется образ «вестернизированной» женщины Медихи, которая с первым мужем Асымом побывала в Европе и в силу своей необразованности усвоила лишь внешние проявления западной культуры. Как уже было сказано выше, история Феридуна и Медихи в дальнейшем находит развитие в романе «*Последнее произведение*».

Если в рассказах первого периода творчества Халиде Эдип, где в центре находился отдельный человек со своими горестями и радостями, ощущалось стилистическое влияние литературного течения «Сервет-и фунюн» с уклоном в «искусство для искусства», то в сборниках «*Волк на горе*», «*Из Измира в Бурсу*» заметно усиление социального направления. Постепенно стиль изложения упрощается, в рассказах о реальных событиях народной борьбы за независимость красоте слога уделяется мало внимания – что, впрочем, вызывает справедливую критику литературоведов. Фазыл Ахмет Айкач, например, стиль рассказов Халиде Эдип сравнивает со «вкусной, но костлявой сардиной». Это отчасти объясняется влиянием движения национальной литературы за упрощение языка, «Йени лисан» (дословно: новый язык). Данное течение национальной литературы, возникшее в 1911 г.,

отличалось от других школ именно стремлением к созданию произведений на национальные темы, изложенных понятным всем, простым языком.

«Из Измира в Бурсу»

Сборник составлен из очерков, рассказов и писем Якупа Кадри, Халиде Эдип, Фалиха Рыфкы и Мехмета Асима, являвшихся членами государственной комиссии «Теткик-и мезалим», инспектировавшей притеснения местного населения со стороны греческой армии, и объездивших всю Анатолию, освобожденную от интервентов, фиксируя преступления на местах их совершения. В рассказах, вошедших в сборник, писатели использовали единый документально-публицистический стиль изложения.

В рассказе Фалиха Рыфкы «*Наша тревога*» греки безуспешно пытаются заставить одного турецкого мальчика кричать «зито». Этим приветствием в значении «да здравствует!» национальное меньшинство Измира радостно встретило оккупацию города греческой армией. Подобная картина описывается и в рассказе Халиде Эдип «*Не бей, Фатьма!*» (*Vurma Fatma*). Греческий солдат Янако Димитриадиас, до войны бывший сапожником, вступив в армию, быстро сделал карьеру. Его любимым развлечением стало пытать людей. Находясь в Измире, он поставил себе цель найти некую Фатьму, носящую кольцо с изумрудом. Отыскав, он убил ее и отрубил на память палец. Спустя одиннадцать месяцев голод вынудил его пойти в село, где озлобленные крестьяне разорвали его на части. Последними словами Янако были: «Не бей, Фатьма! Не бей, Фатьма!»

Халиде Эдип свои рассказы, которые ранее печатались в разных газетах и журналах, в 1922 г. издала отдельной книгой под названием «*Волк на горе*». Эти новеллы, имевшие отношение к Первой мировой войне и борьбе турецкого народа за независимость, объединяет одно свойство: для убедительности изложенных в них событий Эдип подписывалась как «Халиде-онбашы» (капрал, ефрейтор). Таким образом, поместив себя в качестве одного из персонажей в сюжеты сборника, Халиде Эдип передала собственные наблюдения и размышления о конкретных событиях, которым была свидетелем, и об исторических личностях, с которыми встречалась. Хотя писательница пытается придать этим рассказам вид документальных свидетельств, это все же не совсем так, поскольку в них неоспоримо присутствиет творческое воображение автора. Халиде Эдип

претендует на «ненадуманность» сюжетов, особенно в эпизодах, передающих боль и страдания народа, – эти события и люди объединены идеей общего и славного исторического прошлого. Автор стремится к тому, чтобы читатель не сомневался в реальности описанных ею ситуаций, хотя заметна определенная идеализация героев, особенно женщин и детей, храбро противостоявших сильной армии интервентов. Страдания детей, которых Халиде Эдип видела собственными глазами в Сирии в период Первой мировой войны и в Анатолии в период борьбы за независимость, стали объектом ее особенного внимания. Эффект непосредственного присутствия автора возникает благодаря тому, что писательница, как правило, открыто выражает свое отношение к происходящим событиям, наделяет героинь собственными чертами, а иногда повествует и о себе.

В рассказе «*Из моих знакомых детей*» (*Tanıdığım Çocuklardan*) Халиде Эдип излагает историю Рустема, схожую с судьбой Химмета. Девятилетний Рустем, чей отец ушел на войну и не вернулся, вынужден ухаживать за больной матерью и младшими братьями. Он зарабатывает уличной торговлей газетами. С тех пор писательница, увидев на улице продавца газет, всегда вспоминает маленького Рустема.

И. Энгинюн группирует деятельность турецких женщин в период национально-освободительной войны в такой последовательности: 1) женщины, оставшиеся на оккупированных территориях, которые призывали мужчин защищать их от насилия и угнетения; 2) женщины-герои, взявшие в руки оружие и присоединившиеся к партизанам; 3) женщины-активисты, которые занимались пропагандой для пробуждения широких масс к борьбе против оккупантов, открывали различные общества взаимопомощи и т.д.; 4) женщины высшего света, не понявшие истинного смысла противостояния оккупантам. Все эти категории женщин так или иначе нашли свое воплощение в романах и рассказах Халиде Эдип.

Вне всякого сомнения, женский вопрос во всех своих проявлениях относится к «непарадной» стороне войны. Примечателен в этой связи рассказ «*Капрал Мустафа*» (*Mustafa Onbaşı*), который, возможно, сознательно не упоминается в исследованиях турецких литературоведов: Халиде Эдип повествует о тех одиноких женщинах, которые сами выбирают себе мужей из солдат, временно находящихся у них в селе. Это явление писательница описывает с пониманием тогдашней ситуации: из-за войны в анатолийских

селах многие женщины вдовствовали или оставались без мужей, поэтому было немало случаев заключения браков между ними и молодыми, крепкими воинами, квартировавшими в их домах. Считая это явление вполне нормальным, повествовательница рассуждает: «Даже самые кровавые, самые несчастные времена и мрачные места в мире не могли стать препятствием для любви между людьми, в чьих венах кипела кровь, а в груди билось сердце»[185]. Переселенка из Румелии Гульсюм приходит к капралу Халиде с просьбой от себя и некоторых селянок помочь им получить у строгого командира разрешение на оформление браков с полюбившимися солдатами. Просительниц не смущают подозрения, что солдаты могут быть уже женаты или бедны, – женщины решительны и уверены в себе: «Если солдат не может меня прокормить, я буду его кормить, что тут такого!» Их просьба удовлетворяется. «Однако счастливое событие на этом не закончилось, – продолжает автор. – Спустя пять-шесть месяцев я снова оказалась в Анкаре. Приходила в себя после сильного приступа малярии.

Из села Солфасол пришли навестить две женщины. Одна – высокая и сухощавая матушка, другая – полненькая, краснощекая женщина. У пожилой женщины было дело ко мне: чтобы женить сына, обрученного уже четыре года назад, просила отпуск для него. Армия и так стала давать два месяца отпуска на женитьбы, поэтому достаточно было соблюдать условия. Пока я разговаривала с пожилой женщиной, молодая селянка сидела, неподвижно и равнодушно играя пальцами.

– От твоего хозяина нет вестей? – спросила я.

– Пять месяцев как не пишет.

– Как бы не женился!

Руки опустила на колени, посмотрела мне в лицо и покачала головой. Потом вытащила из груди последнее его письмо. Медленно сказала:

– Четверо детей у меня, девятый месяц беременности, разве может быть такое?

Посмотрела я на данные в бумаге. Это был тот капрал Мустафа, которому я получила разрешение у командира и доктора для заключения брака с Гульсюм.

Когда женщины уходили, по моей спине прошла холодная дрожь, как будто возобновилась малярия, я закрыла глаза и сказала: “Пусть Аллах простит их грехи”»[186].

Очевидно, сюжеты многих рассказов основаны на личном опыте писательницы, а воспроизводимые ситуации мыслятся как субъективные, базирующиеся на собственных переживаниях. Авторское начало ярко выражено благодаря тому, что Халиде всегда откровенно выказывает свое отношение к изображаемым событиям и порой дает героиням черты характера, свойственные ей самой.

Обособленно стоит рассказ «*Волк на горе*», давший название всему сборнику и впервые напечатанный в «*Большом журнале*» в 1919 г. Он написан под влиянием популярной тогда среди турок поэмы француза Альфреда де Виньи (1797–1863) «*Смерть волка*»[187]. Образ гордого волка усиливал революционный дух турок, по поводу чего поэт Яхъя Кемаль восклицал: «Виньи словно описал нашу историю! Волк – это наша погибшая армия, волчица – Анатолия-мать, детеныши волка – дети из провинций Инёню и Думлыпынар, повторяющие урок, полученный от оставшейся вдовой матери»[188]. Вскоре Яхъя Кемаль опубликовал рассказ «*Волчица и ее детеныши*», где использовал основную идею поэмы де Виньи, описав самоотверженную защиту волком своих детенышей и волчицы от охотников с собаками[189]. Халиде Эдип была под впечатлением от эмоциональных выступлений Яхъи Кемаля в турецкой прессе и посвятила ему свой рассказ.

«*Волк на горе*» был написан в тот самый мрачный исторический момент, когда Турцию по условиям Мудросского соглашения ожидал беспощадный раздел между империалистическими государствами. Поэтому главная цель автора рассказа состоит в обращении к нации с призывом к действиям в защиту родной земли, доставшейся от предков. В тюркоязычных легендах говорится о кровной связи волка с человеком и о том, что само тюркское племя произошло от волков. Главная функция тотема в этих легендах заключается в помощи выбора пути и нахождении пригодного для проживания места.

Халиде Эдип также опирается на бытующие у населения легенды и дастаны о Бозкурте и Эргеноконе. Согласно мифу, Бозкурт появляется в судьбоносные для тюрок моменты. Однажды враги истребили весь тюркский род, остался лишь один изуродованный десятилетний мальчик. Волчица выкормила его и позже стала ему женой. Враги убили юношу, однако волчица убежала в горы и в пещере родила десять сыновей, которые потом женились на женщинах из племени горцев и основали свой род.

Рассказ «*Волк на горе*» ведется от имени мальчика, услышавшего от матери легенду о волке. Пребывая между сном и явью, голодный ребенок, чей отец погиб на войне, находится под эмоциональным впечатлением от этой истории. Они с матерью живут в тяжелейшее время: армии победивших держав грабят и разоряют страну, гаснут домашние очаги, люди мрачны, и не на что им надеяться. Вдруг мальчик чувствует, что превращается в одного из героев мифа: «Меняется мое нутро, пальцы рук обрастают когтями, челюсть удлиняется, глаза горят, истошный вой, непохожий на человеческий вопль, вырывается из пасти и доносится до кладбища»[190]. Одновременно с мальчиком-волком воет волчица, взывающая к Бозкурту – отцу оставшегося без защиты волчонка. Неожиданно перед глазами ошеломленного рассказчика появляется раненый волк. Этот крупный и наводящий ужас зверь символизирует погибшего за отчизну воина – отца мальчика. Он вынужден уйти из леса в горы и дожидаться возможности возвращения.

Своеобразным продолжением сюжета о мифологическом предке турецкого народа является рассказ-рассуждение «*На родине волка*» (*Kurdun Memleketinde*), где автор делится своими воспоминаниями о кинопросмотре в одном из кварталов Вены. Название фильма «На родине волка» уводит мысли Халиде в анатолийские степи, которые она считает прародиной этого животного. Вводя известную мифологему одинокого, мудрого, храброго волка в свои тексты, писательница одновременно переосмысляет ее значение как символа достоинства, мужества, доблести и свободы и печалится о судьбе родины, похожей на взорванную динамитом волчью нору, как это было показано в фильме: «В темноте в углу одного из уличных кинотеатров Вены я, как простая анатолийская женщина, беззвучно плакала»[191].

Этим сочинением производится тематический переход к последней части сборника «*Волк на горе*», куда включены путевые заметки Халиде Эдип, внешне не имеющие отношения к войнам. Они содержат зарисовки и наблюдения, зафиксированные автором во время посещения городов, театров и музеев Греции, Италии, Австрии. В связи с болезнью в 1924 г. Халиде поехала в Вену и свои впечатления о поездке в виде писем отправляла в газету «*Вакит*». В первых зарисовках она признается в любви к Стамбулу, сетуя на недостаточность своего литературного таланта для

полноценного его описания. Более удачливым в этом отношении Халиде считает Ахмета Расима (1864–1932), создавшего прекраснейшие стамбульские зарисовки.

По дороге Халиде живописует Афины с античными скульптурами, Салоники, реку Вардар. Особенно поражает ее Венеция, ассоциирующаяся у нее с Байроном, Жорж Санд, Шелли. Описывая музеи Вероны, писательница пространно рассуждает о средневековой культуре Европы. Восхищаясь красотой увиденного, Халиде Эдип не может освободиться от тяжелых воспоминаний о фронте, ее сознание то и дело возвращается в Анатолию, к сожженным селам, несчастным женщинам и сиротам. С прибытием в Тироль путевые заметки заканчиваются.

Сборник ***«Приятный звук, оставшийся на куполе»*** [192]

Вышел в 1974 г., в него вошли произведения разных лет. Рассказ, давший свое название книге, был опубликован в журнале «*Йедигюн*» в 1938 г.

Халиде Эдип, обладавшая музыкальным вкусом и глубоко понимавшая турецкую мелодическую традицию, в этом фантастическом рассказе рассуждает об опере. Влюбленный в Стамбул торговец-мультимиллионнер после посещения в Европе оперного спектакля о жизни старого городка задумывается о создании оперы, посвященной Стамбулу. Он объявляет конкурс на лучшее музыкальное сочинение в этом жанре, пообещав отдать за него весь нажитый капитал – и при этом скромно утаив свое имя. Наконец, наступает 1956 г., и в парке Гюльхане должен пройти отборочный конкурс на лучшую оперу о Стамбуле. В парк для прослушивания стекается народ. Первое сочинение, написанное для квартала Молла Гюрани, больше походит на танго с Гавайских островов, поэтому не воодушевляет слушателей. Другие оперы, по звучанию напоминающие модные в то время американские танцы с неприличными движениями, в сопровождении элементов джазовой музыки также не производят впечатления на публику. Но всех очаровывает последняя из представленных сочинений – опера под названием «Приятный звук, оставшийся на куполе». Родные мелодии и звучание народного инструмента саза приходятся по душе стамбульцам, они узнают в этой опере и голоса утренних петухов, и звуки азана, и голоса уличных торговцев и гогойджу (собирателей милостыни в месяце мухаррем), и заунывные народные песни, и колыбельные. Внимая аку-

стическому образу Стамбула, люди углубляются в воспоминания, получая удовольствие от знакомой и в то же время оригинальной музыки.

Используя вымышленный сюжет, Халиде Эдип в своем рассказе поднимает злободневную тему о создании турецкой национальной оперы и современного композиторского искусства, основанного на традициях народной музыкальной культуры.

Рассказ «*Три сцены из одной жизни*», включенный в этот сборник, впервые был напечатан в «*Семейном журнале*» (*Aile Mecmuası*) в 1947 г. Композиционно он разделен на три «сцены из жизни» Селима Сурури Севинча. В первой части даны детские воспоминания героя, жившего в маленькой квартирке в стамбульском районе Лалели. Отцу его Атыфу было 32 , матери Фульйа – 23, самому Селиму три-четыре года. Атыф, честный, спокойный, старательный человек, работает ассистентом в университете и пишет диссертацию. Мать – молодая, увлеченная модой женщина, далекая от планов и идеалов мужа. Это разные люди, живущие под одной крышей. Фульйа считает себя достойной лучшей жизни, обожает роскошь, тратит много денег на косметику и наряды, муж же старается угодить ей, перебиваясь небольшими подработками. Однако Фульйа не ценит его стараний, ей неинтересны ни увлечения мужа, ни маленький сыночек, который только с приходом отца вспоминал о матери, потому что без него они практически не общались. Если Селиму что-то было нужно, он говорил об этом работнице-поденщице, мать же, казалось, и вовсе не знала о его существовании. Целыми днями пропадавшая неизвестно где Фульйа, находя отговорки, постепенно перестала ночевать дома...

Подозрения мужа подтверждаются: в один прекрасный день она собирает свои вещи, оставляет в руках сына письмо для его отца и уходит к другому – более богатому. Это событие оставляет глубокую рану в сердце маленького Селима, которому всю жизнь будет недоставать материнской любви.

Вторая часть рассказа повествует о тяжелой жизни отца и сына. В первое время было им особенно трудно, поскольку Фульйа не оплатила долгов по электричеству и газу. Оставшись без света и тепла, отец и сын сидят дома при свечах и питаются хлебом с сыром. Так и не сумев защитить диссертацию, Атыф отказывается от своих планов и целиком

посвящает себя воспитанию сына: помогает ему готовить уроки, по воскресеньям водит в кинотеатр. Поскольку зарплаты ассистента не хватало на жизнь, Атыф переходит бухгалтером в одну компанию. Спустя годы Селим успешно заканчивает лицей и поступает в университет, постепенно приближаясь к цели, которой не достиг его отец: к занятию наукой и защите ученой степени. Когда отец спрашивает о его матримониальных планах, тот отвечает, что женится только после того, как станет приват-доцентом.

В третьей части рассказа Селим Сурури, являющийся ассистентом в университете, женится на умной и красивой бывшей однокурснице Ульвийе Гюнеш. Этому больше всех радуется отец, ибо добросовестная Ульвийе – полная противоположность Фульйе, и отец уверен, что эта девушка обязательно поддержит сына во всех его благих начинаниях. Брак Селима и Ульвийе – равных в культурном отношении, воспитанных в одинаковых ценностях, любящих друг друга молодых людей – преподносится как идеальный союз.

В финале рассказа происходит случайная встреча сына с матерью, но Фульйа не узнает Селима и, проходя мимо него под руку с господином с тростью, смеясь, говорит: «Если б ты знал, как этот молодой человек похож на моего бедного мужа номер один!»[193]

Среди рассказов Халиде Эдип есть и посвященные полигамии. В рассказе «*Сошедшее из уст*» (*Ağızdan Çıktığı Gibi*) автор описывает гордую женщину, которая после того, как ее муж привел в дом вторую жену (кума), ушла из дома и устроилась служанкой в Стамбуле, но смогла воспитать своего ребенка и чужих детей.

Рассказ «*Преступление одной молодой девушки*»[194] датирован 1961 г. Описывается судебный процесс, на котором молодую девушку Шизию обвиняют в убийстве подруги. Муж убитой Супхийе рассказывает историю преступления и просит не приговаривать Шизию к смертной казни, ибо он чувствует собственную причастность к преступлению: в молодости он был влюблен в Шизию, долго ухаживал за ней, но, так и не дождавшись взаимности, женился на ее подруге. Из-за врожденной скромности скрывавшая свою влюбленность Шизия, ревнуя его к жене, насмехавшейся над ее страданиями, убивает ее. Писательница сравнивает суд со сценой, на которой разыгрывается спектакль с чередующимися эпизодами защиты и обвинения.

Мемуары. Публицистика. Переводы

Мемуаристика для Халиде Эдип стала жанром, позволившим ей понять важнейшие параметры своего внутреннего мира как особого культурно-исторического опыта с определенным типом мировосприятия, системой ценностей и моделью поведения. Основными причинами обращения Халиде Эдип к воспоминаниям, которые были написаны в пору пребывания писательницы за рубежом, послужили не только политические нападки и оговоры, периодически доходившие до нее из Турции, но и желание приоткрыть свой внутренний мир, истоки нравственного самосознания.

В современных литературоведческих исследованиях женские мемуары все чаще воспринимаются как способ познания себя и мира, отражение личного эмоционального опыта автора. Они позволяют судить о представлениях и ценностях, психологии и мироощущении, поведении и образе жизни, круге общения и интересах мемуаристки, реконструировать основные этапы ее жизненного пути, выявить гендерные особенности ее менталитета[195]. Автобиография, состоящая из двух книг – «*Дом с глицинией»*[196] и *«Испытание турка огнем*», – позволяет реконструировать основные этапы жизненного пути Халиде Эдип.

«Дом с глицинией» печатался в 1956 г. в газете «*Йени Истанбул*» («*Новый Стамбул*»), в 1964 г. вышел отдельной книгой и стал одной из наиболее известных, классических автобиографий в современной турецкой литературе. Основу текста составляет англоязычная книга *Memoirs of Halide Edib*, изданная в 1926 г. в Лондоне, однако Халиде Эдип в турецкий вариант внесла заметные изменения.

Книга охватывает период с 1880-х по 1918 г., то есть детские и юношеские годы Халиде до начала национально-освободительной войны. Повествование разделено на две части: первая, обширная, часть (12 глав), напоминающая семейную хронику, доходит до 1916 г.; вторая часть (1916–1918 гг.), краткая – можно сказать, тезисная, – содержит всего одну главу «Сирия и арабские области», за которой следует «Эпилог». События происходят в разных районах Стамбула: Бешикташ, Йылдыз, Сулейманийе, Эюп, Ускюдар, а также на территории таких стран, как Ливан, Сирия, Ирак, Израиль, Англия.

В этом произведении турецкий литературовед Г. Алпарслан выделяет четыре образа автора: 1) Халиде, рассказывающая историю жизни Халиде Эдип, – это маленькая девочка, потом девушка, жена, мать, начинающая и набирающая популярность писательница, наконец, опытная женщина, взявшая на себя ответственность за всех членов семьи; 2) повествовательница Халиде, ставшая известной писательницей и вспоминающая свое прошлое; 3) писательница Халиде, анализирующая причинно-следственные отношения произошедших событий и явлений; 4) писательница, создающая свою биографию; прекрасно понимающая свою цель; осознающая время, отделяющее прошлое от настоящего; контролирующая собственные мысли, очерчивая конкретные границы событий и эмоций[197].

Все эти образы позволяют судить о представлениях и ценностях, психологии и мироощущении, поведении и образе жизни, круге общения и интересах Халиде Эдип. Смутные воспоминания раннего детства – образ матери, ее смерть, первые годы жизни и эпизод, когда маленькая Халиде, плача, требовала отвести ее к отцу, и среди ночи ее привели в султанский дворец, – все это передается от третьего лица в «рассказе маленькой девочки». Так, дистанцируясь от собственного «я», Халиде повествует об испытанных ею чувствах страха, горя, скуки, одиночества, то есть о незабываемых детских травмах и стрессах. Некоторые немногочисленные эпизоды связаны с матерью: например, цвет носилок, на которых вынесли ее безжизненное тело, въелся в память маленькой девочки, навсегда став для нее «самым противным» на свете. Запомнилось Халиде и многое другое, например, первое посещение общественной бани, после которого она больше никогда туда не ходила; жизнь с мачехой в другом доме, где девочка испытала чувство покинутости и собственной ненужности; страстная привязанность к Кире Элени в детском саду для христианских детей.

События, которые Халиде помнит отчетливо, описываются ею уже от первого лица. Мемуаристка сосредоточена на изображении процесса собственного духовного развития, и тут внимание обращается не только на внешние события, но и на внутреннюю жизнь: переживания различных семейных ситуаций, отношения с родственниками, учеба в колледже-интернате, размышления о браке и т. д. Главной движущей силой повествования является не динамика сюжета, а прямо высказанная аналитическая мысль, нередко принимающая субъективно-публицистическую форму.

В первых трех частях, которые можно назвать семейной хроникой, одним из самых светлых и симпатичных персонажей является бабушка по материнской линии, сохранившая нежность чувств и благородство характера. Она организовывала для детей пышные праздники, оставаясь потом «в долгах, как в шелках». Собственная жизнь героини рассказана как часть истории семьи, где преемственность семейных традиций определяла модель поведения человека. Мемуаристке свойственно пристрастное восприятие описываемых ею людей, что не только обусловливает внутренний пафос воспоминаний, но и определяет ракурс изображаемых лиц, выбор нужной интонации.

Характеристики окружающих людей (мачеха Лютфийе-ханум, внешне напоминавшая родную мать, иностранные учителя музыки и английского языка, сводные сестры) создают подчас отчетливое представление о личности самой Халиде, ее взглядах, симпатиях-антипатиях и позволяют увидеть в мемуарах выражение ее жизненной позиции.

Особенно значимые образы (дом с глицинией, отец, бабушка и дедушка, мачеха, прислуга) способствуют раскрытию собственного «я» Халиде, выявлению психологических процессов, сыгравших важную роль в формировании ее личности.

В «*Доме с глицинией*» Халиде тоскует по детству. Дом, где выросла Халиде, давно сгорел, и невозможно его восстановить, однако его образ живет в памяти, превратившись в символ детства. Для ранних впечатлений героини характерно самоотождествление с теплым, гармоничным, соприродным началом. В памяти ребенка концепт «дома» ассоциируется с «домом» с глицинией, не покидающим ее снов на протяжении жизни: «Окна, которые смотрят в сад, что сзади, узкие и длинные окна на площадке с двойными лестницами, целиком и полностью увешаны глицинией, и при закате солнца стекла посреди этих цветов сияют, представляя огненные картины»[198]. Живые картины первых впечатлений от соприкосновения с природой переданы автором красочно и эмоционально.

Способами самораскрытия образа героини являются автохарактеристика и оценка окружающего мира, его социально-культурных феноменов: Халиде росла болезненной и замкнутой девочкой, единственную до колледжа подругу она любила за то, что та не задавала вопросов, ибо каждый вопрос казался ей «агрессией, насильственно открывающей ее душу»[199].

Застенчивость и боязнь многолюдья Халиде смогла преодолеть лишь после поступления в американский колледж.

Строя воспоминания как последовательное жизнеописание, Халиде Эдип рассказывает о процессе формирования в себе женского «я». Такую сосредоточенность мемуаристки на изображении процесса собственного душевного развития можно объяснить ее последующим увлечением феминизмом. Возможно, это стало следствием появления в доме двух мачех, отношения к ним домочадцев и т. д., что вызвало у девочки чувство ненависти к многоженству.

Халиде Эдип оставила за собой право не описывать или умалчивать о некоторых эпизодах своей биографии. Так, например, скудны сведения о начале ее отношений с Зеки Салихом, об их совместной жизни, рождении детей. О девяти годах замужества и причинах развода сообщается буквально в нескольких сдержанных предложениях[200]. Жесткий самоконтроль чувствуется и в сообщениях о собственной болезни после разрыва с мужем. Используя формулировки «буду краткой», «не буду вдаваться в подробности», Халиде дает понять читателю о своем нежелании откровенничать об отдельных моментах своей биографии. Так «публичное Я заслоняет приватное»[201].

Самоконтроль постепенно усиливается от главы к главе. Как только рассказчица обретает новый возрастной и социальный статус, стиль сочинения меняется и, наконец, превращается в текст, созданный женщиной-писательницей, завоевавшей определенную известность в обществе и постоянно находящейся на виду у публики. Поэтому в дальнейшем в «*Доме с глицинией*» уже не прочитать о душевных противоречиях и сомнениях, мемуаристка твердо руководит повествованием, воспоминания полностью находятся под ее контролем – и невозможно узнать, насколько они правдивы.

Халиде Эдип в этих мемуарах презентует себя компетентным писателем не только в отношении того, какой фрагмент своей жизни можно, а какой не стоит рассказывать читателю, но и в свободном выборе объема, времени и способа изложения отдельного факта или явления. Поэтому «*Дом с глицинией*» – это не только плавно текущие воспоминания и исповедь о становлении и эволюции духовного мира автора, но и хорошо организованный художественный текст писателя, полностью себя контролирующего.

В мемуарах хорошо продуманы несколько стратегических моментов, ибо Халиде Эдип, достигшая сорокалетнего возраста, оглянувшись на свое прошлое, берет из него оставшиеся в памяти эпизоды детства и юности, которые теперь описывает с позиций писательского и возрастного опыта, которым обладает. Более того, прекрасно понимая, чем можно заинтересовать читателя, а о чем надо умолчать, она определенным образом выстраивает текст.

«Испытание турка огнем»

Вторая часть воспоминаний Халиде Адывар охватывает время с конца Первой мировой войны до объявления Турецкой Республики. По стилистике и эмоциональности эти мемуары серьезно отличаются от «*Дома с глициниеи*»: основное внимание в них уделено историческим и политическим событиям, в водовороте которых находится мемуаристка. Среди них английская оккупация Стамбула, тяжелое послевоенное состояние населения, жесткая цензура печати, близость султана к англичанам, роспуск кабинета министров, оккупация Измира греческой армией, приостановка деятельности разных общественных организаций, митинги в Стамбуле, где Халиде Эдип говорила: «Правительства – наши враги, нации – наши друзья, справедливый бунт в наших сердцах есть наша сила», отступление Мустафы Кемаля в Самсун, тайный уход патриотов-националистов в Анатолию, формирование партизанских отрядов. Описан тяжелый путь длиною в 11 дней из Стамбула в Анкару, где на железнодорожном вокзале Халиде и Аднан-бея встретили Мустафа Кемаль и народ. Далее следуют конгрессы в Эрзеруме и Сивасе, формирование 23 апреля 1923 г. Великого Национального Собрания, председателем которого стал Мустафа Кемаль. Организация действующей армии, ультиматум со стороны стамбульского правительства, бои с греческой армией в Эскишехире и Сакарье, работа Халиде в госпитале Красного Полумесяца, избрание Мустафы Кемаля главнокомандующим армией, победа над врагом, подписание мирного договора, конец войны, деятельность Халиде в комиссии Теткик-и мезалим. Здесь важно изображение исторических личностей, с данными им характеристиками, возвращение Халиде Эдип, гордой и радующейся освобождению родины от интервентов, в Стамбул к своим детям, которых она оставляла на попечение сестре Махмуре.

Это сочинение Халиде Эдип тесно связано с романом «*Огненная рубашка*» и сборником рассказов «*Волк на горе*».

Поводом, подтолкнувшим Адывар написать вторую часть мемуаров на английском языке, многие считают издание в 1928 г. «Речи» Мустафы Кемаля, где он затронул историю с американским мандатом на Турцию. Якобы, не приняв критику в свой адрес, Халиде Эдип на следующий день приступила к изложению событий со своей точки зрения. Однако существует другая версия, по которой эти воспоминания были начаты еще в 1920 г., после напряженного разговора, произошедшего между Халиде и Ататюрком, когда он потребовал беспрекословного подчинения себе, а Халиде не согласилась на это[202]. Это был переломный момент в отношениях близких соратников. Неадекватное на первый взгляд поведение Халиде с лидером одни пытаются объяснить ее привычкой властвовать над мужчинами (М. Урган); другие – столкновением «романтического женского мировидения с реалистичной линией поведения мужчины» в тяжелых условиях войны (И. Энгинюн); третьи склонны видеть непреклонность характера Халиде в целом, она остро реагировала на любую попытку покушения на личную свободу и защищала свою независимость от требования абсолютного подчинения (А. Унлю)[203]. Как бы все это ни было, разногласие между Ататюрком и Адывар способствовало появлению целого лагеря неприятелей Халиде, которые в 1970 г. разбили ее скульптурное изображение на второй день после установки его на площади Султанахмет и до сих пор не могут простить ей «ослушания» лидера, а также почему-то приписываемого исключительно ей пресловутого «американского мандата».

Изложившая на английском языке свою позицию и видение этих событий Халиде Эдип спустя годы в турецком варианте многие моменты опустила или заметно смягчила интонацию. По мнению А. Унлю, применяя в турецкой версии мемуаров автоцензуру, Адывар опиралась, с одной стороны, на социополитические условия того времени, с другой – желала предстать перед турецким читателем в более выгодном свете[204]. Если в первом случае она приглушила критику режима и Ататюрка, то во втором – работала над образом «знаменитой женщины», отодвинув на второй план такие приватные житейские моменты, как замужество, материнство, личная жизнь, и показав себя «женщиной-героем».

Хотя Халиде-ханум сделала много для просвещения женщин в Турции и боролась за их права, она никогда не объявляла себя феминисткой, и ее «отношение к феминизму в лучшем случае оставалось скептическим»[205].

Литературные переводы

Являясь первым профессором-женщиной в Турции, Халиде Эдип во время занятий со студентами английской филологии переводила на турецкий язык сочинения Шекспира. Эти переводы потом были опубликованы: «*Гамлет*» (вместе с В. Тураном, 1941), «*Как вам это понравится*» (1943), «*Кориолан*» (1945), «*Антоний и Клеопатра*» (вместе с М. Урган, 1949). О Шекспире Халиде говорила: «*Что мне дал Мухаммад по основам религии, то же самое в искусстве дал Шекспир…*»[206] По воспоминаниям одной из ее учениц Л. Пулджу, единственное, что не нравилось Халиде-ханум в творчестве Шекспира, – это трагедия «*Отелло*», которую она считала «вульгарной».

Халиде Эдип были также переведены на турецкий язык «*Скотный двор*» (1945) Дж. Оруэлла, «*Таинственный город*» (1928) Х. Уолпола; с французского на английский – «*Ислам*» Г. Массе (1938). Она начала переводить монографию Гибба «*История османской поэзии*», но не закончила, успев выпустить лишь первый том (1943).

Хотя и была антикоммунисткой, Халиде любила творчество Назыма Хикмета и перевела на английский язык его сочинение «*Почему Бенерджи покончил с собой?*» (*Why did Benerci kill himself?*). Также известно, что, находясь в Индии, она перевела отдельные его стихи на английский язык и опубликовала в газете *Bombay Chronicle*[207].

В число переводов Халиде можно включить и книгу «*Обучение и воспитание*» (1912), составленную из сочинений разных авторов, а также труд Флоры Анни Стил «*Бабур шах*» (1914).

Из своих художественных произведений на английский язык Халиде Эдип перевела «*Бесконечную ярмарку*» и «*Вращающееся зеркало*»; «*Волк на горе*» был ею переведен на французский. Пьеса «*Маска и дух*» была переведена на английский язык как «*Masks or Souls?*».

В статье «*Роль перевода в литературе*» Халиде Эдип утверждала, что лучше быть хорошим переводчиком, чем плохим писателем, и вступала в полемику в периодической печати о языке своих переводов.

Интервью

Нами обнаружены два интервью с Халиде Эдип в периодической печати. Первое из них относится к начальному периоду ее творчества: Рушан Эшреф Унайдын[208] беседовал с ней в 1916 г., когда только-только начиналась ее слава. Интервью Адиле Айды, опубликованное в газете «*Джумхурият*» в 1947 г., представляет Халиде Эдип уже сложившимся писателем.

В своей любви к писательству Халиде признается так: «…Я писала, словно птичка поет. Писать – самое большое наслаждение в моей жизни. И ни в коем случае не думала о славе. С детства во мне жила охота к искусству, которая просилась наружу. Еще ребенком я писала рассказы и сама же, как актриса, их играла»[209]. Беседуя с ней, Р. Э. Унайдын восхищается простотой ее стиля и спрашивает о способе подбора слов и трудностях составления предложений во время письма. В ответ на это Халиде Эдип сознается, что абсолютно не занимается подбором слов и «пишет легче, чем разговаривает», что после завершения сочинения редко вносит правку в текст и почти не перечитывает написанного. Унайдын, комментируя незаинтересованность Халиде-ханум «ювелирной обработкой» текстов, сравнивает ее с поэтом Абдулхаком Хамидом (1852–1937), который также оставлял как есть свои первоначальные тексты. Кстати, в этом интервью Халиде сообщает, что пишет стихи в прозе, однако на эту сферу ее творчества мало кто из турецких исследователей обращал внимание. Девять таких стихотворений в прозе были включены в сборник «*Разрушенные храмы»*. Также мы обнаружили одно пессимистическое стихотворение под названием «*Смерть*»[210], видимо, оно относится к последним годам жизни: «Откуда появился этот гроб, что я делаю внутри него? И эта толпа… все лица знакомы мне…»

Процесс создания романов как акт творчества Халиде Эдип сравнивает с кризом, переживаемым во время болезни: после составления в голове плана сюжета произведения она, уединившись, пишет без сна и отдыха, словно в лихорадке. Помимо тишины, обязательным условием для творчества является наличие «нескольких пачек сигарет и много-много кофе». А в конце работы, признается она, чувствует такое опустошение, что порой охватывает страх, что больше никогда и ничего уже не сможет написать. Наиболее любимыми авторами и книгами она называет Байрона, Шекспира и Евангелие, чтит Диккенса, Мопассана, но своим идеалом счи-

тает Эмиля Золя. Из турецких писателей наиболее интересным ей кажется Яхъя Кемаль (1884–1958), которому она сулит великую славу.

Адиле Айда встретилась с Халиде Эдип на факультете Стамбульского университета. Изумившись оценке, данной писательницей своим романам начального этапа творчества как «недостойным внимания» (*beş para etmez* – никуда не годится)[211], А. Айда спрашивает об их, по ее мнению, недостатках. Признавая популярность этих романов у читателей, Халиде Эдип указывает на их односторонность, узость, субъективность, организацию событий вокруг одного героя. Перечисляя языки мира, на которые был переведен «*Синекли баккал*», Халиде Эдип предупреждает, что во время создания романа на английском языке она не преследовала цель заставить читателей полюбить Восток. А. Айда сравнивает этот роман с богатой фреской, стилизующей историческое прошлое страны, с чем соглашается и Халиде. Далее она признается, что на создание «*Синекли баккал*» потратила довольно много времени, поскольку вынуждена была обращаться к нему дважды: в первом англоязычном варианте роман заканчивался смертью Рабии, но издатели, куда бы она ни приносила свою рукопись, возвращали ее, ссылаясь на слишком трагичный финал. Получив один и тот же ответ от 24 (!) издателей, Халиде, наконец, решила пойти у них на поводу и за шесть месяцев заново написала финал.

Говоря, что «*Севийе Талип*» был написан в 19 лет, «*Хандан*» – в 25, «*Сын Зейно*» – в 35, Адывар разделяет свое творчество на три этапа: первым она считает время от «*Севийе Талип*» до «*Сына Зейно*», вторым – от «*Сына Зейно*» до «*Татарочки*» и третьим – от «*Татарочки*» по настоящее время (1947).

Хотя важной особенностью женских образов Халиде Эдип принято считать их тесную связь с биографией автора, однако, рассуждая о своих героинях, в интервью писательница отрицает это и утверждает, что они созданы на основе ее наблюдений и жизненного опыта.

Публицистика

Как ученый Халиде Эдип Адывар после себя оставила следующие научно-исследовательские и публицистические труды[212]: «*История английской литературы*» (Т. I, 1940); «*Университетская голова и критика*» (1942); «*Роль перевода в литературе*» (1944); «*История английской*

литературы II» (1946); «*История английской литературы III»* (1949); «*Об Индии»* (Лондон, 1937); «*Восток и Запад в Турции и американское влияние»*[213] (1955); «*Доктор Абдулхак Аднан Адывар*» (1956). Кроме того, имеются многочисленные статьи и заметки в периодической печати, часть которых проанализирована специалистами[214].

Публицистическое наследие[215] Халиде Эдип, тексты ее выступлений в Индии[216] и Америке, актуальные статьи в журнале «*Йедигюн*»[217] и др. сегодня постепенно становятся достоянием публики и объектом изучения специалистов. Анализируя эти публичные выступления, можно с уверенностью сказать, что она своими либеральными взглядами, рассуждениями об истинной демократии далеко опередила современников.

Первые письма и зарисовки в журнал «*Йедигюн*» Халиде начинает отправлять в апреле 1936 г. из французского города Сен-Реми, где находилась на отдыхе. С 167-го номера того же года журнал с радостью сообщает о включении Халиде Эдип в писательскую семью «*Йедигюн*» и начинает публикацию ее писем[218]. Так наконец нарушается десятилетнее молчание в турецкой прессе четы Адывар. Ее письма из Франции сообщают о политической обстановке в стране перед демократическими выборами 1936 г.; письма из Англии посвящены жизни заключенных в женской тюрьме. Затем следует публикация романа «*Татарочка*».

Публикации в газете «*Акшам*» относятся к 1939–1951 гг.[219]. Эти статьи в целом посвящены вопросам культуры, искусства и литературы, содержат размышления Халиде Эдип о связи искусства с идеологией, рецензии на художественные произведения, литературные портреты известных авторов. Наибольший акцент сделан на сценическое искусство и драматические произведения, поставленные на сцене Городского театра.

Вызывает интерес, например, отношение Халиде к турецкому переводу и постановке пьесы М. Горького «*На дне*». Похвалив переводчика «за умелое переложение русского текста на турецкий лад», Адывар пишет, что каждый персонаж пьесы олицетворяет представителя одного из слоев общества, поэтому в нем нет главного героя. Успех постановки «На дне» она объясняет совершенной игрой артистов и их прекрасным взаимодействием на сцене.

В критических статьях о творчестве современных турецких писателей Халиде Эдип пишет о Сабахаттине Али (1907–1948), Абдуллахе Шинаси (1887–1963), Хаккы Баха (1879–1942), Хусейне Рахми Гюрпынаре (1864–

1944). Из мировой литературы она затрагивает произведения Шекспира, Олдоса Хаксли (1894–1963), Дугласа Рида (1895–1976), Джона Стейнбека (1902–1968), Джейн Остин (1775–1817), Шарлотты Бронте (1816–1855), Джозефа Конрада (1857–1924), Дрейпер Рут (1889–1956).

Образ Халиде Эдип в литературе и кино

Еще при жизни, но и после смерти писательницы некоторые ее романы были экранизированы: «*Огненная рубашка*» (Ateşten Gömlek, реж. Мухсин Эртугрул, 1923), «*Убейте блудницу!*» (Vurun Kahpeye, реж. Омер Лютфи Акат, 1949), «*Преступление в Йолпаласе*» (Yolpalas Cinayeti, реж. Метин Эрксан, 1955), «*Вращающееся зеркало*» (Döner Ayna, реж. Суреййа Дуру, 1964), «*Синекли баккал*» (Sinekli Bakkal, реж. Мехмет Динлер, 1967). По мотивам романа «*Синекли баккал*» был снят в 2000-е гг. одноименный телевизионный многосерийный фильм, однако из-за низкого рейтинга среди телезрителей его показ после пяти серий был приостановлен. Также снят документальный многосерийный фильм о самой писательнице – «*Халиде, непокорная дочь Республики*» (*Halide, Cumhuriyet'in Asi Kızı*, реж. Кемаль Озтюрк, 2002).

Как крупная литературная и политическая фигура Халиде Эдип неоднократно становилась объектом пристального внимания литераторов, прежде всего драматургов и кинематографистов[220].

Еще до появления «метабиографической драмы» Бильгесу Эренус «*Халиде*» (1986) и романа Ф. Казан «*Халиде: роман одного бунта*» (2001) образ Адывар присутствует в таких произведениях, как «*16 Марта 1920 года*» (16 Mart 1920), «*Отрывать душу от души*» (Candan Can Koparmak) Орхана Асены, «*От войны к миру, от любви – к ссоре*» (Savaştan Barışa Aşktan Kavgaya) Реджепа Бильгинера, «*Столовая Национального управления*» (Hakimiyet-i Milliye Aşevi) Гюнгёра Дильмена, в которых она представлена как персонаж второго плана. В пьесе Селима Илери «*Прощай, Республика!*» (Alahaısmarladık Cumhuriyet**)** Халиде Эдип изображается вместе с такими историческими личностями, как Латифе-ханум[221] и Атифе Жале[222].

Как объект художественного изображения Халиде Эдип предстает в литературе сложной и многогранной фигурой. Не зря героиня пьесы С. Илери «*Прощай, Республика!*» восклицает: «Оказывается, как много Халиде, интересно, какая из них я?!»[223]

В пьесе Б. Эренус характер Халиде Эдип представляется в противоречивой внутренней эволюции. Ставя цель описать жизнь писательницы с позиции проявленного ею в национально-освободительной войне мужества, драматург в то же время дает историю становления женщины как борца против социальной несправедливости и угнетения. Халиде представлена как первая в истории Турции женщина-лидер. Выпячивая эти стороны личности Халиде, Б. Эренус постепенно лишает свою героиню женственности и изображает ее с мужскими чертами и задатками: она невзрачна, в армейских сапогах и шинели, с мужеским мировосприятием, готова отречься от своего женского тела, занятий домашними делами и ухода за детьми. В сюжет пьесы удачно введен странный персонаж Карлик, символизирующий жизненные сложности и преграды, которые встречались на пути Халиде: его маленький рост указывает на преодолимость этих трудностей.

Американская писательница Франчес Казан (жена известного американского режиссера, выходца из Турции Элиа Казана (1909–2003)), будучи еще студенткой отделения турецкого языка и литературы в Нью-Йорке, ознакомилась с мемуарами Халиде Эдип и, увлекшись ее творчеством, написала биографическое, а затем и художественное произведение о ней: «*Халиде: роман одного бунта*» был переведен на турецкий язык и издан в Стамбуле в 2001 г.[224]. В основу сюжета положены детские и молодые годы Халиде Эдип, прожитые в особняке отца и доме бабушки. Как признается автор в предисловии, роман не является биографическим, в него включены вымышленные эпизоды и обстоятельства. Особенно заметны «авторские моменты» в описании жизни и характеров близких к Халиде людей. Например, автор подробно останавливается на смерти матери малолетней Халиде и двух последующих браках Эдип-бея, о которых в автобиографии Адывар даются лишь краткие сведения. Описания Али Шамиль-бея, его дочери Махмуре и Салиха Зеки-бея также серьезно отличаются от достоверных сведений об этих людях[225].

Заключение

Когда речь заходит о правах женщин в Турции, имя Халиде Эдип Адывар упоминается наиболее часто. Всей своей жизнью, творчеством и профессонально-общественной деятельностью она во главу угла ставила женщин и выносила на повестку дня многие их проблемы. В своих сочинениях, определяя женщину не как «особь женского пола», а как «человека», как личность, Халиде Эдип создала образ идеальной представительницы «слабого пола». Настаивая на необходимости воспитания и образования для соотечественниц, задумываясь об их роли в семье и в социальной жизни, она страстно желала им лучшей доли и обретения равноправия с мужчинами.

В творчестве Халиде Эдип была успешно осуществлена мечта ее предшественниц вырваться за пределы ситуации, когда женщина видит себя исключительно глазами мужчины. Своим примером она убедительно доказала, что женщина может перестать копировать мужское перо и реализовать в своем творчестве те качества, которые в патриархатной культуре обозначены как присущие только ей.

Халиде Эдип Адывар является «одним из первоклассных турецких писателей, интеллектуалом, своей личностью и произведениями успешно решавшим при помощи литературы идеологические задачи. Она пыталась преодолевать хаос, пережитый в драматические периоды перехода своей родины от империи к национальной республике»[226].

Неординарность Халиде Эдип, безусловно, основывается в том числе и на ее поликультурном воспитании и полилингвизме[227]. Она отличалась прекрасным сочетанием знания западной, особенно англосаксонской, и родной, тюрко-мусульманской, культур, которые были для нее не двумя различными, параллельно существующими явлениями, а составляли органичный сплав, своеобразно выразившийся в ее творчестве.

Халиде Эдип сумела стать одной из ключевых фигур литературного процесса Турции. Занять высокое место в литературной иерархии писательнице позволило в том числе участие в национально-освободительной борьбе.

Эволюция турчанки шаг за шагом прослеживается в романах *«Мать Раика», «Севийе Талип», «Хандан», «Новый Туран», «Огненная рубашка»* вплоть до *«Убейте блудницу!»*, в которых внимание сосредоточено на

самосознании героинь, их моральной рефлексии, духовном самоопределении. Писательница воссоздает историю внутреннего становления женщины, устремленной к общенародным и общечеловеческим ценностям, вступающей в конфликт с нормами и обычаями своей среды.

В ранних романах чрезмерность становится одной из фобий автора, она опасается кардинальной смены сексуальных ролей в обществе: излишняя (внешняя) вестернизация повредит нравственности женщин, а мужчину сделает женоподобным. Очевиден поиск писательницы «культурной чистоты», которая, по ее мнению, призвана стать основанием общественной жизни. Целомудренные анатолийские девушки, получившие образование, становясь защитницами национального идеала, являют собой достойную пару мужчинам-реформаторам. В творчестве Халиде Эдип можно увидеть прекрасных героинь, ставших благодаря просвещению надежными спутницами модернизированных мужчин[228].

Героини романов периода национально-освободительной войны (Айше из «*Огненной рубашки*» и Алийе из «*Убейте блудницу!*») изображены носителями не только высокой нравственности, но и обостренного чувства гражданского долга, мужественными борцами за независимость родины. В ее романах республиканского периода исследователи на фоне национализма замечают некий компромиссный вариант между женской и мужской идентичностями. С одной стороны, прогрессивные женщины этих произведений, примеряя на себя роль спутницы модернизированного мужчины, изображаются бесполыми, лишаются сексуальности и телесных желаний, для них не существует другой любви, кроме любви к родине. С другой стороны, такая героиня перестает быть «телом», объектом полового влечения и служанкой мужчины, как это представлялось патриархатной системе, – теперь она возвеличивается как мать и учитель нации. Передовая турчанка – простая, серьезная, не выпячивающая своей сексуальности, верная национальным идеалам женщина – и есть новый продукт турецкой национальной культуры[229]. В «*Огненной рубашке*» Халиде Эдип утверждает образ женщины, способной умереть за родину и принятой в мир мужчин.

В 1930-е гг. образ женщины как активной личности был реализован Халиде Эдип в романе «*Татарочка*», в котором учительница Лале борется в деревне за построение «новой бесклассовой Турции»[230].

В *«Синекли баккал»* Халиде Эдип, показывая гуманистические ценности и традиции османского прошлого, очищенные от всего «устаревшего», признает их как преимущество Востока перед Западом. Таким образом, Халиде Эдип органично совмещает в своем сознании консерватизм с открытостью к прогрессивной новизне, но отвергает всякого рода излишества и крайности.

В ее романах позднего периода запечатлены духовно-интеллектуальные искания предельно сложной и противоречивой личности, диалектика ее конфликтного сознания.

Халиде Эдип, благодаря своей неугомонной натуре и произведениям, отмеченным чертами одаренной личности, постоянно находится в центре общественного внимания и является объектом дискуссий в турецкой публицистике и литературоведении. Своим творчеством она доказала, что писательницы компетентнее мужчин в избражении особенностей женских переживаний, а также в проблемах семьи, материнства и детства.

Халдун Танер дает такую характеристику Халиде Эдип Адывар: «Она была маленького роста и невзрачной. Однако с юных лет в любой среде, где бы ни появлялась, оставляла позади себя всех женщин и выходила на первые роли. Обладала мужественной волей, которая не позволяла ей оставлять то, за что бралась, женственным чутьем и умом, который мог работать полифонично (многосторонне)»[231]. Если смотреть с этой точки зрения, действительно, Х. Э. Адывар не только выводила на первый план в своих произведениях женщин, обладающих мужскими способностями, но и себя видела в таком же качестве. Видимо, она считала, что для достижения равноправия тогда были нужны именно такие женщины.

В итоге ею был создан тип образованной, предприимчивой, социально активной женщины, обладающей способностями и умением занимать высокие посты в правительстве, трудящейся на благо просвещения и развития нации, выполняющей ответственные работы в социальных структурах, хорошо понимающей и освоившей идеологию своей страны[232].

Имя Халиде Эдип Адывар увековечено в названиях парков, улиц, школ, клубов в разных городах Турции. Группа ученых, занимающихся изучением Венеры, один из кратеров на ее поверхности назвала именем Адывар[233].

А 2014 г. был объявлен ЮНЕСКО годом памяти Халиде Эдип Адывар.

Примечания (Endnotes)

[1] Halide Eidp Adıvar. Yazmayı Yazmak İçin Sevdim // Mika dergisi. 2012. Sayı 3. S. 18.

[2] Durakbaşa, Ayşe. Halide Edib Türk Modernleşmesi ve Feminizm. İstanbul: İletişim Yayınları, 2009. S.152.

[3] См. Göze, Hicran. Zor Yılların Zor Kadını Halide Edip Adıvar. İstanbul: Boğaziçi yay, 2003.

[4] Çalışlar, İpek. Halide Edip. Biyografisine Sığmayan Kadın. İstanbul: Everest yayınları, 2010.

[5] В советский период были осуществлены всего три перевода ее произведний, которые, к сожалению, почти недоступны современному читателю: Халидэ-Эдиб. Огненная рубашка: Роман / Пер. с тур. А. Аблаева, К. Чернявского; под ред. В. А. Катаньяна. Тифлис: Заккнига, 1927. Халиде Эдип Адывар. Преступление в Йолпаласе / Пер. Е. Гальперина // Турецкие рассказы. М., 1940. С. 134–171. Халидэ Эдип Адывар. Продавец семечек / Пер. В. Феоновой // Плата за молчание: Рассказы турецких писателей / Пер. с тур.; вступ. статья Н. Яковлевой. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1974. С. 92–96.

[6] Enginün, İnci. Halide Edip Adıvar. Türk Büyükleri Dizisi. Kltür ve Turizm Bakanlığı yay. Ankara, 1986. S. 3.

[7] Относительно даты рождения Халиде Эдип Адывар существует несколько версий. Турецкий литературовед и критик Инджи Энгинюн, одна из авторитетных исследователей творчества писательницы, в диссертации и монографии указывает 1882 г., однако она же в новой «Исламской энциклопедии» называет 1884 г. М. Уйгунер, Г. Агбаба, Н. Бекироглу, Г. Улукёсе, В. Шахин придерживаются 1882 г., а И. Чалышлар, Ш. Курдакул, Н. Гюнтюркюн и др. – 1884 г. Кроме того, иногда указываются даты 1880 и 1883 гг. Наиболее убедительными представляются утверждения В. Шахина, который опирается на документ, составленный в период выборов депутатов в Великое национальное собрание Турции (ВНСТ), где Халиде Эдип указала год своего рождения по мусульманскому летоисчислению – 1298-й, что совпадает с 1882 г.

[8] В турецких источниках указывается, что мать Фатьма Бедрифем-ханум родилась в районе Эйуб Стамбула в семье Низамизаде, отец Мехмет Эдип-бей был выходцем из еврейской семьи, принявшей ислам. Версия о том, что родители писательницы были эмигрировавшими в Турцию черкесами, получила распространение среди северокавказских литературоведов России. В одних сообщениях утверждается, что мать Халиде имела кабардинское происхождение (см.: Кауфов Хачим. Вечные странники: беседа с кабардинским писателем Хачимом Кауфовым, записал Аскер Додуев // Дружба народов. 2004. № 9. С. 168–180), в других – отец носил имя Калдах Эдип и был «известным адыгским мухаджиром (см.: Абдокова М. Б. Этноментальные основы литературы черкесского зарубежья. Дисс. доктора филол. наук. Черкесск, 2009. С. 299). Если судить по защищенным в России

в 2000-х гг. кандидатским и докторским диссертациям, «путь изгнания для семьи Эдипа начался в год окончания Кавказской войны. Незаурядные способности и просвещенность Эдипа позволили ему в короткие сроки стать одним из лидеров черкесской диаспоры, что не могло остаться не замеченным турецкими властями. Османская знать была немало удивлена, когда султан Абдул Хамид II назначил энергичного адыга министром своего правления» (Абдокова М. Б. Этноментальные основы литературы черкесского зарубежья. С. 299. См. также: Тимижев Х. Т. Литература черкесского зарубежья: проблемы генезиса и национального своеобразия: На материале писателей черкесской диаспоры Турции в разные исторические периоды. Дисс. канд. филол. наук. Майкоп, 2001. С. 107. Авакян А. Г. Черкесы в системе государственной власти Османской империи и Турции, вторая половина XIX – первая четверть XX в. Дисс. доктора ист. наук. М., 2002. С. 132). Однако отсутствие источников и ссылок, а также грубые ошибки относительно других деталей биографии Халиде Эдип, имеющиеся в подобных работах и даже в «Адыгской (Черкесской) энциклопедии» (М., 2006. С. 871), пока оставляют необоснованными претензии на черкесское происхождение Халиде. Подобная ситуация наблюдается и в интернете: имя писательницы часто встречается на сайтах черкесов в Турции, но в турецких изданиях, посвященных «знаменитым черкесам Турции», имя Халиде Эдип Адывар не значится. Автор последней биографии Халиде Эдип И. Чалышлар упоминает лишь об одной черкешенке Махинур-ханум как о единственной женщине, хорошо знавшей семью Мехмета Эдип-бея. См.: Çalışlar İpek. Halide Edip. Biyografisine Sığmayan Kadın. S. 18. В сборник на кабардинском языке «Наследие. Проза черкесского зарубежья» (Сост. М. М. Хафицэ. Нальчик, 2002) включена и избранная проза Халиде Эдип.

[9] Мавлид – произведение, посвященное рождению Пророка Мухаммада и восхваляющее его.

[10] См.: Kaymakcan, Recep. Türkiye'de Misyonerlik ve Din Eğitimi // Sakarya Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi. №12, 2005, S. 28.

[11] Biçer, Baykal. 19. Yüzyıl Türk Toplum Yapısında Amerikan Kolejlerinin Sosyolojik Etkisi // Yüzüncü Yıl Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi Afro-Avrasya Özel Sayısı, 2017. S. 49.

[12] Kocabaşoğlu, Uygur. Anadolu'daki Amerika: Kendi Belgeleriyle 19. Yüzyılda Osmanlı İmparatorluğu'ndaki Amerikan Misyoner Okulları. 3. Basım. Ankara: İmge Kitabevi, 2000. S. 18.

[13] Biçer, Baykal. 19. Yüzyıl Türk Toplum Yapısında Amerikan Kolejlerinin Sosyolojik Etkisi. S. 49.

[14] Kazan, Frances. Halide Edip ve Amerika. İnglizceden çev. Bernar Kutluğ. İstanbul: Bağlam yay, 1995. S. 24.

[15] Отец был так рад данному переводу, что, сделав тысячу его копий, разослал женам офицеров, один экземпляр подарил султану Абдулхамиду II. Известно, что в 1899 г. за этот перевод султан даже наградил ее.

[16] Рыза-бей позже сыграл заметную роль в политической жизни страны. В 1907 г. он избирается в парламент страны; будучи членом османской

императорской делегации, в ходе переговоров со странами-победительницами в 1920 г. подписывается под пораженческим Севрским договором и поэтому вскоре вынужден покинуть зарождавшуюся Турецкую Республику. Вернется на родину незадолго до своей смерти.

[17] Çalışlar İpek. Halide Edip. Biyografisine Sığmayan Kadın. S. 29.

[18] Там же. С. 73.

[19] Koçak, Ahmet. Amerika'dan Boğaziçine Uzanan Bir Eğitimci Mary Mills Patrick'in "Amerika'da Kadınlara Mahsus Yüksek Tahsil" Risalesi // Dil ve Edebiyat Araştırmaları. Güz 2017. № 16. İstanbul, TDED yay. S. 67–81.

[20] Там же. С. 74.

[21] Biçer, Baykal. 19. Yüzyıl Türk Toplum Yapısında Amerikan Kolejlerinin Sosyolojik Etkisi. S. 47–55.

[22] См.: Erkan, Ümmet. 1911–1918 Yılları Arasında Türk Yurdu Dergisine Konu Olan Bazı Tartışma ve Polemikler // Karabük Universitesi Tarih Kültür ve Sanat Araştırmaları Dergisi. 2016. Vol. 5. № 1. March. S. 44–63.

[23] Хиджаб – мусульманская женская одежда, покрывающая от головы до ног.

[24] Название одной из ее статей: «*Beşiği Sallayan El Dünyaya Hükmeder*» газета «*Танин*», 6 августа 1908 г.

[25] Роган Юджин. Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914–1920. М.: Альпина Диджитал, 2015. С. 14.

[26] Более подробно об этом см.: Сибгатуллина А. Поиск идентичности в татарской и турецкой литературах в контексте «Восток – Запад» на рубеже XIX–XX вв. // Studia Litterarum. 2017. Т. 2. № 2. С. 244–263.

[27] Çalışlar İpek. Halide Edip. Biyografisine Sığmayan Kadın. S. 87.

[28] Вакуф (вакф) – религиозный фонд.

[29] Çalışlar İpek. Halide Edip. Biyografisine Sığmayan Kadın. S. 93.

[30] Две войны, которые произошли в 1912 и 1913 гг. на Балканах. В первой войне (9 октября 1912 – 30 мая 1913) страны Балканского союза (Болгария, Греция, Сербия и Черногория) воевали против Османской империи за освобождение балканских народов. Вторая балканская война (29 июня – 10 августа 1913 г.) велась между Болгарией с одной стороны, Сербией, Грецией, Румынией, Черногорией и Турцией – с другой. В итоге на территории бывшей Османской империи появились новые государства. Эти войны послужили предпосылкой для Первой мировой войны.

[31] См.: Сибгатуллина А. Поиск идентичности в татар¬ской и турецкой литературах в контексте «Восток-Запад» на рубеже XIX-XX вв. // Studia Litterarum 2017, том 2, №2. С. 244–263.

[32] Özdemir, Hikmet. Cemal Paşa ve Ermeni Göçmenler.4. Ordunun İnsani Yardımları. İstanbul: Remzi Kitapevi, 2009.

[33] Роган Юджин. Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914–1920. С. 300.

[34] Присутствие французов в Ливане и Сирии после подписания в 1861 г. в Стамбуле соглашения о ливанском Органическом статусе (регламенте) было

доминирующим. Французский язык стал одним из деловых языков, были открыты общеобразовательные учреждения на французском языке, которые поддерживали католические и протестантские миссии иностранных государств. См. Горбунова Н. М. Сирия и Ливан в XIX – начале XX века: первые шаги модернизации «сверху» (по материалам АВПРИ) // Восточный архив. 2012. № 1 (25). С. 14–19.

[35] Tetik, Ahmet. Lübnan'da Bir Eğitimci (1916–1917): Halide Edip. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.Cihanharbi.com/Lubnanda-Bir-Egitimci-1916-1917-Halide-Edip.

[36] См.: Çalışlar İpek. Halide Edip. Biyografisine Sığmayan Kadın. S. 141–142.

[37] [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hurriyet.com.tr/gundem/ermeni-kadinlarin-boynunda-cemal-pasa-nin-resmi-vardi-11199092.

[38] См.: Çitçi Selahattin. Halide Edip Adivar'ın Feminist ve Semitik Bir Operası: Kenan Çobanları // Turkish Studies. International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic Volume. 2009. 4/3 Spring. S. 655–668.

[39] В связи с тем, что опера была в первый раз исполнена армянскими детьми-сиротами, позже нашлись и такие люди, которые обвиняли Халиде Эдип в пропаганде тюркского национализма.

[40] Atıcı E. Mev'ud Hüküm: Türk Edebiyatında Hasta-Hekim İlişkisinin Tıp Etiği Açısından Değerlendirilmesi Üzerine Bir Çalışma. Türk Dünyası Araştırmaları. 2004; 153. S. 37–43.

[41] Çalışlar İpek. Halide Edip. Biyografisine Sığmayan. Kadın. S. 156.

[42] В истории расстройства ума Зеки Салиха, параличе и смерти в больнице Шишли много неясностей. Халиде Эдип в своих англоязычных мемуарах пишет, что он исчерпал себя, цинично и уничижительно относясь к идеалам материального мира, и умер в психбольнице расстроенным и вконец измученным. В турецком варианте мемуаров она пропускает свои размышления о бывшем муже. См.: Etker, Şeref. Salih Zeki Bey – Üç Boyutlu Bir Biyografi İçin // Osmanlı Bilimi Araştırmaları VII/1. 2005. S. 139–140.

[43] Enginün, İnci. Halide Edip Adıvar. S. 19.

[44] Рассказ вошел в сборник «*Из Измира в Бурсу*».

[45] Общество «Каракол» было создано по директиве Талаат-паши в октябре 1918 г., его учредителями стали Кара Васыф, Кара Кемаль и Баха Саит. В период борьбы за независимость Турции общество стало умелым организатором движения национального сотпротивления, занималось переправкой оружия и военных из Стамбула в Анатолию, передачей Мустафе Кемалю агентурных данных о планах и деятельности таких групп, как «Общество друзей Англии».

[46] См.: Arabacı, Haci Murat. Milli Mücadelenin Hazırlık Sahfasında Halide Edip Adıvar'ın Faaliyetleri ve Mustafa Kemal Atatürk // Dumlupınar Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi Sayı 19. 2007 Aralık. S. 271–294.

[47] См.: Şahingöz, Mehmet, Keleşyılmaz, Vahdet. Millî Mücadele Dönemi Türk Basınında Wilson Prensipleri // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. Cilt XII. Temmuz 1996. S. 51–64. О 14 принципах Вудро Вильсона, объявленных «программой нового

миропорядка, имеющей общецивилизационное значение», см.: Романов В. В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая модель США (1913–1921). М.; Тамбов, 2005. С. 92.

[48] Текст письма имеется на сайте: http://mustafakemalim.com/ataturkun-amerikan-manda-stratejisi/.

[49] См. Kasalak, Kadir. Milli Mücadele'de Manda Ve Himaye Meselesi.Ankara. Genel Kurmay. 1993. Халиде Эдип написала письмо на имя лидера Мустафы Кемаля с изложением тезисов об американском мандате, по истечении лет эти тезисы были проанализированы в «Речи» Ататюрка как вредные для Турции.

[50] Göze, Hicran. Zor Yılların Zor Kadını Halide Edip Adıvar. S. 87–88.

[51] Там же. С. 88.

[52] Например, см.: Çetin, Nurullah. Halide Edip, Milli Mücadele ve Amerikan Mandacılığı // Halide Edip Adıvar İncelemeleri. Yay. Hazırlayan Prof. Dr. Nurullah Çetin. Atlas yayınları, Ankara, 2017. S. 7–26. В своей статье литературовед Н. Четин указывает Халиде Эдип как лидера «Общества принципов Вильсона» и жестко критикует выдвинутые ею положения с позиции сегодняшней внешнеполитической конъюнктуры Турции.

Возможно, это мое субъективное мнение, но не могу не отметить и тот факт, что исследованием биографии и творчества писательницы в основном занимались и занимаются авторы-женщины, тогда как нападки в ее адрес исходят от авторов мужского пола.

[53] Жевахов Александр. Кемаль Ататюрк / Пер. с фр. Л. Ф. Матяш. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 75.

[54] Жевахов Александр. Кемаль Ататюрк. С. 44.

[55] Yıldız, Hatice. Halide Edip Adıvar'ın 'Dağa Çıkan Kurt' Hikayesinde Nema ve Alegorik Yapı. S. 172.

[56] Роган Юджин. Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914–1920. С. 303.

[57] Старейшее в Турции крупнейшее информационное агентство, действующее и сегодня под девизом «Достоверная, объективная и оперативная журналистика».

[58] Kazan, Frances. Halide Edip ve Amerika. S. 41.

[59] Там же. С. 40.

[60] Enginün, İnci. Halide Edip Adıvar. S. 28.

[61] Polat, Ü. Gülsüm. Yunan Tahribatına Amerikalı Misyonerlerin Bakışı ve Bir Raporun Arka Planı // Akademik Bakış. Cilt 5 Sayı 10. Yaz 2012. S. 78. В статье приведен также текст отчета на турецком языке.

[62] Есть вероятность того, что запросы на создание романа, освещающего национально-освободительную войну («Огненной рубашки» Х. Адывар), и романа о борьбе против религиозного фанатизма («Зеленая ночь» Решата Нури Гюнтекина) исходили от самого Ататюрка. См. Dede, Kadir. Türk Ulusunun İnşası Sürecinde Romanın Rolü, 1923–1938. Hacettepe Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Siyaset Bilimi Ve Kamu Yönetimi Anabilim Dalı. Basılmamış Doktora Tezi: Ankara, 2015. S. 137–138.

[63] Ушак – город в Анатолии, расположенный в западной части Турции, в Эгейском регионе. К северу от Ушака находится город Кютахья, к востоку – Афьон, к югу – Денизли, к западу – Маниса.

[64] Adıvar, Halide Edip. Dağa Çıkan Kurt. İstanbul: Remzi Kitabevi, 1976. S. 105.

[65] Kulak, Aydın. "İlk Kadın Assubayımız: Başçavuş Halide Edip Adıvar". 2011. 29 Ocak // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.emekliassubaylar.org/component/k2/item/6-ilk-kadin-assubayimiz-bascavushalide-edib-adivar/.

[66] Durakbaşa, Ayşe. Halide Edib Türk Modernleşmesi ve Feminizm. İstanbul: İletişim Yayınları, 2009.

[67] Kazan, Frances. Halide Edip ve Amerika. S. 42.

[68] Karaosmanoğlu, Yakup Kadri. Büyük Dostum Halide Edib // Milliyet. 1964. 12 Ocak. Полный текст см.: Göze, Hücran. Zor Yılların Zor Kadını. S. 228–230.

[69] Kulak, Aydın. İlk Kadın Assubayımız: Başçavuş Halide Edip Adıvar.

[70] См.: Halide Edib'in Torunu Ömer Sayar'dan İpek Çalışlar'a Mektup. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://t24.com.tr/haber/halide-edibin-torunu-omer-sayardan-ipek-calislara-mektup,85315/.

[71] Göze, Hicran. Zor Yılların Zor Kadını Halide Adıvar. S. 9.

[72] The Turkish Ordeal, Being The Further Memoirs Of Halide Edip. New York; London: The Century Co., 1928.

[73] Çalışlar İpek. Halide Edip. Biyografisine Sığmayan Kadın. S. 347.

[74] Çalışlar İpek. Halide Edip. Biyografisine Sığmayan Kadın. S. 349.

[75] Aslan, Adile. Halide Edip's *The Turkish Ordeal*: More Than An Autobiography // İstanbul Bilgi Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Karşılaştırmalı Edebiyat Yüksek Lisans Programı, 2009.

[76] Adak, Hülya. National Myths and Self-Na(rra)tions: Mustafa Kemal's *Nutuk* and Halide Edib's *Memoirs* and The *Turkish Ordeal* // South Atlantic Quarterly. 2003. № 102 (2–3). P. 509–527. Adak, Hülya. Halide Edib ve Siyasal Şiddet – Ermeni Kırımı, Diktatörlük ve Şiddetsizlik, İstanbul Bilgi Üniversitesi yay. 2016.

[77] В американской прессе произошли и своеобразные курьезы, одна из газет, спутав семейную драму Халиде, назвала ее первой женой Мустафы Кемаля, когда он якобы захотел жениться во второй раз, Халиде была против и развелась с ним. См.: Çalışlar İpek. Halide Edip. Biyografisine Sığmayan Kadın. S. 354.

[78] Kazan, Frances. Halide Edip ve Amerika. S. 47.

[79] См. о ее лекциях в Америке: Kazan, Frances. Halide Edip ve Amerika. İkinci Bölüm.

[80] Kazan, Frances. Halide Edip ve Amerika. S. 57–58.

[81] Çalışlar İpek. Halide Edip. Biyografisine Sığmayan Kadın. S. 380.

[82] Nas, Alparslan. *Inside India*, Outside of Kemalism: Analysis of Halide Edib's Writings on Anti-Colonialism // International Journal of Humanities and Social Science. Centre for Promoting Ideas, USA. 2013. Vol. 3. № 7. April. P. 191.

[83] См.: Adak, Hülya. Halide Edib ve Siyasal Şiddet. S. 81–121.

[84] Ayda, Adile. Böyle İdiler Yaşarken... (Edebi Hatıralar). Ankara, 1984. S. 160.

[85] См.: Kökden, Uğur. Halide Edip'in Mektupları // Cumhuriyet gazetesi. 1994. 12.08.

[86] Karaca, Nesrin. Halide Edip Adıvar'ın Nasrettin Hoca üzerinden İronik Çağ Eleştirisi: *Maske ve Ruh* // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Türkoloji Dergisi. 20. 2013. № 1. Pp. 13–38. Mukadder Yaycıoglu. Halide Edip Adıvar'ın *Maske ve Ruh*'u // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dergiler.ankara.edu.tr/dergiler/13/179/1388.pdf.

[87] Beşir Ayvazoğlu. Halide Edib Adıvar ve Masallar. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://nediyorki.wordpress.com/2014/01/23/besir-ayvazoglu-halide-edib-adivar-ve-masallar/.

[88] Sefa Kaplan. Ölümünün 25. Yılında Halide Edip.'Yüzlerce Kuş Birden Olmak'

[Электронный ресурс]. Режим доступа: http://earsiv.sehir.edu.tr:8080/xmlui/bitstream/handle/11498/25798/001514217006.pdf?sequence=1.

[89] Turhan, Vahit. Hocalık Yönüyle Halide Edip Adıvar // Cumhuriyet. 1964. 18.01.

[90] Отражение Второй мировой войны в общественной памяти турецкого народа было описано в последующие годы в таких литературных произведениях, как «*Позорный мир*» (*Rezil Dünya*, 1957) Фаика Байсала, «*Чакразы*» (*Çakrazlar,* 1967) Музаффера Арабула и др.

[91] См. об этом: Müezzinoğlı, Ersin. İzmir Milletvekili Halide Edip Adıvar'ın TBMM'deki Faaliyetleri (1950–1954) // Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi / The Journal of International Social Research Cilt: 10 Sayı: 54 Yıl: 2017 / 2017. Vol. 10. Issue 54. S. 330–339.

[92] С текстом можно ознакомиться в книге: Adak, Hülya. Halide Edib ve Siyasal Şiddet. S. 176–179.

[93] Okuyaz, Selda. Halide Edip'in Yayına Hazırladığı Adnan Adıvar Anı Kitabı // Lokman Hekim Dergisi. 2015. № 5 (3). S. 124–127.

[94] Apuhan, Recep Şükrü. Halide Edip Adıvar. Hürriyet Sevdalısı. İstanbul, Timaş y., 2015. S. 131.

[95] Adak, Hülya. Halide Edib Ve Siyasal Şiddet.Ermeni Kırımı, Diktatörlük Ve Şiddetsizlik.

[96] Argunşah, Hülya. Kadın ve Edebiyat. Babasının Kızı Olmak... İstanbul, Kesit yay, 2016. S. 12.

[97] Репенкова М. М. Женщины Турции в литературе и обществе // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2008. № 2. С. 69.

[98] Там же. С. 72.

[99] Там же. С. 73.

[100] Ayda, Adile. Böyle İdiler Yaşarken... (Edebi Hatıralar). S. 246.

[101] Павлова Надежда. Возможно ли прочесть «женское письмо»? К проблеме гендерно ориентированной нарратологии // Мир русского слова. 2013. №. С. 82.

[102] Kandiyoti, Deniz. Cariyeler, Bacılar, Yurttaşlar. Kimlikler ve Toplumsal Dönüşümler. Çev. Aksu Bora, Feyziye Sayılan. İstanbul: Metis, 1997. S. 149–150.

[103] Özbey, Gece İmren. Halide Edip Adıvar'ın İlk Roman Teşebbüsü: 'Çingene Kızı'// İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi Journal of Turkish Language and Literature. 2017. № 57. S. 107–132.

[104] Там же. С. 109.

[105] Там же. С. 119.

[106] Türkçe Sözlük. İstanbul, Türk Dil Kurumu, 2005. S. 883.

[107] Bekiroğlu, Nazan. Halide Edip Adıvar'ın Romanlarının Roman Tekniği Bakımından İncelenmsei. Yayınlanmamış Doktora Tezi. Trabzon, 1987. S. 16.

[108] Coşkun, Betül. Türk Modernleşmesini Kadın Romanları Üzerinden Okumak. Tanzimat'tan Cumhuriyet'e // Turkish Studies International Periodical For the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. 2010. Vol. 5/4 Fall. S. 934.

[109] Adıvar, Halide Edip. Yeni Turan. Raik'in Annesi. Atlas Kitabevi, 2005.

[110] Adıvar, Halide Edip. Yeni Turan. Raik'in Annesi. S. 189.

[111] Ayda, Adile. Böyle İdiler Yaşarken... (Edebi Hatıralar). S. 250.

[112] İleri, Selim. Edebiyatımızda Sevdiğim Romanlar Kılavuzu. İstanbul: Everest Yayınları, 2015. S. 87.

[113] Там же.

[114] Sancar, Serpil.Türk Modernleşmesinin Cinsiyeti.Erkekler Devlet, Kadınlar Aile Kurar. İstanbul: İletişim yay, 2013. S. 136.

[115] Adıvar, Halide Edib. Handan. İstanbul: Can yayınları, 2008.

[116] Adıvar, Halide Edib. Handan. S. 12–13.

[117] Там же. С. 33–34.

[118] Там же. С. 34.

[119] Там же.

[120] Там же. С. 54.

[121] Там же. С. 56.

[122] Там же. С. 74.

[123] Там же. С. 153.

[124] Erkol, Tüğce. Handan, Handan'a Karşı // Incir Çekirdeği Dergisi. 2015. Sayı 11. S. 18–19.

[125] Adıvar, Halide Edip. Son Eseri. 2. Baskı. İstanbul: Can yayınları, 2016.

[126] Çelik, S. Dilek Yalçın. Halide Edip'in Son Eser'inde Müfide Kadri'nin Adını Yaşatmak // STAD Sanal Türkoloji Araştırmaları Dergisi. 2016. Temmuz. S. 18.

[127] См.: Çelik, S. Dilek Yalçın. Halide Edip'in Son Eser'inde Müfide Kadri'nin Adını Yaşatmak. S. 22.

[128] Çelik, S. Dilek Yalçın. Halide Edip'in Son Eser'inde Müfide Kadri'nin Adını Yaşatmak. S. 23.

[129] Там же.

[130] Adıvar, Halide Edip. Yeni Turan. Raik'in Annesi. Atlas Kitabevi, 2005.

[131] Türkeş, A. Ö. "Muhafazakar Romanlarda Muhafaza Edilen Neydi?"// Modem Türkiye'de Siyasi Düşünce: Muhafazakarlık, ed. A. Çiğdem. İletişim Yayınları, 2003. S. 601.

[132] Биографы сообщают, что между Йусуфом Акчурой и Халиде Эдип в молодости была некая взаимная привязанность, однако националист-тюркист Акчура отказался от женитьбы на ней, возможно, в связи с еврейским происхождением ее отца. См. Göze, Hicran. Zor Yılların Zor Kadını Halide Edip Adıvar. S. 55.

[133] Çalışlar İpek. Halide Edip. Biyografisine Sığmayan Kadın. S. 110–111.

[134] Название романа «Mev'ut Hüküm» в переводе Л. О. Алькаевой.

[135] Алькаева Л. О. Сюжеты и герои в турецкой прозе. С. 97.

[136] Там же.

[137] Çalışlar İpek. Halide Edip. Biyografisine Sığmayan Kadın. S. 155.

[138] Adıvar, Halide Edip. Ateşten Gömlek. İstanbul: Can Yayınları, 2010.

[139] İleri, Selim. Edebiyatımızda Sevdiğim Romanlar Kılavuzu. S. 118.

[140] См. об этом: Киреев Н. Г. Участие мусульман-патриотов Турции в борьбе за независимость страны (1919–1922) // Турция на пути к региональному лидерству: к 90-летию Турецкой Республики (Сб. статей). М.: ИВ РАН, 2015. С. 15–34.

[141] Adıvar, Halide Edip. Vurun Kahpeye. İstanbul: Can Yayınları, 2015. S. 38.

[142] Adıvar, Halide Edip. Kalp Ağrısı. İstanbul: Can yayınları, 2010.

[143] Adıvar, Halide Edip. Kalp Ağrısı. S. 201. Şahin, Veysel. Halide Edip Adıvar'in Romanlarında Yapı Ve İzlek. Basılmamış Doktora Tezi. Elaziğ, 2010. S. 216.

[144] Adıvar, Halide Edip. Zeyno'nun Oğlu. İstanbul: 1. Baskı. Can yayınları, 2010.

[145] Şahin, Veysel. Halide Edip Adıvar'in Romanlarında Yapı Ve İzlek, S. 354.

[146] Şahin,İbrahim. Rüyasız Edebiyat: Kalp Ağrısı ve Zeyno'nun Oğlu // Yeni Türk Edebiyatı Araştırmaları. Ocak-Haziran. 2018. 10:19. S. 171–184.

[147] Adıvar, Halide Edip. Sinekli Bakkal. İstanbul: Can Yayınları, 2007.

[148] Выражение Х. Сойшекерджи. См.: Soyşekerci, Hülya. Okuma Yolculukları. İstanbul: Pupa yay., 2010. S. 40.

[149] Bekiroğlu, Nazan. Halide Edip Adıvar. İstanbul: Şüle Yayınları, 1999. С. 9.

[150] Во время уличных представлений – площадного театра (орта оюну – игра в кругу) обычно артисты придумывали разные импровизации в момент игры.

[151] Yavaş, Gürkan. Eleştiri ile İdeal Arasında: Halide Edip'in Sinekli Bakkal Romanında 'Din Adamı' Kavramı Etrafında Bir Tartışma // II. Türkiye Lisansüstü Çalışmaları Kongresi – Bildiriler Kitabı III. 6–8 Mayıs Bursa. İstanbul, 2013. С. 761.

[152] Там же. С. 763.

[153] Adıvar, Halide Edip. Tatarcık. İstanbul: 6. Baskı. Can yayınları, 2018.

[154] Северо-восточный ветер, бора, борей.

[155] Bekiroğlu, Nazan. Halide Edip Adıvar'ın Romanlarırının Roman Tekniği Bakımından İncelenmesi. Yayınlanmamış Doktora Tezi. Trabzon, 1987. S. 402.

[156] Adıvar, Halide Edip. Yolpalas Cinayeti. 6. Baskı. İstanbul: Can yayınları, 2017.

[157] Gürel, Nazlı Rânâ. İlk Kadın Cinâî Roman Yazarımız Halide Edip Ve Yolpalas Cinayeti Adlı Romanı // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dergipark.gov.tr/uploads/issuefiles/0de8/738d/8697/594cfe0fc0711.pdf#page=115/. В российских исследованиях о турецком детективе имя Халиде Эдип не упоминается. См. Самсонова И. В. Современный турецкий детектив: этапы становления и развития // Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2013. Вып. 3. С. 81–90.

[158] Adıvar, Halide Edip. Sonsuz Panayır. İstanbul: Can yayınları, 2016.

[159] Ayda, Adile. Böyle İdiler Yaşarken... S. 252.

[160] Там же.

[161] Adıvar, Halide Edip. Yolpalas Cinayeti. S. 105.

[162] Topçu Ümmühan. Kadının Çekirdek Rolünün Sonsuz Panayır'da Yeniden Tanımlanması // Halide Edip Adıvar İncelemeleri. S. 149–150.

[163] Adıvar, Halide Edip. Döner Ayna. İstanbul: 1. Baskı. Can yayınları, 2015.

[164] Adıvar, Halide Edip. Akile Hanım Sokağı. İstanbul: 5. Baskı. Can yayınları, 2017.

[165] См. İleri, Selim. Edebiyatımızda Sevdiğim Romanlar Kılavuzu. S. 430.

[166] Cantek, Funda Şenol. Laleli'de Bir Edibe: Halide Edip'in Akile Hanım Sokağı Üzerine // *Fe* Dergi. 2010. №. 2. S. 114.

[167] Там же. С. 111.

[168] Adıvar, Halide Edip. Kerim Ustanın Oğlu. Bir Doktorun Hayatı. İstanbul: Can Yayınları, 2012.

[169] Мухаллеби (Muhallebi) – молочный пудинг (или кисель) на основе рисовой муки, популярный в Турции и других странах Востока.

[170] Главный герой трагедии Софокла «Царь Эдип» царь Фив по имени Эдип случайно убил своего отца в дорожной драке. После этого волею судьбы, сам того не подозревая, он женился на своей матери. И лишь спустя много лет Эдипу стало известно, кем ему доводится его супруга и кем был убитый на дороге путник. В результате Эдип впал в отчаяние и лишил себя зрения. На определенной стадии своего развития мальчики начинают вести себя схожим образом: они всячески выражают свою любовь к матери, при этом агрессивно реагируют на отца, словно пытаясь встать на его место. Одновременно присутствует страх перед отцом и боязнь получить наказание за свое поведение. Подобное явление наблюдается тогда, когда ребенок достигает фаллической стадии развития, то есть с трех до шести лет. Именно в этом возрасте, как считают психоаналитики, и закладываются основы будущего отношения к представительницам противоположного пола. Если в детстве комплекс не был преодолен, то привязанность к матери сохраняется на всю последующую жизнь, и мужчина теряет способность строить отношения с противоположным полом, ни одна из представительниц которого не способна затмить в его сердце материнский идеализированный образ, словно вознесенный на пьедестал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://womaninc.ru/kompleks-elektryi-v-psihologii-zhenshhinyi/.

[171] Adıvar, Halide Edip. Sevda Sokağı Komedyası. 2 baskı. İstanbul: Can yayınları, 2018.

[172] В данном случае речь идет о комплексе Электры, женском варианте Эдипова комплекса. Согласно древнегреческой мифологии, юная прекрасная дева Электра обожала своего отца по имени Агамемнон. Когда Агамемнон ушел из жизни, дочь так и не смогла смириться с этим событием. И героиня решила отомстить: вместе со своим братом она замыслила и реализовала убийство собственной матери и ее любовника, которых считала виновными в смерти родителя. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://womaninc.ru/kompleks-elektryi-v-psihologii-zhenshhinyi/.

[173] Adıvar, Halide Edip. Çaresaz. 2. Baskı. İstanbul: Can yayınları, 2017.

[174] Kanbolat, Yahya. Halide Edip Adıvar'ın Romanlarında Feminizm Sorunu, Bayır Yay. Ankara, 1986. S. 20.

[175] Цит. по: Михайличенко Г. А. Мифопоэтический подтекст романа И. С. Тургенева «Накануне» // Филология и человек. 2008. № 2. С. 98.

[176] Şahin, Veysel. Halide Edip Adıvar'ın Romanlarında Yapı Ve İzlek. S. 626–627.

[177] Adıvar, Halide Edip. Çaresaz. S. 38.

[178] Мевляна (Мавляна, Маулана) – выдающийся суфий-поэт Джалалетдин Руми (1207–1273), основатель суфийского братства мевлевийа.

[179] Adıvar, Halide Edib. Maske ve Ruh. İstanbul: İş Bankası Kültür yay., 1971.

[180] Nesrin Karaca. Halide Edip Adıvar'ın Nasrettin Hoca üzerinden İronik Çağ Eleştirisi: *Maske ve Ruh* // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Türkoloji Dergisi 20. 2013. № 1. S. 17. Исследователь Недим Сабан сообщает, что первоначально пьеса была написана на английском языке и затем переведена автором на турецкий язык. Поскольку английский вариант не сохранился, был осуществлен автором повторный перевод с турецкого на английский. См.: Saban, Nedim. Halide Edib Adıvar Tiyatrosu.Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi. Haliç Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Tiyatro Anasanat Dalı. İstanbul, 2016. S. 41.

[181] Eliuz, Ülkü. İronik Bir Fantezi: Maske ve Ruh // Türk Edebiyatı Aylık Fikir ve Sanat dergisi. 2014. Şubat. S. 74–77.

[182] Saban, Nedim. Halide Edib Adıvar Tiyatrosu.Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi. Haliç Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Tiyatro Anasanat Dali. İstanbul, 2016.

[183] Опера *«Пастухи Кенана»* впервые была поставлена на сцене в 1915 г. Тюркским Оджаком в Стамбуле, в 1916 г. в Бейруте, в 1918 г. в Роберт-колледже в Стамбуле. За декорацию и свет отвечал Мухсин Эртугрул. Своим названием она обязана поэту Яхъе Кемалю Бейатлы. Композитор Веди Сабра – сирийский араб-католик, закончивший консерваторию в Париже, в это время он находился в Стамбуле и руководил музыкальной школой.

[184] Adıvar, Halide Edib. Harap Mabetler. İstanbul: Atlas Kitabevi, 1993.

[185] Adıvar, Halide Edip. Dağa Çıkan Kurt. S. 132.

[186] Там же. С. 134–135.

[187] Yıldız, Hatice. Halide Edip Adıvar'ın 'Dağa Çıkan Kurt' Hikayesinde Nema ve Alegorik Yapı // Halide Edip Adıvar İncelemeleri. S. 167.

[188] Там же. С. 168.

[189] Akdag, Ayşe Bengisu. Bir Kurt ve Üç İsim: Alfred de Vigny, Yahya Kemak ve Halide Eidp // İncir Çekirdeği Dergisi. 2015. Sayı 11. S. 14–16.

[190] Adıvar, Halide Edip. Dağa Çıkan Kurt. S. 14.

[191] Там же. С. 144.

[192] Adıvar, Halide Edib. Kubbede Kalan Hoş Sada. İstanbul: Atlas Kitabevi, 1974.

[193] Sakallı, Fatih. Halide Edip Adıvar'in "Bir Hayatın Üç Perdesi" Adlı Hikâyesi Üzerine Bir Tahlil Denemesi // Ankara Üniversitesi Dil Ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Türkoloji Dergisi. 2013. № 20, 1. S. 81–92.

[194] Adıvar, Halide Edip. Bir Genç Kızın Cinayeti // Mika Dergisi. 2012. Sayı 3. S. 28–29.

[195] Самофалова Е. А. Саморепрезентация автора в женских мемуарных текстах XIX века // Вестник МГОУ. Сер. Русская филология. 2014. № 6. С. 107.

[196] Adıvar, Halide Edip. Mor Salkımlı Ev, Can Yayınlar, 1. İstanbul: Baskı, 2007.

[197] Alpaslan, G. Gonca Gökalp. *Mor Salkimli Ev*'de Yazarın Bilinci // Türkbilig. 2015. № 30. S. 127.

[198] Adıvar, Halide Edip. Mor Salkımlı Ev, Can Yayınlar, 1. İstanbul: Baskı, 2007. S. 18.

[199] Там же.

[200] В англоязычной версии мемуаров Халиде Эдип дает ему довольно пространную отрицательную характеристику как властного и деспотичного человека. См.: Etker, Şeref. Salih Zeki Bey – Üç Boyutlu Bir Biyografi İçin. S. 139–140.

[201] Ксенофонтова Наталия. Женские автодокументальные материалы как зеркало индентичности // Россия XXI век. 2012. № 6. С. 140.

[202] Aksoy, Nazan. Kurgulanmış Benlikler: Otobiyografi, Kadın, Cumhuriyet. İstanbul: İletişim, 2009. S. 84.

[203] Ünlü, Aslıhan. Değişen Tarih Ve Metin Anlayışı İçinde Biyografik Dram-II: Tarihten Oto / Biyografiye, Oto / Biyografiden drama Halide Edip örneği // YEDİ Dokuz Eylül Üniversitesi Güzel Sanatlar Fakültesi Dergisi. 2011. № 9. S. 11.

[204] Там же.

[205] Saydun, Zeynep Basil. Construction of Nationalism and Gender in Halide Edib's Autobiographical Writings: Memoirs of Halide Edib and The Turkish Ordeal. Trier: WVT Wissenschaftlicher Veriag Trier, 2008. P. 117.

[206] Halide Edip Adıvar. Yazmayı, Yazmak İçin Sevdim // Mika Dergisi. 2012. Sayı. 3. S. 15.

[207] Şerifoğlu Adnan. Halide Edip: Kendi Doğrularında Yalnızlaşan Güçlü Bir Kadın // İndigo dergisi. 2010. № 59. Ağustos. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://indigodergisi.com/2015/12/halide-edip-kendi-dogrularinda-yalnizlasan-guclu-bir-kadin/

[208] Halide Edip Adıvar. Konuştuğumdan Daha Rahat Yazarım // Mika Dergisi. 2012. Sayı. 3. S. 24–27.

[209] Adıvar, Halide Edip. Yazmayı Yazmak için Sevdim. S. 15.

[210] Halide Edip. Ölüm // İncir Çekirdeği dergisi. 2015. Şubat. S. 9.

[211] Ayda, Adile. Böyle idiler Yaşarken... S. 246.

[212] И. Чалышлар в конце своей монографии приводит название 37 книг, принадлежавших Халиде Эдип Адывар: см. Çalışlar İpek. Halide Edip. Biyografisine Sığmayan Kadın. S. 533.

[213] Является переводом двух книг, написанных на английском языке: Turkey Faces West, 1930 Yale USA, Conflict of East and West in Turkey, 1935, Lahore. Adıvar, Halide Edip. Türkiye'de Şark-Garp ve Amerikan Tesirleri II, Can Yayınları, İstanbul, 2015.

[214] Adıvar, Halide Edib. Hindistan'a Dair. İstanbul: Can yayınları, 2014. Adıvar, Halide Edib. Halka Doğru. *Büyük Mecmua* (1919) ve *Yedigün* (1936–1939) Yazıları. Yayına hazırlayan Feyza Hepçilingirler. İstanbul: Can yayınları, 2017.

[215] Adıvar, Halide Edip. Türkiye'de Şark-Garp ve Amerikan Tesirleri. İstanbul: Can Yayınları, 2009. Adıvar, Halide Edip. Türkiye'de Şark-Garp ve Amerikan Tesirleri II, Can Yayınları, çev. Can Ömer Kalaycı. İstanbul, 2015.

[216] Adıvar, Halide Edib. Hindistan'a Dair. İstanbul: Can yayınları, 2014. Bilkan, Ali Fuat. Halide Edip Adıvar'ın Hindistan'daki Konferansları // Biliğ. Kış 2011. Sayı 56. S. 33–44.

[217] Bilge, Yunus. Halide Edip'in Yedigün Dergisindeki Yazılarında Kadına Bakışı // International Journal of Social Science. 2012. August. Vol. 5. Issue 4. P. 43–61.

[218] Kökden Uğur. Halide Edip'ın Mektupları // Cumhuriyet gazetesi. 1994. 12.08.

[219] См.: Çopur, Yusuf. Halide Edip Adıvar'ın Akşam Gazetesindeki Makalelerinde Kültür-Sanat Edebiyat Yansımaları // Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi The Journal of International Social Research. Cilt: 9 Sayı: 44 Haziran 2016. S. 45–57.

[220] См.: Ünlü, Aslıhan. Değişen Tarih Ve Metin Anlayışı İçinde Biyografik Dram-II: Tarihten oto / Biyografiye, oto / Biyografiden drama Halide Edip örneği // YEDİ Dokuz Eylül Üniversitesi Güzel Sanatlar Fakültesi Dergisi. 2011. № 9. S. 9–21. Özcan, Mustafa. Tiyatro Eserlerinde Halide Edip Adıvar // Selçuk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi. 2005. № 17. S. 163–185.

[221] Латифе-ханум – Латифе Ушаклы (1898–1975) – супруга Мустафы Кемаля Ататюрка в 1923–1925 гг.

[222] Атифе Жале (1902–1941) (наст. имя Афифе, Atife Jale – псевдоним) – первая мусульманская актриса, вышедшая на профессиональную сцену Турции.

[223] Ünlü, Aslıhan. Değişen Tarih Ve Metin Anlayışı İçinde Biyografik Dram-II. S. 20.

[224] Kazan, Frances. Halide. Bir Başkaldırının Romanı. Çev. Gül Çağalı Güven. İstanbul: Sistem Yayıncılık, 2001.

[225] См.: Çetindaş, Dilek. Kurgunun Kahramanı Olarak Halide Edip // Türk Edebiyatı Aylık Fikir ve Sanat Dergisi. 2014. Şubat, Sayı 484. S. 70–73.

[226] Karaca, Nesrin. Halide Edip Adıvar'ın Nasrettin Hoca üzerinden İronik Çağ Eleştirisi. S. 14.

[227] В отличие от российской многонациональной литературы, в турецкой литературе писателей-билингвов немного, поэтому и отношение к ним неоднозначное. Отсюда отчасти исходят корни обвинений отдельных критиков в том, что язык Халиде Эдип «недостаточно турецкий».

[228] Sancar, Serpil.Türk Modernleşmesinin Cinsiyeti. Erkekler Devlet, Kadınlar Aile Kurar. İstanbul: İletişim yay, 2013. S. 138.

[229] Sancar, Serpil. Türk Modernleşmesinin Cinsiyeti. S. 139.

[230] Репенкова М. М. Женщины Турции в литературе и обществе. С. 73.

[231] Çalışlar, İpek. Halide Edip. Biyografisine Sığmayan Kadın. S. 466.

[232] Yılmaz, Ayfer. Halide Edip'te Kadın Hakları // Halide Edip Adıvar İncelemeleri. S. 75.

[233] Şerifoğlu Adnan. Halide Edip: Kendi Doğrularında Yalnızlaşan Güçlü Bir Kadın // İndigo dergisi. 2010. Sayı 59. Ağustos. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://indigodergisi.com/2015/12/halide-edip-kendi-dogrularinda-yalnizlasan-guclu-bir-kadin/.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

Часть 1. ***Новая женщина новой Турции***

Девочка из «Дома с глицинией» 8

В гуще событий общественной жизни 14

Капрал Халиде 29

Вдали от родины 48

Возвращение. Адывар и политика 56

Часть 2. ***«Писать – самое большое наслаждение в моей жизни»***

Романы 63

Сборники рассказов 143

Мемуары. Публицистика. Переводы 155

Заключение 167

Примечания 170

Научное издание

Сибгатуллина Альфина Тагировна

НЕПРЕКЛОННАЯ ХАЛИДЕ

Жизнь и творчество турецкой писательницы Халиде Эдип Адывар

Корректор – *Наталья Витько*

Компьютерная верстка – *Иван Плигин*

ISBN 978-5-98604-689-1

9 785986 046891

Подписано в печать 27.09.2018. Формат 60x84/16.
Объем 10,7 усл. печ. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
Адрес: 109544, г. Москва, ул. Рабочая, д. 91, стр. 4.
Тел. (495) 287-06-19; e-mail: probel-2000@mail.ru